

Хрясь и в суп

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Лисица

Дарья Лисица

Хрясь и в суп

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43104816

SelfPub; 2019

Аннотация

Рассказы с улыбкой и отвращением, любовью и предательством, кровью и рвотой. Но от души. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Лето.	4
Колесо обозрения.	8
Убийца спас самоубийцу.	15
Конец любого света.	20
Слепая.	49
Записки мерзкой личности.	63
Фабрика по производству битой посуды.	71
Голос.	82
Открыть глаза так сложно, дайте выпить.	104
Очарование детства.	117
Сюрреалисты плакали.	140
Разговор с дьяволом.	145
Про воробьев.	150
Лагерь страданий.	170
Петля.	186
Конец ознакомительного фрагмента.	209

Лето.

Была середина апреля. Солнце уже слегка прогревало землю, птицы возвращались с юга, мальчишки и девчонки прыгали по ещё холодным лужам и рвали первые цветы. Мир расцветал. "Как божественна природа и скромна, " – вспомнились слова песни девочке. Но ей весна была неинтересна, она жаждала лета.

Она считала, что каждый человек по-своему ожидает лета: одни люди из-за отпусков и каникул, другие ради праздников, оставшиеся из-за тёплой, солнечной погоды. Но она не ждала всего этого, ей нужно было именно Лето, во всех его понятиях, простых и сложных, лёгких и ненавязчивых, просто во всех.

Лето... Она любила каждую букву в этом слове, каждый день из девятисто двух, всё это было ей очень дорого. Каждые девять месяцев Варя, именно так звали девочку, жила только ради трёх других. Ожидание не томило и не тяготило ее, но на вопрос: "Какой день самый лучший?" – она бы без промедления ответила: "Первое июня!" – так как целое лето будет ждать впереди.

День шёл за днём, уже появились зеленые листочки на деревьях. На земле и на кустах расцветали цветы, которые давали аромат концу весны. Приближалось лето. Подступали экзамены, но даже это не могло расстроить Варю, ведь до ле-

та осталось 20..12... 8... 5 дней.

Время замедлялось. Всё вокруг становилось скучнее и однообразнее, но Лето было уже очень близко. С каждым днём Варвара спала все меньше, ведь ночи становились короче. Она наблюдала каждый восход, чтобы сравнить его со следующим и предыдущим, чтобы видеть, как дни становятся длиннее.

Варя была не самой обычной девочкой: её не интересовали мальчики, она не проводила сутки в интернете, не любила шумные компании. Особенно Летом. Летом ей не нужен был никто. Даже она сама.

Летом ей хотелось одного – слиться воедино с природой.

Оставался один день. Экзамены сданы, друзья уже уехали из пыльного города, а девочке нужно подождать всего лишь несколько часов.

И вот она выходит на крышу и смотрит на солнце, умоляя его уже зайти за горизонт. Но золотой гигант и не думает слушаться, его жизнь расписана по часам, и торопиться ему некуда.

Вдруг девочку за плечо кто-то тронул. Присмотревшись, Варя показалось, что это девушка. Но увидев её огромные бездонные зеленые глаза, девочка поняла, что ошиблась. Эти глаза выдавали в ней что-то не из этого мира.

Варя сразу узнала её.

– Вы Лето? – робко спросила она.

– Да, дитя моё – прошелестело Лето в ответ. Да, оно имен-

но прошелестело, маленькая девочка не могла ошибиться, ведь ей приходилось слышать точно такой же шёпот деревьев в лесу.

– Но как это возможно?

– Очень просто. Я пришла, потому что твоя душа звала меня. Каждый год ты ждала меня, вот пришло время исполнить твою мечту. Я могу соединить тебя с собой.

– Честно?

– Конечно, но есть одно НО, – тихо проговорило Лето.

– Неужели в двенадцать часов карета превратится в тыкву? – попыталась пошутить Варя.

– Нет. Неувязка в том, что для меня время течёт по-другому. Если ты согласишься стать частью меня, то человеческое понятие "лето" для тебя пройдет за один день. Согласна ли ты?

– Да, ведь я всегда об этом мечтала! – воскликнула Варя.

– Тогда стой здесь, да, прямо здесь.

Произошло нечто необычное, Варя не совсем поняла что именно. Всего мгновение назад она была собой, а теперь она – это трава, и цветы, и деревья – всё Она. Вот бежит девочка по лугу и смеётся, вот кто-то поливает цветы, а вот коровка траву жуёт. И Варя всё это чувствует. Каждый листик, каждый корешок и стебелек. Она – Лето! Она – часть природы.

– Ай! – хотела крикнуть девочка, когда лесорубы начали стучать по деревьям, но не смогла.

– Ой! – попыталась крикнуть она, когда девочка на лугу

начала собирать букетик для своей мамы, но голоса не было.
– За что? – начали осушать болота.

Ей было непереносимо больно, но она не могла сказать ничего и никому. Варя, или это была уже не Варя, зарыдала. Тут же на болота полил дождь, в лесу ударила молния, и мама забрала маленькую девочку домой, подальше от дождя.

Разразился гром, да такой, что даже самые стойкие струхнули. Но это не могло остановить лесорубов, им надо кормить свои семьи. Они продолжили рубить. Но она была в ответ. Страшнейший порыв был уже не остановим. Она бушевала, рвала и метала. Повсюду были слышны лишь стоны, да вой ветра.

Это была Буря! Грозная и жестокая в своем великолепии, она была воистину прекрасна.

Ни с того ни с сего всё кончилось также быстро, как и началось.

Лето стояло на Земле возле дома, медленно качая головой, затем дало дорогу золотой девице – Осени.

Варя, а теперь это была именно Варя, стояла на крыше и плакала.

Лето кончилось.

Колесо обозрения.

Теплый весенний день, я сижу в кафе на набережной в парке. Кофе мой уже давно остыл, но я не спешу его допить. За соседним столиком сидит парень, смотрит в свой телефон и изредка поглядывает на меня.

Я задумалась, глядя на проезжающий мимо теплоход, а когда опомнилась, то увидела, что этот парень сидит напротив меня и улыбается.

А у него красивые глаза, зелёные, с дерзким прищуром, – подумала я.

– Скучаешь? – сказал он.

– Сейчас или в принципе?

– А разница?

– В принципе не скучаю, у меня насыщенная жизнь. А сейчас да, немного, – улыбнулась я в ответ.

– Хочешь острых ощущений, чтобы развеселиться?

– Сомневаюсь, что ты мне их можешь дать, – засмеялась я.

– И все же?

– Ну, давай, удиви меня, – сказала я и откинулась на спинку стула.

– Давай тогда с тобой поиграем в игру. Я буду тебе говорить, что нужно делать, а ты беспрекословно выполнять. Если ты не захочешь, то в любое время можешь прекратить игру.

– Интригующе звучит, а давай попробуем, – загорелась я от такой идеи, – может для начала я узнаю как тебя зовут?
– Думаю, что тебе это не нужно знать.
– Хотя ты прав... для меня это лишняя информация.
– А теперь твое первое задание. Смотрю ты в белом облегающем платье сегодня. Иди поканими лифчик и трусики и спрячь их в сумочку, а я тем временем рассчитаюсь за твою кофе и пойдём погуляем по парку.

Я вначале хотела вспылить от такой наглости и самоуверенности, а потом задумалась. Действительно в этом ничего страшного нет, и интересно, что же будет дальше.

Я покорно пошла переодеваться.

"О Боже, через мое платье все тело полностью просвечивается... Но отступить уже поздно – я же не хочу, чтобы он подумал, что я какая-то слабачка, " – уговаривала я саму себя, глядя в зеркало.

Когда я вышла, за столиком никого уже не было. Я даже немного огорчилась при мысли, что он ушел. Попрощались с официантом, пошла на выход и увидела его. Этот парень стоял спиной ко мне на улице и курил. Я даже немного залюбовалась им – вроде ничего особенного, но от него просто прёт силой и уверенностью, как будто магнитом к себе притягивает. Он знает, что я стою за его спиной, и не поворачивается.

"Вот же самоуверенный кретин " – подумала я, но, скрепя зубы от злости, все равно подошла к нему. Он посмотрел на

меня сверху вниз оценивающе и сказал: "Так тебе намного лучше". Я вспыхнула, щеки предательски залились румянцем, а соски под его взглядом затвердели и начали выпирать из-под платья.

– Смотрю моя девочка уже повеселела, – засмеялся он и дерзким взглядом кивнул на мою грудь.

– Пошли уже, куда ты хотел, – сказала я ему агрессивно, а про себя подумала: "Дала бы я тебе сейчас подзатыльник, чтобы не смотрел туда, куда тебя не просят".

Он развернулся и пошел в сторону аттракционов. Я аж опешила... Неужели он думает, что я буду за ним как собачка следом бежать. Постояла немного, посмотрела, как он удаляется от меня, и пошла хмуро следом, даже не замечая взглядов проходящих мимо людей.

Он дошел тем временем до ларька с мороженым и купил одно, подошёл ко мне, протянул его и сказал: "Ванильное мороженое для самой злобной девушки этого парка. Шоколадное не предлагаю, чтобы не вымазать твоё беленькое платьице, – сказал и щёлкнул меня по соску, – только я не разрешаю его тебе сейчас открывать".

Я обалдела от его действий. Кто он такой, чтобы позволять со мной себя так вести. И из-за шока только смогла проговорить: "Но ведь оно растает..."

Он засмеялся, когда увидел смесь эмоций гнева и растерянности у меня на лице и ответил: "Пошли на колесе обозрения покатаемся, там его и попробуешь".

– Я высоты боюсь, – ответила я ему.

– Со мной ты её не почувствуешь, – сказал он и пошел к аттракциону.

Я как обычно поплелась следом проклиная то, что я вообще согласилась на его игру.

Когда мы зашли в кабинку, то я стала лицом к окну, демонстративно отвернувшись от него. Он подошёл ко мне сзади вплотную и немножко прижал своим телом к стенке кабинки. Своей попой я почувствовала как затвердел его член и как он упирается в меня через его джинсы.

– Открывай мороженое, но только не ешь его, а дай мне, – сказал он и начал поднимать мое платье вверх до талии. Я трясущимися от возбуждения руками открыла мороженое и протянула ему.

– Расставь по шире ноги и не двигайся, чтобы я не делал. И помни, что ты всегда можешь это остановить, – сказал он и сел на корточки сзади меня.

Я сделала как он сказал, а сама подумала, что уже наверное не смогу и не захочу останавливать.

Тем временем он взял за палочку мороженое и начал водить им вдоль моей киски. Я дернулась от холода и неожиданности.

– Не двигайся, я тебе сказал, – проговорил он и шлёпнул меня ладонью по попе.

Я плотно прислонилась грудью к окну, а он продолжил дальше. Теперь он уже начал им потихоньку заходить в меня,

все глубже и глубже.

"Теперь я понимаю, почему он взял именно эскимо. Продуманный, гад, " – подумала я и начала выгибаться и постанывать от удовольствия. От холода шли приятные колики, но из-за сильного жара у меня это было очень приятно.

Тем временем он встал, отложил мороженое в сторону, расстегнул джинсы, достал член и начал им водить по моей киске, вводя во внутрь только головку и дразня меня этим. Я попыталась начать двигаться, но он только вынул его, развернул меня к себе лицом и силой опустил меня на колени.

– А теперь ты попробуешь мороженое, которое так хотела, – сказал он, взял меня за волосы и начал с силой входить в мой ротик своим членом.

"Да, действительно, это самое вкусное мороженое, которое я пробовала", – подумала я. Вкус действительно был просто потрясающий: его возбуждения, мороженого и моей смазки вперемешку.

Затем он остановился, рывком поднял вверх, взял меня на руки и прислонил спиной к стенке кабинки. Я обхватила ногами его торс и он глубоко вошёл в меня своим членом и начал очень быстро и глубоко трахать. Я едва сдерживала крики от удовольствия, которое охватило меня. Он так сильно входил, что я иногда ударялась затылком о стену, но боли не чувствовала. Ещё несколько резких толчков и у меня случился оргазм такой силы, что я просто повисла на нем.

– Рано девочка, – сказал он, опустил меня на ноги, раз-

вернул спиной к себе и зашёл в меня снова. Я просто припечаталась телом к холодному стеклу, но мне уже было плевать видит меня кто или нет. Он двигался резко и жестко, натягивая к себе мои волосы так, что мне даже пришлось запрокинуть голову. Затем он вышел, отвернулся лицом к стене и я увидела как на пол падают белые капли его спермы.

– Мы же не хотим сюрпризов, да моя девочка? – повернувшись, сказал он, – и опускаясь с платья, мы уже приехали.

Действительно, опомнилась я, сейчас же откроют двери...

Когда двери открыли, я выходила оттуда с растрепанными волосами, одергивающая платье и вытирающая с губ остатки мороженого, но счастливая.

– Ну что, развеселил хоть немножко, моя скучающая красавица? – сказал он, когда мы отошли немного дальше от аттракционов вглубь парка.

Я только довольно кивнула, дыхание ещё не могла восстановить.

– Ну, тогда моя миссия выполнена и я со спокойной душой удаляюсь, с твоего разрешения, – засмеялся он довольный моим ответом, – не скучай больше, такой как сейчас, ты мне больше нравишься.

Он развернулся и пошел, удаляясь все дальше и дальше от меня. А я стояла, смотрела в след и думала о том кто он такой, насколько сильно он меня бесил и одновременно притягивал, как он быстро появился в моей жизни и как стремительно исчез из нее. Действительно, не важно было уже

как его зовут, важно было то, что он оставил в памяти после себя.

Убийца спас самоубийцу.

Рассвет. Вновь. Самый обычный, я видал и получше. Столько саморазрушения, столько попыток любить, столько мыслей в три часа ночи – небольшая группа из всех причин моей никтофилии. Давление тупых людей вокруг, врожденная депрессия, неожиданные панические атаки. Ксанакс. Пёрпл дранк. Крыша.

Этот рассвет мне запомнился особенно, до мельчайших подробностей – вдали легкий туман, скрывавший широкое окно моего бывшего друга, на котором висели гирлянды (посреди февраля). Его дом так близок к моему, но в мыслях друг был далек от меня. Наверяд-ли бы он смог спасти мое ужасное положение сейчас, одним лишь появлением он бы его скорее только ухудшил.

Никогда не замечал, что в пять утра так кипит жизнь. На чьем-то подоконнике сидел знакомый мне кот. Я никогда не был так рад знакомству, как знакомству с ним. Я живу на 8 этаже, и этот кот с его хозяевами живут тоже на 8 этаже в том самом доме напротив. Я любил наблюдать за этим котом по утрам и вечерам. А он пристально разглядывал меня. Однажды я повесил несколько листов бумаги на своем окне, на каждом по букве – "какое твое кошачье имя?". Я ждал, и вот, через три быстрых дня мне ответили так же, распечатав и повесив бумажку с именем котика – Картер. Этот кот что

раньше, что и сейчас согрел мне душу. Такой милый и красивый... Я был рад, пока к нему не подошел второй кот, или (еще хуже!) кошка. Везде отношения, везде дружба.

Время текло необычно медленно для меня. Длинные тени высоких домов, деревьев и появлявшихся на светлеющем небе облаков постепенно росли, придавая контраста и разнообразия всему этому утреннему пейзажу. Я всегда удивлялся тому, что вижу рассветы каждое утро, и каждый раз они меня удивляют, завораживают, тянут к себе, и мне только и хочется сидеть так подольше, наслаждаться зрелищем. Но в этот раз было по-другому, по крайней мере, меня так сильно к нему не тянуло. Тянуло только куда-то вниз, почему-то веяло загадочной неизвестностью, будто бы я стою на краю безграничной бездны.

Не могу расписать этот эпизод подробно, уж очень был он неожиданным и резким, но сзади я услышал чьи-то шаги, кашель и ругань. Все это подсказало мне, что идет мужчина, лет 30-35. Меня что-то останавливало, уж очень я не хотел оборачиваться. "Надо было раньше прыгать... – думал я. – А может прямо сейчас? "

–Чего сидишь? – задал очень неуместный вопрос подошедший сзади. – Красиво, да?

–Ага... – выдавил я, то ли ненавидя, то ли благодаря этого мужчину.

Он вздохнул, сел, и свесил ноги вниз, а я тем временем захлебнулся в приступе кашля. "А я еще думал, что я ненор-

мальный" – промелькнуло у меня в голове, когда я посмотрел на него.

–Ты же с восьмого этажа? – спросил незнакомец, и, не дожидаясь ответа, неопределенно кивнул. – Я вот теперь сосед твой, только квартирой левее буду, – протянул он руку.

Насколько я знал, в той квартире, о которой говорит сейчас он, жила и живет обычная семья, вижу я их почти каждый день и ничего, намекающего на их съезд не было.

–Временно? – спросил я, пожимая протянутую руку.

–Ну а как же. Мы с тобою оба молодые, еще успеем сменить квартиру не раз в своей жизни. Но в ближайшие года 4 переезжать не собираюсь. Так что ты тут делаешь?

–А кто вы? – вопросом на вопрос ответил я. – Это... из полиции что ли? – спрашивать было глупо, у него был такой властный вид, который у меня вечно ассоциируется с полицией.

–Нет, – ухмыльнулся человек и кашлянул. – Так, видом люблюсь. А ты мне так и не ответил ведь.

–Нуу... – замялся я. Он давил на меня взглядом и все, что я смог произнести это было – я это, наверное, вроде да.

–Понятно. А чего тебе, не для кого жить? Не приносишь никому пользу, бросила девушка, отвернулись друзья?

Я вздохнул. Спасибо, я и так это знал, зачем напоминать... Но я все же рассказал ему все, что со мной произошло, но только от этого мне не стало легче, а только хуже.

–Оу, тут даже и не посочувствуешь – произнес он, когда

я завершил свое повествование. – И вправду все плохо. Но давай договоримся так – он странно сверкнул глазами и во мне все сжалось. – Ты прыгаешь, освобождаешься от своих проблем, тебя больше не существует. А я тем временем пойду и вырежу всю твою семью, всех твоих родных, близких, – он начал перечислять каждого, а потом с совершенным спокойствием начал предлагать, как он будет это делать. От этого меня начало трясти от страха.

–Что... Кто вы? – настолько тупой вопрос, но я не мог больше ничего сказать.

А он не останавливался:

–Вот там живет у тебя бывший друг, – показал он примерно на то окно, где жил тот самый друг. – Я схвачу его, когда он пойдет за хлебом или прогуляться, отвезу в лес, вырежу глаза и оставлю на съедение волкам. Или кому-нибудь прострелю легкие, пусть думает, чего это он вдруг перестал дышать, – я еще раз поразился тому, с каким каменным лицом и абсолютным спокойствием он все это перечислял.

–Да ты же псих!

–Вот не ной сейчас только, ты же собрался прыгать, так валяй, на остальной мир тебе пофиг, тебе пофиг как будет поживать твоя семья, пофиг что будет происходить. Ты не будешь этого знать, тебя не будет существовать.

Все что я смог сделать – побежать домой... Родителей здесь не было, они уехали на несколько дней, и я надеялся, что с ними все хорошо. С трудом вспомнив номер полиции,

я набрал их и сбивчиво рассказал все, что произошло.

Когда они приехали, его здесь уже не было. Постучавшись в ту квартиру и разбудив ее хозяев, мы, вместе с полицией, узнали, что они оставлять свое место проживания не собирались, и никакой человек лет 30-35 не предлагал им купить эту квартиру. С благодарностью я кивнул жильцам, и, под их удивленные взгляды я вышел.

Составить точное его описание я не смог – наверное с перепугу забыл как он выглядел и во что был одет. Дальнейшие мои поиски не увенчались успехом и об этом деле все позабыли. Все, кроме меня, оставленного с воспоминанием об этом эпизоде моей жизни.

Позднее соседи поинтересовались, что произошло тем утром. На это я ответил, что меня спасло чудовище.

Конец любого света.

Люди придумали телевидение. С его помощью можно сделать многое: создать великую войну; продать тампоны; или отвлечь человека на просмотр очередного шоу, где все виноваты и невиновны одновременно. Силу голубого экрана трудно переоценить, ровно, как трудно переоценить всеобщий идиотизм человечества.

Рано утром молодой программист, бездельник, задрот и просто хороший человек – Роман, проснулся с тяжёлого бодрона, дело в том, что Роману вчера исполнилось 25 лет. Этот момент нельзя не отметить так, чтоб на утро размышлять над тем – что было, а что приснилось в пьяном угаре.

Первым делом Роман грязно выругался на несправедливость в мире, проклял тот день, когда он впервые попробовал алкоголь и пошёл пить воду из-под крана. Подойдя к окну, Роман заметил на улице какую-то нездоровую суету – люди бежали куда-то, причём все без исключения.

– Твою мать, неужели не я один вчера нарезался до безумия – куда все эти дебилы бегут в такую рань?

Дальше его голова отказалась соображать, все мысли пришли к тому, что надо бы купить бутылочку пивка, а лучше даже две. Недолго думая, он собрался, вышел на лестничную площадку, и его глазам предстала удивительная картина – прямо на бетонном полу сосед Романа – Гришка, тормоз по

жизни и козёл отпущения в компании, трахал какую-то шаболду, не обращая внимания больше ни на что. Роман опешил от такого зрелища, и, не привлекая к себе внимания, закрыл дверь и поспешил в магазин за живительной влагой хмеля и солода.

При выходе из подъезда, утренний прохладный воздух и яркий свет солнца начали приводить сознание Романа в норму, и тут в нём начало просыпаться волнение: на улице не было почти ни одного автомобиля, а все что проезжали мимо – исчезали вдалеке. Пробегающие мимо Романа люди что-то кричали или говорили невнятно, обычно это были короткие матерные слова, смешанные с тяжёлым дыханием и кашлем.

Дойдя до ближайшего супермаркета, Роман обнаружил, что магазин закрыт, и не успел он проанализировать окружающий абсурд, как перед ним двое мужиков в чёрной одежде разбили окно витрины магазина – один залез в помещение, держа в руках битую и большую челночную сумку; а второй достал из кармана пистолет и направил на Романа, со словами – у тебя есть пятнадцать секунд, чтобы исчезнуть, мне терять нечего, стреляю на поражение.

Недолго думая, Роман забежал за угол здания и устремился в соседние дворы, прятаться за гаражами. Волнение перешло в панику. Все мысли о пиве сменились мыслью, что секунду назад его могли убить. Ещё ни разу на Романа не направляли настоящее оружие.

Что-то ужасное произошло этой ночью, что кардинально

изменило ситуацию вокруг: ядерная война, землетрясение, всемирный потоп, вторжение инопланетян, а может революция? Все возможные версии распирали и без того больную голову Романа, ему было страшно и в то же время была безграничная злость на всю глупость и несуразицу, которая творилась в его жизни на данный момент.

Ответом на ряд вопросов был человек, невозмутимо рисующий граффити на чьём-то гараже. Это был худощавый парень лет 16, одетый в дорожную модную одежду.

Роман осторожно подошёл к нему и спросил – дружище, а что происходит в городе? Куда все бегут?

Парень отрывисто ответил, – ничего особенного, я всегда знал, что к этому придёт, на этот раз сто процентов. Теперь-то можно оторваться по полной, никто ничего не контролирует.

– Так что случилось-то? – Роман негодовал.

– Конец света по ящику объявили, то ли комета подлетает близко к Земле, то ли извергается вулкан, который уничтожит всё живое. В общем, пиздец нам – половина безумцев пытаются спастись, сбежать от своих страхов; остальная половина осуществляет все свои желания, в том числе и я.

– А какие у тебя желания? – спросил Роман.

– Я хочу разукрасить окружающий мир в свои краски, а ещё я мечтаю убить своих родителей, и себя заодно. Собственно меня ничто не держит, они наверняка ещё спят у себя дома – сейчас закончу рисовать и пойду с ними разби-

раться.

– А что они тебе плохого сделали? – Роман был шокирован такими мыслями у подростка.

– Я хотел быть профессиональным художником, у меня талант, а эти шнурки отдали меня на бокс, ненавижу!

Роману и вправду понравились рисунки; которые этот парень вывел на гараже – в них было что-то психоделическое, завораживающие, загадочное, непонятное.

Тут послышались крики и выстрелы. Роман понял, что это те самые отморозки, которые угрожали ему у супермаркета, и оперативно принялся готовиться к забегу. А парень спокойно поставил пустые баллончики рядом с гаражом, пожелал удачи Роману и не спеша пошёл в сторону домов, откуда только что раздавался шум.

В прохладном воздухе появилась нота напряжения, даже птиц не было так слышно, как обычно по утрам. Не дожидаясь своей скорбной участи, Роман сорвался с места и побежал. Его трясло и ломало, казалось, что все болезни у него обострились разом. Передвигаться было невыносимо, всё сознание уже было готово получить свинец в грудь или спину, но подсознательный инстинкт самосохранения тянул его куда-то вдаль. Выбившись из сил окончательно, он сел на проезжую часть, оглянулся и понял, что в этой части города он никогда не был за всю жизнь. Роман закрыл глаза и задумался о том, куда всё-таки уезжали люди рано утром. Может, есть то место, где можно спастись. Может всё же есть цель в

этой глупой, бессмысленной, бесцельной ситуации?

В себя его привёл протяжный гул автомобильного клаксона, рядом с Романом остановилась выдавшая виды, помятая «лада-веста» и из неё высунулась молодая девушка.

– В гости к Богу не бывает опозданий, но однако и валяться нечего, погнажи искать свою судьбу, – весело крикнула она Роману.

Делать ему действительно было больше нечего, как сесть в машину к незнакомке и пытаться найти хоть какую-то логику в окружающем беспределе.

– Тебя как звать, лежебока? – спросила девушка.

– Рома.

– Очень приятно познакомиться, Рома, а меня Женькой. Ты как вообще на дороге оказался? Я тебя чуть не задавила.

– Да вот, бежал от бандитов, выбился из сил, думал, что смерть пришла за мной, а приехала ты.

– Эээх ты, помирать он собрался, надо вгрызаться в эту жизнь, до последнего сердцебиения! Я, как только услышала про конец света, сразу позвонила корешу одному из подмосковья, Колимоном величать, Колян короче. Вот у них там нечто вроде компании собралось, по одиночке тут не выживешь, я сразу сорвалась к ним.

– А у тебя оружие есть? – поинтересовался Роман.

– А как ты думаешь, я эту рухлядь на моторе заплучила? – Женька очень громко рассмеялась.

– Господи, с кем я еду, и куда... – подумал Рома, – хотя, с

другой стороны, она меня, возможно, спасла от головорезов, да и какой теперь смысл думать о чьих-то скелетах в шкафу, когда скоро все станут одной большой грудой костей или окаменелостью.

– О чём призадумался Ромалэ? – Женя отличалась бесцеремонностью и навязчивостью.

– О смысле дальнейшей жизни и о потерянных возможностях, – печально ответил Роман и залип в окошко.

– Весьма абстрактно шьёшь, а до сегодняшнего утра много ли у тебя возможностей было и смысла? – не без сарказма спросила Женька.

Ответить на этот вопрос Рома не успел, так как на дорогу выбежал мужик лет пятидесяти, в белом пальто или кителе, фуражке и весь заросший рыжей щетиной, и начал размахивать руками.

Едва не сбив его, Женя остановилась у обочины.

– Ну вы посмотрите только, ещё один потерянные возможности искать собрался чтоль?

Мужик не заставил себя долго ждать. Подбежав к автомобилю, задыхаясь и волнуясь, сказал – ребят, дальше по дороге нельзя, там военные стоят на БэТэРах, всех тормозят, шмонают, кого-то отпускают, кого-то убивают. Беспределят, короче говоря – через лес вам надо в объезд, и меня заодно возьмите пожалуйста, я дорогу знаю, покажу, а из вещей у меня только сумка с едой – много места не займу.

– Ну, поехали, коль добрый человек, только под колёса не

бросайся больше, машина старая и неприостановленная порой, – с этими словами Женька запустила двигатель, вместе с Ромой представилась новому попутчику, мужик сел сзади. И свернув направо, они поехали по разбитой лесной дороге.

– А меня, ребятки, Владом зовут, я тут почти всю жизнь живу, в этих посёлках. Сегодня утром трассу вдоль прошёл, у военных каждые двадцать километров посты стоят, поиздеваться походу решили напоследок или надеются на чудо.

– Влад, а чем вообще занимаешься по жизни? – спросил Роман.

– Ооо, это долгая история, но если коротко и по существу, то пробатонил я свой актёрский талант.

В этот момент Женя удивлённо крякнула и нараспев проговорила – эвона как, а ты оказывается артист у нас, ну-ка поделись подробностями своей грустной биографии.

– Да всё очень прозаично. Поступал во ВГИК, не поступил. После армии пробовал ещё раз, я всегда чувствовал в себе тягу к работе на сцене, но окружающие не разделяли моих настроев. В итоге, снова завалив вступительные, я поляну простриг – устроился по блату в местный театр под Серпуховом. На вторых ролях снялся в кино, даже узнавали на улице. Дальше несколько раз снимался в массовке, потом перестали приглашать даже туда. Начал бухать, затем несчастливая любовь – стал кирять вдвойне...

– Ну а как же работа в театре? – поинтересовалась Женя.

– А что театр, игра на сцене превращается в хобби, после

того, как в зрительном зале три к четырём мест пустые а на афишах в транспорте и плакатах на стенах твоё изображение перестают изрисовывать школьники – не подписывают незамысловатые фразы из матерных частушек и поговорок, потому что даже не знают – кто ты, и с чем тобою надобно завтракать. Нет будущего, нет настоящего, да и прошлое весьма мутное, как старый почти забытый сон из детства, с примесью анекдотичной иронии. Вот и получается: искал счастье на сцене, а теперь нашёл его в кочегарке, в глухом посёлке, в гордом одиночестве. А у вас, господа, наверняка интересные пути через тернии к звёздам – поделитесь с вашим покорным слугой.

– Напрасно вы так, товарисч артист, – сразу отреагировала жена, – моя история не более красочна, чем ваша.

– Ну ладно, ладно, давай – не скромничай, синеглазая, выкладывай, как есть, – Влад не унимался играть словами и палясничать.

– Ну, так вот, родители меня никогда не понимали. С детства увлекалась уличными танцами и футболом, не следила за модой, не слушала сраную попсу и быдло рэп, не парила вейп и даже анимэ не смотрела, хоть его смотрели все: от мала, до велика. Я несколько раз убегала из дома с компанией друзей, бродили по спальным районам, обитали на тепло-трассах, почти сразу всех накрывали менты и отдавали родителям, но мне в этом плане повезло меньше. Я со своим парнем автостопом решила уехать к подруге в Рязань, у неё

свободная хата имелась. Случайный дальнобойщик нас взял, и поначалу показался добрым и позитивным человеком, по крайней мере, выглядел как толстяки обозревающие на ютубе пиво.

Роман вспомнив своего очень толстого одноклассника, которого почему-то все называли Сквозняк, засмеялся.

– На одной из остановок этот урод– дальнобойщик незаметно достал ружьё. Начал нам угрожать и требовать, чтоб мы залезли в кузов фуры, но парень не стал выполнять его условия и бросился на него. Дальнобойщик убил его сразу, а мне пришлось побегать от него, прежде чем он и меня подстрелил. Оказалось, что он работает на какого-то миллионера и под прикрытием дальнобоя параллельно ищет рабов своему хозяину среди молодых бродяг, так как старые бомжи и алкаши ни на что не годны, кроме как полы мыть. Так я попала в криминальный мир, полный беспредела, выгоды и больших возможностей. Достаточно быстро я втёрлась в доверие и меня из рабынь втянули в наркобизнес. Через полгода нас схватили менты, на три года посадили, и вот сейчас мне 22 и я выживаю засчёт случайных подработок и воровства– такая вот моя тяжкая доля, – подытожила Женька.

Влад понимающе промычал и вместе с Женькой внимательно посмотрел на Романа. Рома понял – от него ждут рассказа, и сразу буркнул, что у него жизнь говно и что он программист. Отвернувшись к окну, он погрузился в дрему и залип на бесконечные домики, расположенные вдоль леса,

слушая бесконечные байки своих случайных попутчиков.

Ночью они развели костёр и Влад начал жарить мясо. Роман понял, что уже лет с 16 ни разу не был на природе – всё в учёбе, работе и периодических вписках. Женька достала какую-то сушёную траву, забила её в косяки и они начали её курить. Влад из фляжки налил самогон и, выпив, они приступили есть мясо. Роман ещё никогда не ел такого вкусного мяса и спросил у Влада, что это и где он его достал.

Влад засмеялся и сказал – а ты попробуй догадаться.

– Ну, на свинину не похоже, и на курицу тем более. Баранина?

– Нет, – ответил Влад. – Этих барашков ты каждый день на улице видишь.

– Неужели собака? – Роман пришёл в шок и под влиянием травы громко засмеялся.

Женька отрицательно покачала головой.

Роман хотел продолжить разговор, но упал с бревна, на котором сидел, уронив на себя кружку и остатки мяса, и закатился смехом ещё сильнее. Из глаз текли слёзы, с роду ему не было так смешно.

Влад что-то сказал на ухо Жене, а потом подошёл к Роману и, перекрикивая его истерический смех, отчеканил, – мы сегодня ужинали ногой человека!

Роману было совсем не весело, но очень смешно, он не мог остановиться и сам не заметил, как самогон его убаюкал, и смех плавно перешёл в сон.

Проснулся он рано утром от холода и сильной жажды. Машины не было на месте, и его вчерашних попутчиков след простыл.

– Вроде такие поломанные жизнью и деклассированные элементы, но чёрт возьми, я к ним уже привык, к их бесконечной болтовне, я привязался к ним, влюбился и потерял их. Они хотя бы знали, куда ехать, вернее не так: они знали, откуда надо драпать, чтоб не стать подарком судьбы для озверевших военных... А может и не было никаких военных? Придумали их, они же кидалы и авантюристы, может хотели меня отвезти подальше от города, ограбить, или того хуже – съесть... А брать-то нечего с меня, и невкусный я вовсе. В голове у них сплошные военные – война головного мозга... Оружие откуда-то, автомобиль... Ад пуст – все черти здесь!

Мысли атаковали голову Романа, он не знал, куда идти, но видел какой-то город вдалеке и направлялся туда. Как о первой девушке, он сейчас думал о вчерашних знакомых, это была хоть какая-то зацепка, какой-то шанс. Тут его спину пронзил удар электрического тока, и, потеряв сознание, Роман свалился на асфальт.

Пустота... Темнота... Выключение... И снова свет, тяжёлое дыхание, боль сквозь всё тело.

Постепенно мутная картинка преобразовалась в непонятное помещение, типа будки какого-то грузовика. Роман увидел вчерашних знакомых, которые, видимо, как и он попали

сюда отнюдь не по своей воле. Так же рядом с ними сидело двое мужиков-один высохший с очень длинной бородой, олимпийке и рваных джинсах и кроссовках; а другой был толстый, тоже бородатый, но в рваном пиджаке, аккуратных джинсах и туфлях.

У выхода стояли два головореза с дубинками, а за столом сидел маленький неказистый мужичок лет пятидесяти в военной форме. Не успел Роман прийти в себя, как этот во-яка заорал, – сраные придурки, вам тут никто не поможет, вся эта брехня про конец света – вымысел, который придумала часть элиты, чтобы дестабилизировать обстановку. Через недельку объявят, что всё это была шутка, все персонажи вымышлены и совпадения случайны. А ещё через недельку всё встанет на свои места, и люди дальше будут ползать в своём псевдокомфорте от зарплаты до зарплаты. Впрочем, вам от этого не горячо, не холодно. Вы будете моими рабами, вы будете везде! Возможно, открою вам секрет – вам двенадцать лет назад вживили чипы, и вычислить ваше местоположение не составляет труда. Ваша задача изначально будет в том, чтобы убивать тех людей, которые нам не выгодны сейчас: неподконтрольные нам военные подразделения, менты и избалованные бизнесмены. Так же вы будете грабить всё что можно, и всё что нельзя. Вот вам рации, я буду постоянно с вами на связи.

С этими словами полевой командир раздал средства связи и оружие, это была его ошибка, т. к. в следующую мину-

ту Женька, Влад и эти два мужика рядом, как по команде, набросились на него и головорезов у входа. Роман спрятался под столом.

Женька и толстяк ножами забили двух амбалов, а Влад задушил командира.

– Вылезай, давай, рыцарь! – крикнула Женя Роману, подмигнув ему, она собрала пистолеты и автоматы с патронами и открыла дверь из будки на улицу.

То, что они увидели, шокировало их изрядно. Они находились в каких-то болотах и глухих зарослях, а в десятке метров от них стояло человек тридцать вооружённых спецназовцев. Недолго думая, ребята открыли по ним огонь. Бойцы не ожидали этого, и поэтому ряды живых спецназовцев заметно сократились. Но талант не пропьёшь, и, оставшиеся десять бойцов спрятались за деревьями и, меняя дислокацию, весьма успешно стреляли по противникам.

Роман впал в состояние ступора, укрылся за будкой и ничего не делал. Потом он посмотрел, как заряжает автомат Влад и повторил такую же операцию со своим стволом. В этот момент Влад упал, кровища хлестала из головы и шеи, рыжая борода в один момент стала красной. Он был мёртв. Как ни прятался Роман сегодня от трупов – всё же пришлось столкнуться с ними лицом к лицу.

Не думая, машинально, он подбежал к углу будки, выглянул аккуратно, дёрнул затвор и открыл очередь в сторону дерева, откуда почти сразу свалился боец.

У Романа потемнело в глазах, всё внутри сжалось, из носа пошла кровь, но он собрал все возможные силы, чтобы не упасть в обморок и оглядеться вокруг. Он увидел, что вдалеке летит вертолёт, а из его собратьев по несчастью остались только толстый мужик и раненая Женя, которая кричала Роману, чтоб он сваливал отсюда, а она его прикроет.

Роман помутнённым разумом оценил благородство бойкой девушки, бросил автомат, т. к. патронов больше не было, а тяжесть мешала бежать, и стартанул что было сил в глубину дремучих джунглей. Лес казался бесконечным, он состоял из осин, тополей, лип и кленов, плотно прилегающих друг к другу.

– Лучше бы я не ходил за этим долбаным пивом, лучше бы не просыпался так рано, лучше бы не узнавал про этот конец света; скоро всё вернётся на круги своя, а я буду уже не таким, как вчера, если вообще – буду... – такие мысли мысли атаковали его голову.

Роман снова выбежал к какому-то городу.

Высокие красивые дома украшали напряжённое безмолвие, царившее вокруг, но в то же время дополняли и подчёркивали ту беспомощность, ту бесполезность, мелочность и узкую специализацию, которую ощущал Роман всем своим сознанием и телом.

Красивые плакаты с рекламой, которые ещё вчера манипулировали сотнями и тысячами людей, блестящие зеркальные стёкла ночных клубов, торговых центров и офисных зда-

ний, отсвечивающие жёлтым цветом – ещё недавно давали людям позитив, а сейчас это лишь просто игрушка без смысла и на фоне серого неба способная вогнать в депрессию любого оптимиста.

Огоньки на витринах, 3Д экраны, бесконечные скверы с фонтанами и бесплатным вай-фаем, огромные 5Д игровые клубы, где вероятно до сих пор находятся десятки людей и не подозревают ни о чём плохом. Ещё недавно это было чем-то обыденным, но сейчас – без людей это выглядит крайне дико, и даже случайный прохожий был бы чем-то из ряда вон выходящим. Нет того стада, в котором он мог пастись и не нести ответственность за себя.

Все магазины были разграблены, повсюду валялись следы человека в виде гор мусорных пакетов, бутылок, банок и упаковок от чипсов.

Сложно представлялось, как это всё будет восстановлено в первозданном виде за две недели. Если полевой командир не блефовал, то за ними наблюдают по навигации и очень скоро его найдут. Он же враг, оказал сопротивление и убил того спецназовца.

– Господи, что я наделал?! Убил человека, у него ведь друзья, семья, дети, он всего лишь был вынужден зарабатывать деньги, либо так же был запуган и завербован. Этот боец вскоре мог бы стать таким же случайным прохожим, как и я. А я бы мог не убивать, мог бы сразу убежать, но я взял оружие...

Роман заплакал, он очень давно не плакал, как-то жизнь отучила его от эмоций, чувств, переживаний. Жизнь отучила его быть живым!

Минут через десять он успокоился, нашёл на асфальте брошенную палку обезжиренной колбасы и бутылку двойной колы, сел на скамейку и начал есть, впервые за полдня желудок получил ресурс для своей работы.

Утолив голод, Роман стал легче относиться к сложившейся ситуации, даже умирать ему не так уж и страшно стало. Одиночество стало для него нормой; и уже не так тревожно было, потому что понимание, что все этапы своей жизни он прошёл один на один с проблемами, стало очевидным и абсолютным.

Почему то в этот момент ему захотелось любви, но не человеческой, а всевышней. Впервые за долгое время он всерьёз задумался о Боге, захотел попросить прощения за то, что был раньше равнодушен к своим близким, что вёл такой бестолковый и плохой образ жизни. И, конечно же, попросил прощения за то, что убил человека. Хотелось извиниться за каждый плохой эпизод в своей жизни, но, к сожалению, многое забылось, а может, и не было особо никакой жизни...

На этом его размышления оборвались, сзади послышался хриплый, грубый голос. Он принадлежал мужику лет 55, который был весь высохший, в татуировках, в протёртой выжженной майке, таких же джинсах, кроссовках и ужасно поломанным лицом.

– Скоро сюда военные приедут. Они каждые три часа обход делают по районам, хочешь жить – следуй за мной. Меня Костей зовут, а тебя как?

– Роман.

– Приятно, короче, чтобы выжить – надо группами держаться, а в одного ты в раз погибнешь.

– Ды в этом я уже убедился, а если особо нет желания жить?

– Ну, тут хозяин – барин, я вот, боюсь смерти, хотя прошёл через огонь, воду и медные трубы. Это очень страшно – осознавать, что секунду назад тебя могло убить, – сказал Костя.

– А я вот, до вчерашнего дня вообще не знал что такое смерть. Это для меня было чем-то отдалённым, неявным, фантастическим. И теперь, за пару дней, я так посмотрелся на убийства и насилие, что уже самому интересно – что же там?

– А что с тобой произошло? – спросил Константин.

Роман рассказал свою историю, начиная с бандитов у магазина и заканчивая перестрелкой в глухих болотистых местах.

– Так что, всю жизнь планктоном прожил, зато тепереча смотри, даже человека убил, можно и самому туда.

– Да ты не торопись тот свет смотреть, то ли ещё будет. Сейчас перекантуемся денёк-другой, и можно будет домой возвращаться. Я сам через разные сорта говна прошёл. Мне

56 лет, по молодости балагурил, буюнил, бухал постоянно, то там, то здесь, тыры-пыры-пассатижи. Работу не искал, деньги появлялись спонтанно от случайных людей или воровства. И так же спонтанно они исчезали. Я интересовался преимущественно музыкой. День и ночь со своей шоблой дворовой бродяжничали по окрестностям, играли рок баллады знаменитых исполнителей, а потом начали сами сочинять. Этим и зарабатывал свою копейку, а потом когда с московской тусовкой скорешился, появились деньги и я на наркоте подсел. Много смертей я видел – близких и не очень людей. Тяжело это весьма, особенно когда каждый день находишься на волоске от того ужаса, который видишь в глазах умирающего друга. Несколько раз меня сажали в тюрьму, уж и забыл – какая татуировка тюремная, а какая сделана под кайфом, уж и сам забыл, что они означают, – вкратце поведал свою нелёгкую Костя.

– Ошибки молодости, – подвёл итог Роман.

– Ага, ещё какие, но с другой стороны – умный учится на чужих ошибках, а дурак на своих. Как то ведь мне надо было учиться? – сказал Константин и засмеялся хриплым смехом, плавно переходящим в кашель.

– А куда все собаки делись? – поинтересовался внезапно Роман, – ведь раньше же бегали по улицам.

– Ты видимо с Луны свалился, братан, – зычно прохрипел Костя, – их уже лет десять, как постреляли и по питомникам разобрали, нет их в городах уже давно.

– Мдаа, и правда отстал я как то от жизни, – Роман чувствовал себя неловко и в то же время сам смеялся над своей нелепой невнимательностью и рассеянностью.

В это время они подошли к большому автомобильному мосту, и Константин устремился вниз, под бетонные перекрытия и поманил Романа за собой.

Внизу лежали большие матрасы, верёвки с развешенной на них различной одеждой, бочка и горящий внутри неё огонь. Всё окружено крупными кленовыми ветками, так что со стороны было бы незаметно, что под мостом течёт жизнь.

На матрасах сидели: мужик лет 60, внешне несколько похожий на Костю, только крупнее, и с более гармоничными чертами лица; парень – ровесник Романа в очках, чёрной майке, джинсах и кроссовках – наверняка, тоже программист или что-то вроде того; и женщина возрастом слегка за 30 – очень нежная и хрупкая на вид, светлая и приятная.

– Знакомьтесь, ребята, – это Роман. Рома, знакомься, – это вот мой брат – Серж, всю жизнь спасаем друг друга периодически, а это Димон и Вика. Ты не смотри, что он в очках и дрищ – он вчера нас от вояки спас, сапёрной лопаткой его вырубил. Тут, под мостом, мы в относительной безопасности, отсюда обзор хороший вокруг, а нас никому не видно.

Как только Костя разложил всё по полочкам, все сели греться у огня, начинало смеркаться. Роман поведал всю свою историю, рассказанную Константину днём. После они начали жарить мясо, Рома на всякий случай спросил – не

человеческое ли оно. На что его заверили, что это свинина из магазина.

Подкрепившись и согрившись, Костю пробило на философию:

– Вот сегодня мы прожили день, 24 часа, 24 раза по 60 минут. Сколько сегодня было запоминающихся мгновений? А сколько их было в течение жизни? Очень много, и мне бы хотелось, чтоб вы рассказали то, о чём сейчас подумали, когда речь зашла про важное мгновение в памяти. Что первое пришло в голову и что действительно не забудется никогда?

– Начну с себя, как вы уже поняли, я – бродяга, и много критических ситуаций я пережил, но есть очень приятное воспоминание из молодости. Мне было 16 лет, это был август 2007 года. Кроме Сержа из вас никто и не вспомнит то ламповое свободное время, когда говорили что думали, думали что говорили и жили с уверенностью в завтрашнем дне. Хотя и тогда маразма хватало, но просто представьте время, когда компьютеры были не у каждого, а у кого они были – занимали целый стол, а не карман или чип в затылке. Тогда можно было купить еду или выпивку в любом ларьке за наличку, причём совсем дёшево. И проезд был совсем дешёвый. И люди были общительнее, веселее и свободнее. Их ещё не до конца испортили блядские шоу и политические игры. Тогда люди могли сидеть на скамейках, потягивая «джин-тоник», петь песенки «сектора газа», Цоя, или «ляписса-трубецкого». Для молодых сейчас это пустой звук, а для нас это

была культура...

– Ну в общем это всё лирика, так вот, поехали мы в августе большой компанией в качестве болельщиков из Москвы в Саратов, тогда я очень на футболе задрачивался и мы всем фанклубом заказали помятый жизнью «икарус» и отправились в путь-дорогу. Спустя четыре часа стало скучновато, все основные песни спели, кричалки проорали, анекдоты рассказали, нужно было горячее. Была остановка, где то в рязанской области, Шацк вроде, и мы там – в придорожном кафе купили пирожков, блинчиков и несколько пакетов с портвейном. Когда поехали, начали открывать и наливать, тут один умник закатил истерику, его очень испугал и удивил тот факт, что в его стакане плавают огненные клопы, мухи и божьи коровки. А тогда действительно, производители вина не заморачивались и гнали всякую некудышную дичку. Но меня это никогда не останавливало, в компании самые капризные портвейн прогогняли через сито, а мне вообще было насрать. Так вот, опять я отвлёкся. Настроение тогда было боевое, хотелось показать всяким превередам босяцкий мастер-класс. В это время по телевизору в «икарусе» показывали мультик «тимон и пумба», а они считали почётным поедание насекомых. И, со словами – смотрите глупцы, даже детей учат насекомыми не брезговать – я отжал упаковку с вином и выкрикнув фирменное « хаккуна матата» выпил её залпом вместе с букашками всякими. Дальше был небольшой провал в памяти, и вот уже на остановке под Тамбовом

до меня дошло, что футбол мне не так уж и интересен, и, вообще, в путешествии пора бы сделать конечную. Подговорив трёх своих друзей, я взял оставшийся портвейн, деньги и фаеры, и сбежали в направлении города. Там мы купались в фонтане, знакомились с девушками, в первый же день пропили почти все деньги в баре, ночью с помощью фаеров сожгли кабинку биотуалета и ещё пару дней тусовались с местными бомжами, очень классные ребята, кстати. Жарили на костре зефирки и пили «охоту крепкую» в больших количествах. Один бомж мне даже пиджак свой подарил, до сих пор дома висит, там в кармане с тех времён лежит одноразовая вилка и пачка «примы». А потом, когда в Тамбове нам надоело куролесить, мы настреляли бабла, доехали до Рязани на электричке, купили буханку хлеба, две бутылки водки и вышли на трассу ловить попутки. Большинство автомобилистов отказывались брать, но один дедок на старенькой «волге» нас подцепил и довёз до подмосковья, рассказывая байки о своей нелёгкой жизни. А там мы уже пошли пешком, идя домой, я два дня спал, как убитый. Это самое классное воспоминание в моей жизни.

Как толь Костя закончил рассказ – с неба пошёл сильный дождь. Роман никогда раньше не замечал – насколько красива стена из множества капель, он наслаждался ливнем, как ребёнок. Свежесть в воздухе тоже была для него открытием, он впервые чувствовал запах сырой травы, аромат холодной грязи. Во всём этом было что-то космическое, неземное.

Дальше разговор о воспоминаниях продолжил Серж:

– А я вот долгое время работал охранником, на складе лекарств, лет 15, наверное. В ночную смену я оставался один на один с десятками тонн различных таблеток, растворов, капсул, мазей и сиропов. И только спустя годы, я в полной мере ощутил, что рядом со мной есть средства на общую сумму куда больше моей годовой зарплаты, я к ним имею доступ, знаю – где и что можно взять незаметно. И брал, сначала немного, вытаскивал отдельные упаковки с обезболивающими, потом, в наглую, в охапку брал целые стеллажи, и вывозил их на своей машине, и, получив зарплату, не ожидая ни минуты, уехал в другой город. Самым запоминающимся был день, когда я бросил эту дебильную работу и продал лекарства различным знакомым барыгам. Получил по тем деньгам средства на покупку трёх хороших квартир. Чёткое ощущение наглости, безнаказанности, власти и осознания того, какой хренью я занимался ранее. Потом, конечно, я поддался эйфории, никуда не вложил деньги, и в течение десяти лет всё с концами прогулял. Тратил деньги на дорогой алкоголь, наркотики, девочек и поездки по святым местам. Последние 500 тысяч рублей я потратил на лечение от наркотической зависимости. Но тот момент мнимой свободы в самом начале меня пленил и отложился в памяти на всю жизнь. Нет более страшной зависимости, чем пойти на поводу у беса!

– Эээх, Серёга-Серёга, – с досадой пробормотал Костя, – Я то уж думал, что ты расскажешь, как мы в лесу в двух сос-

чем то знаковым и хотел вам рассказать, хпхахаха хихихии и забыл ыхыхы... совсем забыл момент, как я чуть не погиб в автокатастрофе. Это был по истине ключевой момент во всей моей жизни, а я его тупо забыл... Ахаха хотел рассказать про то, как поебался первый раз, господи, Виктория, спасибо, что мне напомнили... а то бы я... пхахаааахаха чёртов психопат.

Вика продолжила, – короче говоря, моё главное воспоминание...

– Ахахаха хахааааа, – Дима снова закатился порцией смеха и упал с матраса.

– Моё главное воспоминание получилось длиной в человека, – наконец смогла договорить свою мысль Виктория и сурово посмотрела исподлобья на Диму.

Все замолчали, и Димон понял, что пришёл его черёд и он, успокоившись, сказал – в общем, ехал я на учёбу в такси, музыку слушал, никого не трогал и тут со встречи вылетел камаз и снёс часть кузова нашей машины. Я чётко ощутил смерть, то, что я не в контроле тела, я слышал запахи, видел вкусы, я был и небом, и землёй, я был ощущением, чистым ощущением. Но у всего этого не было времени, и я сразу оказался на асфальте, вся машина была смята, пассажиры и водитель погибли сразу, тела стали грудой мяса. Как потом выяснилось, у фуры отказали тормоза, шансов у легковой машины не было, а я кроме кратковременной потери памяти и лёгких ушибов, ничего не получил, будто меня и не было в

той машине, а я проходил мимо и упал на асфальт, споткнувшись, наблюдая ДТП со стороны. Очевидцы не помнили, как я оказался вне автомобиля и я сам не мог этого понять. Меня, как будто, выключили в момент ДТП и вбросили в другую реальность, где меня не было в этой машине. По-научному это вроде называется квантовым бессмертием. После этого, я поверил в Бога, бросил пить, стал веганом, хожу в церковь, и вскоре женился. Сейчас вот жена в Питере, даже не знаю, жива она или нет. Такая вот моя история.

Ребята слушали этот рассказ, затаив дыхание. Очередь дошла до Романа. Он это понял и сказал: – я только сейчас понял, насколько тупая и однообразная была моя жизнь раньше – я не любил, я не переживал, я был невнимателен к окружающему миру, цинизм и животный инстинкт самосохранения – вот. Что двигало мною все эти годы. И вот по-настоящему ключевое воспоминание со мной произошло буквально день назад, – я убил человека. Я уверен, что не у каждого в жизни бывает такое испытание, никогда бы не подумал, что с этим столкнусь. Всегда думалось, что убийца – это где то там, в тюрьме, бандит, злой такой, как Бармалей, дикий. Как бы, не касается меня это, а тут непосредственно я и стал тем самым преступником. Первое, что я ощутил – это холод, меня пронзил озноб. Сердце сжалось, и я сразу представил себя на месте этого убитого парня спецназовца. Какое-то переживание было, меня пробивало на слёзы, хотелось всё изменить, хотелось уйти, убежать от этой ситуации, хотелось

провалиться сквозь землю, я просто желал исчезнуть. Мне стало жалко всех погибших людей, даже кого не знаю, я и сам там погиб, какая-то часть меня осталась там... Это – очень страшно...

В этот момент вдалеке послышались крики, звуки мотора, и на ребят упал свет фонаря. Недолго думая, они вскочили и побежали в разные стороны. Роман слышал крики, но не останавливался ни на секунду. Он бежал сначала по тропинке, потом свернул в сторону каких то кустов, ощущалось чьё-то присутствие. И чутьё не подвело, он уловил боковым зрением, что его кто-то стремительно нагоняет. Роман чувствовал себя игрушкой в чьих-то неумелых руках, его то находили, то теряли в самый последний момент. Это стало привычным за последние дни, но всё же инстинкты не давали страху отступить.

В кустах Роман ощутил более надёжные условия для спасения, отбегая в сторону от деревьев, он путал охотника.

Начались выстрелы, но благо, они были где-то позади него и, казалось, совсем не угрожали.

Увидев речку, Роман, не задумываясь, прыгнул в неё и захлёбываясь поплыл. Находясь на середине водоёма, до него дошёл шокирующий факт: он никогда в жизни не плавал, не умел и даже не пробовал учиться. Осознав это, он сразу испугался и пошёл на дно. В этот момент начались выстрелы по воде и погружение спасло ему жизнь. Роман боролся за жизнь в который раз, и сейчас он размахивал руками, дёргал

ногами синхронно и по отдельности. Даже при отсутствии видимых стимулов, жить хотелось как никогда раньше, он плакал, хотя в воде это было ему не заметно, ему хотелось дышать, кричать, бить, топтать ногами, прыгать, ему хотелось сказать каждому человеку о самом важном, о любви; делом вселенской важности было доказать всем, что человек – это не хищник, что надо искать точки объединения, а не разделения. В голове крутились мысли, что сейчас много людей, с кем он был знаком, раскиданы по свету, и все в одиночку грызутся за жизнь, каждый по-своему и вот сейчас, из нескольких сотен знакомых, ему никто не поможет. Роман бился в истерике, терял сознание, казалось, что тёмная вода ещё сильнее темнела, когда рассудок был на грани провала.

Но тут произошло чудо. Роман оказался на берегу, никто не стрелял, никто не кричал. Он лежал неопределённое количество времени, пребывая в блаженстве и счастье. Может 10 минут, может час, а может два.

Как только он попробовал встать, он увидел, что на горизонте показалось Солнце – красивый, чистый и невинный рассвет.

Подняв голову, Роман увидел, сидящего рядом с ним, человека. Кого угодно он готов был увидеть рядом, но только не его. Это был президент. Раньше Роман испугался бы, но сейчас он не чувствовал никакого волнения от такой встречи, просто неожиданность, как нахождение под новогодней ёлкой не белого трансформера, а чёрного. Сегодня прези-

дент был не такой подтянутый и бодрый, как на экране. Он был печален, в руке у него был пистолет.

Он невозмутимо и хладнокровно начал говорить, – Что такое власть? Когда у тебя есть полномочия и статус, но нет средств контроля; Что такое дом? Когда все дома в целом свободны, заходи и живи; Что такое автомобиль? Если передвигаться некуда и незачем; Кто такой сын? Если он убивает таких же сыновей и отцов, а потом сам погибает в бою от шальной пули какого-то проходимца, который вообще должен был дома сидеть в шкафу; Кто такой отец? Если он не воспитал своё семейство под названием – народ... Этому народу скажут, что всё хорошо, и он поверит. Ему покажут нового президента, и он проголосует за него. Ему покажут смерть, а он снова и снова будет играть с огнём...

Президент подошёл к Роману и выстрелил ему в голову. Тот улыбнулся, закрыл глаза и скатился назад в речку. Президент снова сел на берег, перезарядил пистолет и продолжил наблюдать за восхождением Солнца.

Слепая.

От рождения слепая, она не видела мира. Не видела, как он прекрасен, какие в нем яркие краски и насколько в нем много плохого, скудного и серого.

Родители с трудом выносили слепую дочь, когда рядом была здоровая, младшая. Она была гордостью семьи – спортсменка, музыкантша и даже в каком – то роде писатель: она писала небольшие заметки и статьи, отправляя их в журналы. Иногда опубликовывали, иногда нет – как повезет. Но сам факт радовал младшую дочь, Нину, а не приз или деньги.

Родители радовались, а сестра страдала.

Мама и папа были так ослеплены счастьем и успехами своей второй дочери, что напрочь забыли о второй. О юрודивой, в каком – то смысле. Они не обращали на малышку никакого внимания, отдав ее в интернат для незрячих.

Там – то и началась ее жизнь. Жизнь, которой бы Аркадия и врагу не пожелала.

Она не знала, как выглядит ее комната, не знала, на какой кровати она спит, что это за тошнотворный запах каких – то гнилых персиков и скисшей вишни; не знала, как выглядит мыло и шампунь – отличала по запаху и по звуку открывающихся крышек, – не понимала, что такого красивого в белом снеге, который для нее был просто замерзшей водой, падающей с неба – она не знала ничего! Все в этом мире для нее

было лишь ее воображением. Она не различала день и ночь, утро и вечер. Если бы их не вели на завтрак, она бы и не знала, что он вообще есть.

Аркадия прожила в интернате ровно два года, до четырнадцати лет, но успела хлебнуть и там горя.

Зрячие и не глухонемые, а обычные дети, которых сюда сдали за неимением в наличии свободных коек в интернатах для преступников, именно такие издевались над Аркадией и ей подобными.

Ей частенько доставалось по голове и спине, когда она вечером шла сама в свою комнату после душа и натыкалась на курящих и матерящихся малолетних преступников, которые и били, и измывались, и всячески унижали ее.

Аркадии казалось, что так будет всегда, но нет.

Однажды это увидел парень, который представил ей Славиком. Он был так же слеп, но слух у него был как ни у кого сильный. Он слышал даже то, что происходило в другом коридоре, находясь при этом чуть ли не за несколько десятков метров.

И таким образом он однажды услышал крики и мольбы Аркадии. Он помог, так как дрался он хорошо, а те подонки и не ожидали, что на них нападут.

Славик, схватив первое, что попало ему под руку, – а это оказался кирпич, валявшийся около комнаты со стройматериалами, – и треснул каждого по голове. После чего увел Аркадию по темным коридорам в кладовку, где они переждали

бурю.

Так и познакомились.

Не видя, они лишь могли воображать внешность друг друга. Например, Аркадии показалось, что у Славика густые зачесанные волосы, прямой нос без единого изъяна, впалые скулы и теплые губы. Славика же показалось другое – красивые прямые волосы, от которых пахло живицей, холодные тонкие губки, нос с горбинкой и длинные густые ресницы, которых он никогда не увидит...

Никто не знал об их романе и о том, что у них есть убежище на чердаке интерната, где Славик уже давно обосновался и прятался. Сторож, добрый старичок дядя Миша, носил ему вкусности, заботясь о парне, как о собственном сыне...

– У меня не родителей, – заявил когда – то Славик. – Я один на Земле. Один. Хотя, может быть я и не на Земле вообще... Кади, скажи, а может быть мы вообще не на Земле? Может быть мы только думаем, что мы сейчас на своей планете? А что если Господь ослепил нас, дабы перенести в другой мир? А?

– Это глупости, – тут же возразила девочка, кутаясь в его куртку и смотря в темноту, которая всегда была перед ее глазами. – Наша планета – одна во Вселенной, населенная живыми организмами. Так говорил мне папа. А он, на минуточки, учитель!

– Астрономии?

– Нет, физики.

– Тогда понятно, – вздохнул с разочарованием Славик. – Знаешь, как я отличаю материалистов от мечтателей?

– Это легко.

– Не скажи, – усмехнулся Славик. – Вот смотри, я – материалист. Мне нужно убедиться, что что – то есть, потрогав это. Это мне жизненно необходимо. Но я верю в Бога. А его тронуть нельзя. Даже словом. Это наказуемо.

– Бог – это не материальный объект, – заявила Аркадия.

– Но все в него верят и рисуют его изображения в церквях. А нужно увидеть объект, прежде чем его рисовать, лепить, мастерить из деталей... Ты согласна?

– Ну?

– Так мыслит материалист и заходит в тупик. А вот мечтатель не думает «почему?» и «откуда?». У него только один вопрос: «зачем?». Он не задумывается откуда взялся Бог, он думает, зачем ему послано то или иное испытание или благо. Что ему хочет сказать Бог...

– Ты крещенный? – уточнила Аркадия, прервав его.

– Нет. Меня никто не крестил. Я же говорю, у меня нет родителей.

– То есть, ты не можешь обратиться к Богу, – заявила она. – Так зачем же почитаешь его, коли он тебя все равно не услышит?

– Бог услышит, – воспротивился Славик, обняв Аркадию. – Он слышит всех. Просто кого – то раньше, кого – то позже. Я думаю, что у него тоже только два уха, а не столько,

сколько людей на планете.

– Но...

– Аркадия, – послышался шорох: Славик явно привстал. – Запомни, Господь услышит. Только нужно обращаться к нему искренне. Небеса – не магазин, а Бог – не торгош богатством, умом и радостями. Он – Господь, и знает, как надо.

В тот день Аркадия ему ничего ответила. И больше не поговорила с ним ни разу. Славки умер. От болезни. Так сказал дядя Миша, который лично приглашал своего собственного сына – врача из города, чтобы тот посмотрел.

– Сказал, мол, воспаление легких, – рассказывал ей у постели больного Славика, еще живого, но уже уходящего в другой мир дядя Миша. – В город надо, в больницу. Иначе – умрет. Но директриса запретила. Сказала, что не собирается, дескать, оплачивать лечение какому – то слепому остолопу, от которого и пользы – то нет...

– Так и сказала? – спросила апатично Аркадия, держа горячую руку Славика.

– Так и сказала... А что уж тут, – дядя Миша вздохнул. – Она директор, ей виднее...

– Деньги будут. Не беспокойтесь.

– Да что ж ты, украдешь их, что ли? – усмехнулся сторож печально. – Эх ты, малышка, ничего еще не смыслишь...

Но Аркадия все смыслила.

Ночью, сославшись на усталость, она якобы побрела к себе в комнату, но, невероятным усилием воли нашла кабинет

директрисы и, открыв, – его обычно никто и не запирал, считали, мол, слепым и глухонемым и в голову не придет воровать, – ворвалась туда.

Девочку не раз вызывали к директрисе, поэтому она знала, где сейф – слух у нее тоже был хороший. Да и клала она однажды в огромный металлический ящик, стоявший как раз на солнце, стащенный паек из столовой. Сейф запирался только обыкновенной щеколдой, так как никому было невдомёк, что и слепых с глухонемыми можно разозлить и толкнуть на дело против Господа.

Аркадия в ту ночь была как под гипнозом. Нашупав в сейфе толстый пакет, она достала его и, прощупав, поняла, что цель в ее руках. Она достигнута и можно убегать.

Однако, когда Аркадия на следующее утро явилась к комнате Славика, с пакетом, заткнутым за пояс и прикрытым объемной кофтой, она наткнулась на дядю Мишу, запах которого она не перепутает ни с чьим другим.

Он – то ей и сообщил:

– Помер Славик... все, отмучился...

– Нет... как же...

Девочка прижала руки к боку, где тут же стала такой тяжелой и враз ненужной пачка денег. Дядя Миша заметил это, – и возможно даже догадался обо всем, – но промолчал.

– Отмучился все, – повторил он, услышав всхлип девочки. – Ночью сегодня и умер. Почти что сразу после того, как ты спать пошла... Видать, ждал, чтобы тебя не расстра-

ивать...

– Замолчите! Замолкните! Ничего не говорите!

День кончился, наступила ночь, но и она прошла. Славика не было. Он не пришел за ней. Не увел на чердак, не поговорил о какой-нибудь ерунде... Ничего. Пустота. Абсолютная пустота. Аркадия понимала, что даже не видела парня, но он тоже ее не видел...

И вдруг задалась вопросом: «А видит ли сейчас ее Славик? А может ли посмотреть, какая она? А что если она ему больше не нравится? Что если он увидит, какая она уродина и лишь обрадуется, что умер, не видя при жизни такого убожества?!».

От этого она еще больше расплакалась, но и тут ей помогли. Дядя Миша, тот самый сторож, когда – то, в какой – то день, пришел и, принеся девочке свежий пирожок с клубникой и сливового киселя, сказал:

– Помянуть надобно...

И после этого Аркадия впервые в жизни услышала запах спирта и попробовала кисель и съела булочку с клубникой.

– А ведь Славка про тебя только хорошее болтал, – почти не выпив, говорил весь вечер, повторяясь, дядя Миша. – Придет, бывало, утром, за что – то берется, а все о тебе лопочет... Мол, какая хорошая девчонка, подружка... А буквально за пару дней до хвори знаешь, что спросил?

– Что? – со слезами, спросила Аркадия, запивая горе киселем.

– Спросил: «Дядя Миш, – говорит, – а что есть любовь?»... Я аж оцепенел... Думаю, ну все, обрекла ты парня на вечные муки...

– Почему муки? – не поняла Аркадия. – Да как же...

– Любовь – это мука. Поверь мне, деточка. Мука, страшная. Яд крысиный и то бьет слабее по грызунам, чем по человеку неразделенная любовь. Я все боялся, что Славка, поняв с возрастом, насколько несчастен, умрет от горя, что никогда тебя не увидит. Это раз... А во – вторых, оттого, что будет и тебе, и обществу обузой... Да что уж там!

После этого разговора в последнюю свою ночь в интернате, Аркадия больше не была прежней. Ей все мерещилось, что где – то там, вдалеке, стоя около какой – нибудь церкви стоит ее Славик... И ждет лишь ее! Лишь ее зовет к себе, зовет по имени!

Но просыпаясь, Аркадия понимала, что ее зовет не Славик, а мерзкая старшая сестра, которая будит ее в школу. Девушки собираются и идут. Нина не рада возиться со слепой сестрой, а Аркадия не счастлива снова вернуться в семью...

Они все несчастны. Но родители, наконец – то устроившись в достойные учебные заведения, где хорошо платили, теперь могли и слепую девочку забрать на попечение и тянуть ее до конца. Сколько вынесет сама, столько и будут кормить.

Но они просчитались: Аркадию закалил интернат. Эти два года сделали из нее непобедимую воительницу. Она справи-

лась со смертью Славика, справится и с насмешками одноклассников, и упреками отца с матерью, и даже с дурацкими обидами своей сестры.

Однако девочка не ожидала, что ее родители отнимут у нее еще и прошлое. Отнимут воспоминание.

Устроив дочь к хорошему окулисту, они получили однозначный ответ: можно сделать операцию и зрение, со временем, может и не станет идеальным, но мир, через очки, девочка будет видеть.

Именно это «будет видеть» и стало для Аркадии шоком. И первая мысль, которая и оказалась решающей в этом противостоянии страха и желания увидеть мир, была такова: «Увижу могилу Славика, увижу его! Увижу дядю Мишу – всех и все увижу! ». И сказала, что согласна.

В кратчайшие сроки подготовка и сама операция – на все три месяца и колоссальные вложения родителей. Им даже пришлось отказать ради еще одной зрячей дочери своей младшей в покупке нового смартфона, который, они не спорили, та заслужила. Но им пришлось сказать нет, чтобы наконец – то снять с себя петлю и освободиться. Уже навсегда.

И действительно, операция оказалась более чем успешной. Аркадия стала видеть. За полгода зрение улучшилось настолько, что даже родители удивились: как так быстро? У девочки осталась дальновзоркость, но очки это быстро исправили и Аркадия превратилась из инвалида в полноценного индивида общества.

И первое, что попросила девочка после того, как выписали из больницы, это поехать к Славику.

Родителям пришлось долго объяснять, кто это такой и куда ехать, но они исполнили просьбу дочки и поехали снова в тот интернат. Аркадия не обратила внимания, как выглядит ни местность, ни сам интернат, где она провела два года. Ее волновала могила того, кого на до сих пор любила.

Но сторожа дяди Миши уже не было.

– Помер, – сказал молодой охранник, сидевший в небольшой будке. – Еще год назад. Как похоронил сына, так и помер.

– Как?! – изумилась Аркадия. – Нет! Он же был врачом! Сын...

– Говорят, разбился на машине. А большего не ведаю. Говорят, значит, не безосновательно.

– А вы не знаете, тут был мальчик, Славик? – спросила в отчаянии Аркадия. – Тут где – то есть кладбище?

– А он был воспитанником тут? – охранник кивнул на интернат, возвышающийся своей черной массой над девочкой.

– Да.

– Всех, кто умер тут, – он кивнул на здание, – не хоронят. Негде. Родичей нет, хоронить негде тоже. Вот и кремируют.

– Что делают? – не поняла Аркадия.

– Сжигают тела умерших, – пояснил охранник. – А прах развеивают над озером. Тут недалеко, в лесу. Но там сейчас болото. Лучше туда не соваться.

Но Аркадии было плевать. Она побежала туда, куда указала рука охранника, и вскоре оказалась у того самого болота. Оно было огромным, давно зацветшим зеленым ковром. Но тут пахло лилиями и черемухой, что было странно для подобного места. Солнечные лучи скользили по мху и н сверкал в лучах полуденного светила, деревья хранили молчание: ни единый листочек не смел шелохнуться. Птицы не пели, животные не бродили. Никто не смел нарушить царственную тишину. Никто не имел право на то.

Спустившись к кромке зацветшей воды, Аркадия села на мох и, поджав ноги, посмотрела на этот покой и поняла: если дух Славика где – то тут, то ему должно нравится. Он любил все одухотворённое. А все это место было просто благословлено самим Господом на вечный покой. На вечную тишину.

«Я оставляю тебя тут, – мыслила тогда Аркадия, прощаясь с прошлым, которое, по сути, и так отняли, даже еще раньше, чем она думала. – Спи тут спокойно. Но напоследок я лишь спрошу тебя...», Аркадия встала на ноги и уже вслух спросила:

– ...услышал ли Господь твои молитвы?

Ответом ей был легкий теплый ветерок, всколыхнувший темные пряди волос и ударив ветками по лицу девушки. Ударил, а потом обласкал гладкими мягкими листьями, утерев слезы.

– Тогда донеси до Него и мои, – попросил со стоном Аркадия, после чего ушла.

И больше никогда не вернулась. Хотела, может быть, да не сложилось.

Ад на Земле был недолгим. Всего два года.

Обычная школа, в которой ребята так и остались обычными школьниками, не чувствующими ни чужого горя, ни чужих переживаний. Они думали по – прежнему лишь о себе, не замечая горечи и слез в глазах. Да оно им было и не нужно.

Сразу они обратили внимание лишь на смешные косички Аркадии и ее вечные круги под глазами, за что прозвали ее «пугалом». Почему – сами, наверное, не знали.

После чего заклеямили Аркадию «дурочкой», когда ей перестала даваться физика и ее задачи. Одноклассница как – то обозвала «старинным огромным комодом с кучей ненужного барахла в голове, вместо мозгов», так и повелось: «Комод, иди сюда! », «Надо спросить у Комода...».

Однако однажды случилось то, что Аркадия никогда не забудет, даже после смерти будет помнить и рыдать.

Увидев, как во дворе издеваются над двенадцатилетним мальчиком, с копной рыжих засаленных волос, голубыми глазами, полными слез и забавными веснушками на лице, Аркадия не вынесла. Подбежала и ударила обидчика по лицу. Малой убежал, поняв, что за него заступились, а для Аркадии настал судный час.

Схватив за руки и за ноги, уже к тому времени выпускники одиннадцатого класса, отнесли ее в женский туалет, в который без стеснения вошли, и окунули голову Аркадии в

унитаз, пустив воду.

Аркадия чуть не захлебнулась, но после того, как швырнули на пол, мокрую и еле соображающую, один из хулиганов, расстегнув брюки, запустил пятерню под юбку девушки, и она впервые в жизни оказалась так близко с мужчиной.

Она не надеялась на помощь остальных. Они ржали и снимали на телефон, как она плачет и рыдает, бьется и пытается убежать...

И вдруг на какое – то мгновение ей показалось, что она видит позади ребят его. Славика. В обличии того самого мальчика, который так быстро сбежал и даже никого не позвал на помощь. Она почувствовала вдруг чье – то тепло, коснувшееся сначала ее плеча, а затем и всего организма.

Парень, который уже был готов чуть ли не зубами впиться в ее оголенную грудь, вдруг отступил и, быстро застегивая штаны и утирая с рук что – то красное, кинул нечто блестящее в одну из кабинок и приказал остальным уматывать.

– Сла...вик...

Он склонился над ней и, посмотрев немигающим взглядом, сказал:

– Твое время пришло.

И последнее, что успела спросить Аркадия, прежде, чем увидеть темноту, было это:

– Ты видишь меня?

И Славик успел кивнуть. После чего коснулся губами ее лба и Аркадия, впервые в жизни плача от счастья, ушла за

НИМ ВО ТЪМУ.

Записки мерзкой личности.

«Сын Анхиза, поверь: в Аверн спуститься нетрудно
День и ночь распахнута дверь в обиталище Дита.
Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться—
Вот что труднее всего! »
Вергилий «Энеида».

«Мы идем в тишине по убитой весне,
По распятым во сне и забытым совсем».
Вадим Кузьмин.

Голое тело положили в гроб поверх кисеи. Формалина не пожалели. Белую блузку и брюки, разрезали на две половины и положили сверху, кое-как заправив края вдоль стенок гроба. Пиджак одели полностью. Правая рука была вывернута. Кисть загнута. Пальцы сжаты так, что фиолетовые ногти на несколько миллиметров впились в мякоть ладони. Даже меня на судебной медицине учили снимать трупное окоченение. Правая рука, бинтом, наспех привязана к левой. Ногти так и остались необрезанными, хотя я просил привести их в порядок.

— А вы за подушку, разве платили?

Я не стал спорить и второй раз все оплатил.

— Скажи, ты меня понимаешь?

– Да, – сдавленным выдохом вырвалось из неподвижного рта. Накрыв ее курткой, я помог донести каталку до лифта.

На двадцать больных неврологического отделения была одна медсестра. С тяжелыми пациентами ночевали родственники. Посреди ночи мать могла разразиться смехом или истошным воплем от которого кровь стыла в жилах.

Я практически не спал. Мне было жутко.

Утром, оставив триста рублей санитарке, я уходил на работу. Это был самообман. Когда бы я не возвратился, памперс был полон, одеяло скинуто, а мать лежала на краю кровати.

Пока кормили через зонд, еду можно было контролировать. Затем, когда мать начала глотать, все что я приносил, к вечеру исчезало.

– Через неделю день города и мы работаем по скорой. Будем принимать гостей, – сказала заведующая отделением.

– Вытрезвитель для чиновников.

– Вот направление на освидетельствование для инвалидности. Да, и не забудьте встать на учет по месту жительства.

Участковый терапевт Одинцов опоздал на двадцать минут. Неспешно переоделся, накормил местного, рыжего кота, перекурил с окулистом и пригласил меня.

Пока я доставал бумаги он смахивал пыль со стола. Над столом висела ксерокопия гравюры с картины Беклина «Остров мертвых». Вероятно, хозяин кабинета причислял себя к великим поклонникам этого художника. Мне стало любо-

пытно, к кому он больше благоволил: к вождю мирового пролетариата или ефрейтору пятнадцатого баварского полка.

Двадцать минут он изучал эпикриз. Когда прекратил читать и снял очки, то по его измученному, новой для него информацией лицу, было видно, что он ничего не понял и в случаи чего не сможет даже что-то посоветовать, не говоря уже о какой-либо помощи.

– Сколько ей?

– Пятьдесят два.

Опустив уголки рта, и выпячив губы он проямлил.

– Ничего менять не будем.

Александра Сергеевна была добродушной, дородной, широколицей женщиной пятидесяти лет, с явно заметным малороссийским акцентом, воспитанной на свежем воздухе, русском мате и детективах Дарьи Донцовой. Как и у воспетым Сааведрой оруженосце, ее речь изобиловала неуместными пословицами и оговорками. Отсутствие медицинского образования и опыта ухода за лежачими больными она компенсировала превосходными кулинарными способностями (такой пиццы я никогда не ел), эмпатией(к матери она относилась как к сестре)и трудолюбием (пол в квартире давно так не блестел). Раз в две недели, на выходные, она ездила в общежитие к дочери, которая училась в Авиационной академии. В эти дни с матерью оставался я.

Она была как ребенок. Ребенок который никогда не вырастет, не начнет сам есть, ходить, говорить. Она мотала го-

ловой, капризничала и отказывалась есть. Суп со слюной стекал по подбородку. Я отбросил ложку, опрокинул поилку и в отчаянии занес руку. Мать вперила в меня свои темно-карие глаза, протянула к лицу здоровую руку и дотронувшись кончиками пальцев до моей щеки завывала. Я отпрянул назад. Стул опрокинулся и я навзничь упал. Она все понимала. Она выла за нас обоих.

У Всеволожской ЦРБ шли последние приготовления ко Дню Победы. Двое школьного вида подростков красили в желтый цвет уродливых лебедей из автомобильных покрышек. Женщина, в белом халате, стояла рядом и нервно махая рукой разговаривала по телефону.

Последние два месяца, в местной прессе, не переставали нахваливаться новоизбранного губернатора. Писали о тех баснословных суммах которые он выделил на развитие здравоохранения. Действительно кое-что изменилось. Если не считать лебедей, то у входа в поликлинику посадили три липы, на втором этаже уже два месяца ремонтировали туалет, крышу здания морга покрыли толью, а всю администрацию, на переподготовку, на месяц свозили в Финляндию. Над входом повесили вывеску «Земляки – это наша победа». В таком виде она просуществовала ровно два дня. Потом, либо по оплошности рабочих, либо кто-то решил пошутить, первые две буквы в последнем слове отвалились. Насколько мне известно, в таком виде, вывеска существует по сей день.

– Спрошу сразу, как говорится не в бровь, а в глаз. Деньги

на бензин есть? – спросил меня районный невролог, Владимир Сергеевич.

Его вопрос поставил меня в тупик, но поймав на себе его сияющую улыбку, я моментально все понял. Уточнив последние расценки на бензин, и мысленно пересчитав имеющуюся у меня наличность, я утвердительно кивнул.

Не заглянув к матери, он прошел на кухню.

– Какую группу хотите?

– Первую.

Он глубокомысленно вздохнул.

– Тогда надо еще кое-какие документы. Могу посодействовать, ну, чтобы вам лишний раз ко мне не ездить.

Через неделю, еще раз накормив его прожорливого, железного коня, я забрал мамину карточку и направление на освидетельствование.

Я выглянул в окно. У подъезда стояла темно-синяя «семерка» дяди.

С родственниками матери, я виделся крайне редко, как правило, раз в десять – пятнадцать лет. Поводом для предыдущей нашей встречи были похороны бабушки. Нет, в их жизни были и более радостные события: рождение детей, свадьбы, но так как от меня веет только проблемами и одиночеством, то меня принято игнорировать. Рыдать они начали еще в подъезде.

Первой на пороге квартиры появилась, раздобревшая после вторых родов, Мария. Скорбно скривив перекаченные

ботоксом губы, она чем-то мне напомнила куклу Чаки, она бросилась мне на шею. Следом за ней всплыла Оленька. По ее самодовольному виду было заметно, что полоса неудач в ее жизни кончилась и она наконец-то, с четвертого раза, поступила на коммерческое отделение Педиатрического Университета, о чем и поспешила мне сообщить. Словно тени прошмыгнули постаревшие тетя и дядя. Замыкал процессию мой племянник. Розовощекий, коротко стриженный блондин с глуповатой полу ухмылкой. Он напомнил мне солдата Вермахта, со старых, черно-белых фотографий времен Второй мировой. За ним впрыгнула его беременная жена. У них был «honeymoon» и поездка на похороны моей матери рассматривалась ими как забавное приключение. Они постоянно перешептывались и хихикали.

По дороге в церковь Мария донимала меня вопросами о стоимости маминых похорон.

– Ты спрашиваешь из любопытства или у тебя есть какие-то планы, – не выдержав, спросил я.

– Я всегда знала, что ты мерзкая личность, – буркнула она и больше со мной не разговаривала.

В нашем приходе было два священника. Тучный, лохотный с мелкими ястребиными глазками отец Никодим и сосланный к нам за какую-то провинность, из Петрозаводска, невзрачный, но острый на язык отец Фотий.

– Не тот гроб, – пренебрежительно фыркнув, сказал отец Никодим.

– А какой надо?

– Этот фиолетовый, а сейчас пост. Я вам сейчас телефончик дам.

В ризницу вошла матушка.

– Никодимушка, где калькулятор? Панихидок столько заказали. Почем покойничек у нас?

– Но может все-таки этот подойдет, – пытался настаивать я.

– Слушайте что вам говорят, – вмешалась матушка.

– Все-таки я не пойму в чем разница, – не унимался я.

– Так, – подойдя ко мне сказала матушка. – Вам что, для мамы жалко?

– Может еще Петру на лапу дать, что бы в рай без очереди пустил, – вырвалось у меня.

Мать отпевал отец Фотий.

– Вам нужно оплатить только первые десять дней. Ну, а потом, как правило, – она замолчала и подвинула ногой, выставленное в коридор судно.

Фасад здания выходил на набережную канала Грибоедова. На первом этаже, украшенный античными колоннами, расположился банк, мороженица «Баскин Роббинс», салон красоты. Набережная не замолкала даже ночью. Смех, щелчки фотоаппаратов, охрипшие выкрики зазывал на водные прогулки, уличные музыканты – бесконечная какофония улицы.

В окна четвертого этажа тоже смотрел кусочек неба, и от-

куда-то снизу доносились звуки жизни. Я шел по длинному коридору. Дверей не было. В палатах лежали люди. По большей части старики. Они были голыми. Их руки и ноги были привязаны к кроватям синтетической, упаковочной лентой. У некоторых на запястьях были видны ссадины и кровоподтеки. Постельное белье отсутствовало. От серых, рваных матрасов, пропитанных потом и испражнениями, исходил сладковатый, приторный запах. Воздух был липким. Те, кто не были привязаны, лежали неподвижно, с раскрытыми ртами и остекленевшим взглядом.

Мы спустились на первый этаж. В солнечном свете, падающем с улицы в приоткрытую дверь, порхали серебряные пылинки.

– Скажите, вам кошмары не сняться?

– Не жалеюсь молодой человек.

– Завидую.

Фабрика по производству битой посуды.

Я все еще задаюсь вопросом «зачем?», но уже не задаю его никому, кроме себя. Все, что я услышал в ответ, «это сейчас модно». В большинстве случаев, после этих слов презрительно поджимались губы, задирался нос или приподнималась бровь. Словно, я полный дурак, и ничего в этой жизни не понимаю. К слову сказать, я себя именно так и чувствовал, поскольку действительно не понимал. И со временем перестал спрашивать. «У тебя хорошая зарплата! Что ты мучаешься?», – периодически слышал я от других. «Это же некрасиво, бесполезно, для чего это нужно?», – всегда отвечал я. Люди закатывали глаза, вздыхали, говорили, что я – зануда. Но мне не нравилось портить хрупкий фарфор. Эти удивительные расписанные вазы, маленькие белоснежные чашечки. По технологии, они обязательно должны были быть сначала целыми. Мне не нравилось, в конце концов, пить из разбитых кружек и есть из тарелок, с отколотыми краешками и с паутиной трещин по центру! Но никто не понимал, почему. «Это же сейчас модно! – удивлялись они. Дома я всегда требовал свою целую тарелку и кружку. Но когда приходили гости, жена была неумолима: «Они и так считают тебя странным, будешь есть из той же посуды, что и все!» Ей

было стыдно, если кто-то находил мою безупречно целую кружку. «А разве твой муж не работает на этой крутой фабрике?», – задавала вопрос очередная подружка. «Работает, работает. Это ему напоминает старые времена. Ностальгия, знаешь ли», – или что-то подобное всегда находилось в запасе у моей жены. Но когда наш сын, подражая мне, затребовал целую тарелку, жена сказала, что с этих пор я буду есть либо на кухне, либо как все. Я выбрал кухню. И пережевывал пищу в одиночестве, в компании только собственных мыслей. «У тебя престижная работа! Не порти свою репутацию», – периодически возмущалась жена, пытаясь исправить мои убеждения, перестроить самого меня. Мое упорство казалось ей блажью.

На фабрике мы придумывали, как красиво разбить какую-нибудь тарелку, чтобы каждая была индивидуальна, потом отшлифовывали краешки, из соображений безопасности. Каждая тарелочка проверялась сканером, чтобы не было острых сколов, или мелких зазубрин. На посуде ставились красивые неброские витые штампики, для подтверждения ее подлинности. Но находились эксперты, которые утверждали, что могут на раз отличить подделку от произведенной на фабрике посуды. «Разбить легко, но как разбить, это уже другой вопрос», – так они рассуждали. Я был среди тех, кто «разрабатывал дизайн». Самая бесполезная работа, какую только можно найти, но за нее хорошо платили, она считалась престижной.

Этим утром было общее собрание. Начальство с огромным энтузиазмом и горящими от гордости глазами делало раскладку по прибыли, указывало наиболее популярные направления нашей битой посуды. Оказывается, горожане ходят, испорченные на мой взгляд, вазы скучными. А вот граненые стаканы и тарелки с рисунком – очень любопытными. Затем руководители – всего трое – сделали объявление. «Пора выходить на новый уровень!», – таков был девиз этого собрания. «У нас возникла идея – поначалу, мы задумались, почему мы затрагиваем только стекло и фарфор? И затем пришли к выводу, что столовые приборы – это настоящее не паханое поле». Я вздохнул – только этого не хватало. Следующий слайд. Я подавил приступ брезгливости, погнутая ложка и вилка с торчащими в разные стороны зубцами. Про себя я подумал, как же этим можно есть? Но промолчал. Все вокруг были в восторге, раздались аплодисменты. Кто-то с сожалением в голосе спросил: «Как же я сам до этого не додумался?» «Может, просто, у тебя все не настолько плохо с головой», – пронеслось в моей голове. И тут, руководители приступили к заключительной части – назначению ответственных лиц. Все замерли. Это очень почетно, и каждый хочет, чтобы выбрали его. Но вот, их взгляды обратились ко мне. Они улыбались, я угрюмо наблюдал. «А руководителем этого проекта мы назначаем тебя. Мы наблюдали за твоей работой. Посуда, дизайн которой разработал ты, наиболее популярна. Она нравится всем. Поэтому новое

вение на рынке мы хотим доверить тебе». По мне, так люди все еще, может, подсознательно, но не утратили чувство прекрасного. А я рисовал сеточку трещин в программе стараясь сохранить какую-то симметрию, сколы старался расположить как можно ровнее, аккуратнее. Никто не понимал, как мне удавалось делать то, что очень нравилось всем, но я просто старался минимизировать уродливость каждой тарелки. Мне было жаль портить каждую чашку, даже самую маленькую, самую простую. Все взгляды, приторно-восторженные, обратились ко мне, но тут же потухли, выражая недоумение. Кажется, можно было подумать, что меня вот-вот стошнит. Я выдавил слабую улыбку. Один из руководителей, его лицо выражало беспокойство, спросил «Тебе плохо? ». Все одновременно посмотрели на него, потом так же одновременно перевели взгляды на меня. Я с трудом заговорил. «Все в порядке. Очень неожиданно. Я рад». И улыбнулся. Как мог. Но руководитель уже был обижен. Его предложение должно было вызвать бурю восторга. И с чувством выплеснутой в лицо неблагодарности, руководство объявило собрание законченным. Снова это искреннее удивление и приподнятые брови. Кто-то похлопал меня по плечу. «Чудик», – услышал я где-то в толпе коллег.

Зато в каком восторге была в этот вечер моя жена. Она пиццала и напевала дурацкие песенки. Перечислила все, что она хочет купить на мою новую зарплату. Осведомилась, когда мы выпускаем первую пробную партию новинок. В сле-

дующую среду, ответил я. Значит, в пятницу, мы устраиваем ужин, и продемонстрируем всем новые приборы! И принялась обзванивать весь свой «курытник». Нескончаемый гомон, восторги, восторги, пищание с обоих концов трубки. Какое все пустое, бесполезное... Какая-то фальшивая жизнь. Хоть кто-то порадовался искренне? Я даже мог представить, что моя жена радовалась, потому что положено было радоваться, потому что ситуация предполагала, что это повод для визга. Так просто должно было быть. Когда мир так изменился?

На следующий день, в пятницу, я запустил программу, в которую специально внесли необходимые изменения, с учетом предложенной разработки. Теперь там было целое море столовых приборов. Поначалу, я не знал, как можно испортить нож. Но потом додумался. Когда-то в домах были ножи с отломанными кончиками, в моем детстве тоже был такой, банки они им открывали, что ли – не помню. Но кончик ножа я отсек немедленно. «Это гениально! Продолжай в том же духе!», – получил я отзыв, после отсылки начальству. «Какая тупость», – проносилось у меня в голове. Скрутил ложку, пытаюсь сделать так, чтобы казалось, что ручка ложки просто спиральная. Со злости, завязал вилку узлом. Затем, окончательно плюнул, и делал работу спустя рукава. Этим же вечером снова было собрание. Но уже в мою честь. Проектор отражал часы моего гнева и безразличия, завязанная узлом вилка («какая экспрессия!») там тоже была.

Руководство отбраковало всего несколько экземпляров. Они объявили, что они не ошиблись, назначив меня на эту должность. Потому что работа заняла у меня всего день. «Неужели один человек мог выдать столько идей за такое короткое время?» – с плохо скрываемой завистью спрашивал кто-то. Большинство смотрело на меня с восхищением, где-то проскальзывало снисхождение. «Странный, что с него взять, но, бесспорно, работу он выполняет замечательно». «Техники приступают к изготовлению заготовок в выходные, поскольку мы боимся, что идею перехватят другие города. Запустим первую партию, и, если она будет популярна, в чем мы, конечно, не сомневаемся, выйдем на другие регионы. Пока они опомнятся, мы успеем многое сделать». Никто не возмущался. Работа в выходные щедро оплачивается. Уже скоро мои творения будут выпущены в мир.

Вчера моя жена, с торжеством человека, одержавшего свою личную маленькую победу, преподнесла мне мою кружку, точнее то, что от нее осталось – осколки, белые, острые, чужие. Разбила вдребезги! «Вот. Она разбилась», – и радостно протянула кружку мне.

– «Сама? Как она могла разбиться сама?»

– «Вообще-то, ты ее криво поставил, и она упала», – жена с легкой обидой надула губы. – «Но ты же можешь отнести ее на фабрику и там ее склеят. Она будет, как новая!»

– «Ты хотела сказать: битая, модная, как у всех? Какой

Смысл клеить эту кружку, если можно купить новую, всю в трещинах? ».

– «Я думала, она тебе нравится».

– «Смысл был в том, что она целая», – я злился, – «Такую теперь сложно купить. Попробую утащить с работы еще не испорченную вещь».

Жена явно была разочарована моим решением, но спорить не стала.

Сегодня фабрика праздновала победу. Уже три месяца как запущены новые идеи. Ассортимент битой посуды не ограничился только тарелками, все большее количество посуды было испорчено. Окружающие бились в восторге от каждого нового направления. Практически, все идеи расходились на «ура». Доходы росли. Все вложения полностью окупились. Всего за три месяца! Еще два новых филиала в двух разных городах! Похоже, это не остановить. Модные веяния всегда распространялись, как вирус. Если человеку что-то не нравилось, он убеждал себя в том, что ему это нравится и даже очень, потому что большинство было от этого без ума, а большинство ошибаться не может. Ведь правда? А меня от всего этого тошнило. После двух месяцев работы над новыми направлениями, меня повысили до руководителя отдела. Предварительно уволив кого-то недостаточно подходящего. Просто, поразительно, как легко они могли расстаться с человеком, если им казалось, что с ним что-то

не так. Через две недели уже мало кто помнил его имя.

Месяцы шли. Фабрика охватила огромные площади, множество городов. Руководство алчно радовалось все пребывающему потоку денег. Почувствовав запах прибыли, конкурентные фабрики начали заниматься производством битой посуды. Но людям требовалась оригинальная продукция, спрос продолжал расти, мы поднимали цены. Ведь только у нас «можно было приобрести настоящую битую посуду, а все остальное – всего лишь жалкое подобие».

Время от времени звонил телефон в нашей гостиной. Мне предлагали работу другие фабрики, сулили огромные деньги. Они, почему-то, решили, что весь успех зависит от меня. Когда об этом узнала моя жена, она рассуждала так: «С одной стороны – престиж, с другой – такая высокая зарплата! Это, естественно, сложный выбор», – при этом, они изредка поглядывала на меня. «»Но, может, и стоит выбрать заработок. Ведь если ты действительно так хорош, как они считают, то и на новом месте можно сделать имя». В один из дней, она решила вынести этот вопрос на обсуждение в «женсовет», заседание которого снова состоялось в нашей гостиной. Они как раз щебетали, взвешивая все плюсы и минусы. Определяя МОЕ решение. Я перебил какую-то из дамочек, сказав, что мне вообще ничего не нужно. Ни престиж, ни деньги. Что мне все это осточертело. Что все это абсолютно бесполезно. Я сам не заметил, как завелся и повысил голос на ко-

го-то возразившего мне, говоря, что они ничего в этом не смыслят, и даже в самой жизни они ничего не смыслят, потому-то их жизни так бессмысленны.

Моя жена надула губы, женщины в нашей гостиной непонимающе смотрели на меня и сочувственно на нее. Позже, когда все ушли, она накинулась на меня: «Почему ты себя так ведешь? Ты меня позоришь! Почему бы тебе не вести себя нормально? Как все! ».

– «Для чего мне это? », – устало спросил я. И этим окончательно вывел ее из себя. На ее лице отразилась беспомощная ярость, она сжала кулаки так, что побелели костяшки, лицо ее перекосилось от небывалого эмоционального напряжения, она задрожала всем телом, тяжело выдохнула и вышла из комнаты.

Мы не разговаривали три дня.

Потом, когда прошло много времени с тех событий, когда мы сменили место жительства и образ жизни, я понял, почему моя жена тогда так на все реагировала.

Поскольку до'лжно было быть таким, как все. Иначе нельзя было выжить. Моя жена приспособилась. Люди, с застывшей печалью в глазах, приспособились. А я – нет. Мы об этом не говорили, но моя жена все поняла, и злилась, что я не подстраиваюсь. Много лет преобладала тенденция к уравниванию. И теперь никому здесь не была нужна индивидуальность. Будь как все, не высывайся и лишнего не говори – единственное правило в мире шаблонов.

Большинство выбирало поведение, которое диктуют правила. Они забывали, кто они, подстраиваясь и зарабатывая положение в обществе.

Изо дня в день я чувствовал себя одиноко и разбито. Но самое главное – я очень устал. Чувство усталости не оставляло меня ни на минуту.словно груз невероятных забот свалился на мои плечи. Я не понимал, почему так себя чувствую. Почему так подавлен. Почему не могу просто подстроиться, как все остальные. Мне казалось, что что-то не так, что я что-то упускаю, что бессмысленно трачу свою жизнь. Мне казалось, что я все больше и больше походил на зомби. Я сторонился людей и все больше уходил в себя. Я хотел, чтобы все это безумие закончилось. Наверное, долго это не могло продолжаться.

На пустыре, на небольшой возвышенности, стоял человек озаренный пламенем и дико надрывно хохотал. Он давно уже охрип, но смеяться не перестал. Сначала это был счастливый свободный смех, но все переживания искали путь к свободе, и теперь вся боль противостояния отражалась в нем. Из темноты за его спиной вышла женщина в легком светлом платье, она вела за руку маленького мальчика, на лице ее отражалась сдержанная тревога. Они подошли к человеку, мальчик осторожно взял его за руку, мужчина вздрогнул и посмотрел на ребенка так, словно только что осознал, где он

находится. И тогда столетняя печаль отразилась на его лице, он будто, в один миг, постарел на множество лет. Женщина тоже подошла к нему, ее губы шевелились, она звала его домой. Медленно, словно ему было больно двигаться, ссутулившись, мужчина пошел туда, куда тянула его рука мальчика. Так они и шли, рука в руке, пока тьма не поглотила их силуэты.

А вдалеке тихо догорали, огнем разбитые части фабрики по производству битой посуды.

Голос.

Доброго времени суток. Я Рубин Максим Дмитриевич являюсь программистом одной крупной компании в городе, название которого уточнять не буду. Я не желаю, чтобы после этой истории ко мне в квартиру приходили всякие там “клиенты”, желающие узнать поподробнее, или, что хуже, всякие идиоты, которые будут говорить о том, что сталкивались с подобным. Мне всё это не нужно. Хотя, я уже всё решил. Что я решил? Я решил, что завтра пойду на встречу с этим “человеком”, который так и желает заполучить меня. Завтра, скорее всего, произойдёт то, после чего я исчезну из этого мира навсегда, не успев дожить и до тридцати лет... Сейчас, сидя перед камерой, я понимаю, что моя жизнь может оборваться в один миг, но, если мне повезёт и я выживу, я не желаю видеть “гостей” на пороге своей квартиры... Мне страшно, признаю. Весь день я готовил свой старый револьвер, который нужен мне, чтобы убить его... Сейчас револьвер лежит на столе, который находится за моей спиной. Он достался мне от деда, который был коллекционером оружия. Я славно проводил время со своим дедом. Ах, было время...

Мне двадцать семь лет. Как и говорил, я работаю программистом. Зарплату уточнять не буду, но скажу, что на жизнь мне хватает с головой. Эта история произошла со мной год назад, когда на дворе стояло жаркое лето. Сейчас

подходит к концу июль. Конечно, я уже всё решил, но мне страшно... Так страшно, что я не чувствую своих ног, будто их отрезали... Этот страх исходит из воспоминаний, которые, если бы я мог, я бы стёр из своей памяти. Ещё страшнее от того, что принятое мной решение, скорее всего, является верным способом самоубийства. Очень тяжело осознавать это... Боже, легче было бы выпустить пулю себе в голову. Жаль, что я боюсь подставить свою голову под холодный ствол револьвера и медленно, подумав о своей прожитой жизни, нажать на курок. Как говорил дед, оружие-способ защиты, поэтому, если потребуется стрелять в человека, я готов стрелять, но выпустить пулю себе в голову-никогда... Да, я очень странный человек... Ладно, пора начать свой рассказ, который для большинства покажется выдуманной.

Лето 2020 года. На улице стояла жаркая погода. Офис компании, где я работаю, казался настоящей печкой. Мало того, что стояла температура градусов под сорок, так в офисе сломался кондиционер, который был единственным спасением от жары. В тот день меня радовало одно-мой отпуск начнётся завтра. Поэтому, как лучший работник, я не жаловался ни на погоду, ни на кондиционер, ни на начальство, которое могло бы нас и отпустить. Закончив рабочий день, я отправился домой. Я только успел зайти в дом, как сразу же ринулся под холодный душ. Это было блаженство. Выйдя из душа, я поужинал и сел смотреть телевизор. Часиков в

восемь вечера у меня зазвонил телефон. Звонил Серёга-мой хороший друг, с которым мы частенько выезжали на рыбалку. Я поднял:

–Привет, Максим. Как жизнь? Не отвлекаю?

–Привет. Жизнь, как всегда, хорошо. Нет, с чего бы это?

Всё же уже вечер. -ответил я другу.

–Это хорошо. Я помню, что у тебя завтра отпуск начинается. Вдруг, ты уже наслаждаешься им? А?

–Хотелось бы, но, пожалуй, я оставлю это на завтра.

–Ясненько. -ответил Серёга. -Ну, раз у тебя отпуск, не желаешь присоединиться завтра к празднику, а?

–К празднику? А что празднуем?

–Ну, во-первых, день рождение моего знакомого. Помнишь Витю? Он тебе помогал комп собрать.

–Да, помню его. Он же, вроде, в Германию жить уехал. Вернулся уже?

–Ну... -сделал паузу Сергей. -Он вернулся домой на недельку, потом уедет. Так совпало, что он вернулся незадолго до своего дня рождения. Так что? Ты с нами?

–Я не против, но всё же, что за второй повод праздника? -спросил я у друга.

–Ах да! Второе-мой брат закончил институт, защитил диплом и теперь он у нас специалист. Он завтра утром вернётся в город. -ответил Сергей на мой вопрос.

–Вот как. Ну, я не против присоединиться к празднованию.

–Это хорошо, Максим. За тобой завтра заехать?

–А куда выезжаем? -спросил я, осознавая то, что ответит мне товарищ.

–Выезжаем в деревушку, где живёт моя старшая сестра со своим мужем. Они и Витю знают, и брата поздравить желают с окончанием института. Там и племянница моя. Сможешь с ней пообщаться, если наша компания надоест.

–Понял. Ну, если так, заедешь за мной завтра, я против не буду. -ответил я Серёге.

–Хорошо, Макс. Жди часиков в десять меня. Я с братом заеду за тобой. Давай, до завтра. -сказал Сергей и сбросил вызов.

“Неплохо начинается отпуск. ”-думал я у себя в голове. Я знал, что завтра всё обернётся обыкновенной пьянкой, но мне было всё равно. Всё же мой выбор, что делать в отпуске, был небольшой: отсидеть в своей квартире, выехать на речку, или, что уже произошло, принять приглашение от друзей на какой-либо праздник. Я вспоминал всех знакомых, родственников Сергея, которых могли пригласить завтра. Среди множества имён и образов в своей голове, я вспомнил только пять человек. Часов в девять вечера, я отправился спать. В тот день усталость заковывала мое сознание и, как это бывает после тяжёлого трудового дня, я сразу уснул. В тот вечер, перед сном, я даже не мог и подумать, что события следующего дня изменять всю мою жизнь...

Утром, проснувшись и заправив кровать, я сделал зав-

трак. Часов до десяти я просидел за телевизором, ожидая своего друга. Когда раздался телефонный звонок, я сразу понял, что Сергей подъехал. Я поднял:

–Ну что, Максим, готов? Мы уже подъехали. Давай выходи. -говорил мой друг.

–Хорошо, жди. -ответил я и сбросил вызов.

Через минут пять я вышел во двор, где стоял Сергей и его брат-Артём. Сергей, увидев меня, подошёл ко мне и поздоровался. Его примеру последовал Артём. Я поздравил Артёма с окончанием института, на что парень улыбнулся и поблагодарил меня. Около двух минут мы общались на улице, а потом, вспомнив, что нам ехать около часа, проследовали в машину. По дороге в деревушку, на удивление, мы не встретили ни одной машины. До деревни мы ехали минут сорок.

В начале двенадцатого мы приехали в деревню. Подъехав к дому, поставив машину, мы проследовали внутрь. На пороге нас встретила Алиса-страшная сестра Сергея, которой было тридцать восемь лет. Она сразу поздравила Артёма. Все вместе мы прошли на кухню, где за столом сидел муж Алисы-Андрей. Он внимательно нас осмотрел, поздравил Артёма и, встав из-за стола, пригласил всех проследовать во двор. Вити, у которого было день рождения, до сих пор не было. Он должен был приехать в час, как сказал Сергей. Мы вышли на улицу, где уже были подготовлены дрова, и принялись за приготовление: мяса, грибов, рыбы. Алиса, постояв пару минут с нами, ушла в дом готовить картошку и овощи.

Из всего семейства, которое нас встретило, я не видел только Машу-племянницу Сергея. За всё время, которое я её знаю, сталкивался с ней всего пару раз. Мы с ней не общались. Единственное, что я могу лично подметить, она не любила новые знакомства. Когда я в первый раз приехал сюда, она обменялась со мной парой фраз и ушла к себе в комнату, где просидела остаток вечера. Ей было семнадцать лет. Как говорил Сергей, она должна была поступать в институт в этом году. Это всё, что я знал об этой особе.

Время за готовкой пролетело быстро. В час дня, как и говорил друг, приехал Витя. Через минут десять подъехали остальные гости. Когда все гости были в сборе, мы накрыли стол. Всего, считая меня, за столом было одиннадцать человек. Племянница Сергея так и не вышла. Андрей вынес из дома бутылку водки. Когда последняя рюмка была наполнена до краёв, Сергей встал и произнёс тост, после чего все опустошили свои сосуды с напитком. Спустя часа три, когда мне надоело сидеть за столом и слушать пьяные разговоры, я пошёл в дом, где устроился в зале. Алкоголь обычно действует на меня слабо, поэтому мне легко сохранить свой рассудок. В зале, устроившись в полной тишине, я думал о том, что буду делать остаток отпуска. Мои раздумья прервала Маша, которая вышла из своей комнаты. Она спросила:

–А почему ты здесь? Надоело пить?

–Мне так захотелось. Я тебе не мешаю ведь, верно? Иди в комнату. -ответил я.

–Нет, не мешаешь. Может быть, ты включишь телевизор?
–спросила Маша.

–Зачем? Я лучше в тишине буду сидеть. Тишина помогает расслабиться.

–Как хочешь. –сказала девушка и проследовала на кухню.
Через минуту Маша вернулась в комнату, захлопнув за собой дверь. После того, как дверь захлопнулась, наступила полная тишина во всём доме. Казалось, что всё вокруг исчезло, а я остался в бесконечной пустоте. Я смог вернуться к своим размышлениям. Я закрыл глаза и погрузился в свои мысли...

Спустя минут пять я услышал голос. Очень тихий, монотонный голос. Я не мог разобрать слов, которые он говорил. Он звучал очень далеко и очень тихо. Мои мысли развеялись, сконцентрировав моё внимание на голосе. С каждой секундой голос приближался. С каждым словом он становился громче. Вот, спустя секунд тридцать, я смог разобрать его слова. Он говорил со мной:

–Привет, Максим. Сколько времени прошло с тех пор, как мы встретились впервые. Неделя? Год? Пара лет? Или мы были знакомы всю жизнь, а? Да...-сделал паузу в своей речи неизвестный. –Мы знакомы с тобой всю жизнь. Мы очень хорошо знаем друг друга. Я знаю, как ты любишь проводить время. Я знаю, какой твой любимый фильм и цвет. Я даже знаю то, как хорошо ты живёшь и кем ты работаешь. Я знаю всё: от маленьких деталей о тебе, до твоего отношения к дру-

гим людям. Знаю, кого ты любишь, а кого ненавидишь всем сердцем. Знаю всё, можешь поверить... В детстве мы с тобой играли, были лучшими друзьями, а потом, когда прошло время и ты вырос, ты нагло забыл меня, оставив одного в этом большом и страшном мире. Ты оставил меня, подумав, что я справлюсь сам. Ты оставил меня гнить здесь. Забыл про меня. Вычеркнул меня из своей памяти. Я тебя ненавижу. -спокойно проговаривал голос. -А теперь, когда я нашёл тебя вновь, примешь ли ты меня назад? Впустишь ли в свою голову? А?

Проговорив последний вопрос, голос замолчал. Собеседник ожидал моего ответа, но я не мог вымолвить ничего. Голос, казалось, просто исчез из моего тела. Прошло около минуты, перед тем как он продолжил:

-Не желаешь отвечать? Или просто не можешь? Уже всё равно. Вскоре ты вспомнишь меня и осознаешь всю глубину своей ошибки. Честно, я тебе никогда не прошу. Что же произошло такого, что вынудило тебя оставить меня? Точно! -воскликнул неизвестный. -Ты повзрослел. Ненавижу, когда люди взрослеют. Как только человек становится взрослым, он сразу же забывает про меня. Стирает из своей памяти. Так сделал и ты. Но знаешь, что самое интересное? В отличии от других у тебя в памяти есть пролом, который открыл доступ к твоему сознанию, впустив меня сюда. Ты вспомнишь меня и будешь молить о пощаде. Ты будешь просить прощения за всё, что сделал мне. Я отыграюсь на тебе...-сказал человек.

Неожиданно, я открыл глаза. Голос, который вёл со мной диалог, затих. Я осмотрелся. До сих пор я находился в зале, где стояла гробовая тишина. Теперь, после случившегося, эту тишину нарушало моё прерывистое дыхание. Мне было страшно. Страх сковывал моё тело... Перед тем, как я отошёл от кошмара, прошло, наверное, минут десять. Окончательно успокоившись, я встал и начал медленно ходить по комнате, обдумывая всё то, что произошло со мной. Этот голос я слышал впервые. “Что нужно было этому человеку? Кто со мной говорил? Откуда он меня знает?”—эти три вопроса крутились у меня в голове. Я думал, искал ответ, но в голову ничего не приходило. Он говорил, что играл со мной в детстве, но я его забыл. Говорил, что мы были лучшими друзьями. Я не мог поверить в это. В детстве рядом со мной всегда был отец, который не подпускал ко мне почти никого. Друзьями в детстве мне стали три человека, которых я знаю до сих пор. Больше никого. Так что, я был уверен, неизвестный человек мне врал. Но он смог меня напугать: я боялся закрывать глаза, думая о том, что голос вновь прозвучит в моей голове.

Я минут пятнадцать блуждал по комнате. Всё время я думал, но в голову не приходило ничего. Всё закончилось тем, что я пришёл к выводу: всё это выдумка моего сознания. В тот момент я решил именно так, но я ошибся... Очень сильно ошибся...

Неожиданно, стоило мне закончить свои размышления, я

услышал крик Сергея:

–Максим, давай собирайся. Мы уезжаем.

Я был рад слышать эти слова. Поскольку вещей я с собой не привозил, то просто вышел на улицу к Сергею. В город, вместе с нами, собрался ехать Артём, который и сел за руль. Артём ненавидел алкоголь и сигареты. Он был представителем здорового образа жизни. В город, по ночной дороге, мы ехали больше часа. В тот вечер, как и днём, мы не встретили ни одной машины на своём пути. Когда мы приехали в город, Артём высадил меня у моего подъезда. Сергей в тот момент уже спал. Выйдя из машины, Артём завёл со мной диалог. Что мы обсуждали, я не помню, но длился наш диалог очень малый промежуток времени. Спустя пару минут, Артём сел в машину и поехал на квартиру моего друга.

Я поднялся на свой этаж, открыл дверь квартиры и последовал внутрь. “Как хорошо быть дома.”-прозвучало в голове, когда я закрыл за собой дверь. Событие, которое произошло в деревне, почти вылетело из моей головы. Я прошёл к себе в комнату и упал на кровать, желая поскорее уснуть. Сон пришёл очень быстро.

Сон, который я видел, до сих пор заставляет меня вздрагивать... Я открыл свои глаза в пустоте, где стояла гробовая тишина. Ни единого звука, даже своего дыхания, я не слышал. Я не мог шевелиться. Я стоял и смотрел в темноту, которая сгущалась с каждой секундой. Неожиданно, послышались шаги. Тихие, далёкие шаги. Они приближались ко мне.

Шли минуты, а потом шаги затихли. Опять повисла гробовая тишина. Страх сковал меня. Неожиданно, вокруг меня появился тусклый свет. Осмотревшись, я понял, что стою на дороге, которая уходила в пустоту. Возле дороги стояло несколько фонарей, которые и излучали этот тусклый свет. Я вновь услышал шаги, которые теперь дополнились тихим голосом. Это был тот голос, который я слышал в деревне. Он звучал далеко, но с каждой секундой приближался. Время шло, а голос не замолкал. Вот, наконец, я смог разобрать его слова:

—На что ты надеялся, Максим? Может быть, ты думал, что сможешь спастись? Надеялся на то, что, покинув деревню, я исчезну? Или хотел вновь меня забыть и оставить гнить в этом мире? Всё это бессмысленно. Я же сказал, что отыграюсь на тебе. Ты будешь молить о пощаде. Теперь ты в моей власти. И так будет всегда...-сказал голос и затих.

Стоило ему затихнуть, как я увидел силуэт на дороге. Он приближался. Шаги, которые звучали в тишине, исходили от него. То, что я увидел, назвать человек было очень сложно... Силуэт был очень высоким, наверное, метра три, если не больше. Существо, которое приближалось, было окутано длинным чёрным плащом, который скрывал его лицо и большую часть тела, кроме правой руки и ног. Вместо правой руки у него была длинная кость, с которой свисали куски плоти. Заострённые кончики пальцев были покрыты застывшей кровью. Вторая рука была скрыта плащом. Из ног, ко-

торые были покрыты плотью, медленно сочилась кровь. Он шёл медленно. С каждой секундой он приближался ко мне. Неожиданно, он заговорил со мной:

–Максим, как себя чувствуешь? Вспомнил меня? Нет? Какая жалость. -сказал человек, подняв голову. В тот момент я узрел его красные глаза, которые прожигали меня насквозь. -Боишься? Правильно... Бойся... Что же мы будем делать, Максим? Точно. Смотри кого я привёл.

После этих слов, человек щёлкнул своими заострёнными пальцами. Перед ним, из пустоты, возник стул, на котором сидела Маша. В тот момент я не поверил своим глазам. Она спала. Её рот был заклеен скотчем, а руки и ноги связаны верёвками. Существо, подойдя к стулу, прикоснулось к Маше. Девушка открыла свои глаза. Осмотревшись, она попыталась закричать, но это было четко. В её глазах читался страх. Она боялась, пыталась вырваться из верёвок, но ничего не удавалось. Боковым зрением она заметила человека, который её разбудил. Её глаза расширились, а движения рук и ног стали хаотичнее, что не принесло успеха. Вскоре, она успокоилась. Существо, в свою очередь, водило своей костью по плечам и голове девушки. Убрав руку, человек заговорил:

–Ты знаешь эту девушку? Хм, а зачем я спрашиваю? Твой взгляд тебя выдаёт. Её, вроде бы, Маша зовут? Да? Интересно. Как вы с ней познакомились? Как вы с ней общались? Ой, бедолага... -сказал он, проведя своей рукой по голове девушки. -Всё ясно: ваше общение это всего лишь пара фраз.

Познакомились вы два года назад, я прав? С тех пор, ты частенько приезжал к ней в дом, но она всё время проводила в своей комнате. Нет, не так-ты приезжал на гулянки к своему другу. Знаешь, она ненавидела своего дядю. Каждый раз она закрывалась в своей комнате, чтобы не слышать пьяные разговоры и споры взрослых, среди которых был её дядя-Сергей. Нет, её отец тоже пил, но он не причинял ей вреда никогда. О чём я говорю? Давай поясню. Сергей избил её в детстве, когда его оставили присматривать за ней на неделю. Он почти убил ребёнка, но смог остановить свою злость в последний момент. Девочка пару недель провела в больнице. Сестре он сказал, что это сделали друзья маленькой Маши. Правда смешно? Маша всё помнила... Она ненавидела своего дядю. -сделал паузу человек. -Потом, она начала презирать всех друзей дяди, которые пили с ним и вообще общались с этим человеком. Ты попал в их число, но, самое удивительное, к тебе она относилась по-другому. Ты не вызывал у неё презрения, но она всё равно боялась к тебе подойти, считая опасным. Ты был исключением. -после этих слов Маша начала усиленно пытаться вырваться, но это не увенчалось успехом. -Успокойся, девочка. Так, думаю, хватит рассказывать тебе о ней. -сказал неизвестный и сделал круг возле стула. -Что мы будем делать? Как мы накажем её, Максим? Она боялась тебя и считала опасным. Её нужно наказать! -воскликнуло существо. -Может, для начала, вырвем ей все волосы на голове, а потом кинем в яму к змеям? Или,

предлагаю, выколоть ей глаза, а затем разукрасить её лицо кровью? Ну, если тебе хочется быстро лишиться её жизни, можем вскрыть ей вены, срезать всю плоть с её молодого тела, сварить её, а потом скормить животным. Как тебе идея? Мне нравится. Что скажешь, какой вариант выбираешь?

Задав вопрос, человек замолчал. Маша всё слышала. С её глаз начали течь слёзы. Страх сковывал моё тело ещё сильнее. Я мог только смотреть на всё то, что происходило впереди меня. Я не хотел, чтобы Маша пострадала, но не мог ничего сделать. Шли минуты, а человек всё время смотрел на меня своими красными глазами, которые так и желали прожечь во мне дыру. Ему надоело... Он сказал:

— Не хочешь делать выбор? Ничего, понимаю. Раз так, если у тебя не хватает сил сказать, я сделаю свой выбор. Она будет страдать. Она будет молить о пощаде, а ты будешь смотреть на это. На твоих глазах умрёт человек, которого ты знаешь. Да, знаешь ты его плохо, но это ничего не меняет. Потом ты будешь винить себя в том, что не смог ничего сделать, даже облегчить её страдания. Если она пострадает и умрёт, то ты будешь страдать долго, пока мне не станет скучно. -сказав это, человек засмеялся и опустил голову. -Приступаем, Максим? Сейчас ты увидишь, как она будет страдать. Смотри внимательно.

Закончив говорить, существо сделало щелчок своими пальцами. В его руке, из пустоты, появился охотничий нож, лезвие которого отражало тусклый свет фонарей. Он поднял

свою голову, дав мне узреть, что из-под тёмного плаща, который скрывал его лицо, теперь сияли не только два красных глаза, но и большая, длинная, алая улыбка. Он подошёл к Маше, наклонился и прошептал ей что-то на ухо. Она задёргалась, но не смогла вырваться. Человек развязал её одну руку, приподнял над головой и, взмахнув ножом, отрезал мизинец. Палец упал на дорогу, образовав кровавое пятно под собой. Крик Маши вырвался из-под скотча. Из её глаз слёзы потекли ручьём. Алая кровь брызнула во все стороны. Рука девушки истекала кровью. Тому существу всё понравилось-его улыбка стала шире, а глаза стали ярче. Он решил сорвать скотч со рта девушки. Сняв скотч, он взял руку Маши обратно. На руке осталось четыре пальца, которые были отрезаны человеком в течении одной минуты. Каждый раз, отрезая палец, он наслаждался криком девушки. Рука девушки полностью покрылась кровью. Слёз больше не было, только тихие стоны и молитвы о пощаде. Всё это время существо молчало, но продолжало улыбаться. Неожиданно, взяв Машу за шею и наклонив назад, он поднёс нож к глазу девушки. Она сразу поняла, что будет дальше. Она начала просить его передумать, но ему было всё равно. Через пару секунд он принялся вырезать глаз. Маша сначала кричала, а потом просто потеряла сознание. Кровь покрыла её лицо. Глаз, который он вырезал, упал на дорогу и откатился от стула. Он продолжал улыбаться, зная, что Маша ещё жива. Около трёх минут он стоял над Машей, ожидая её пробуждения, но ему

надоело. Он вновь прикоснулся к её руке. Я осознавал, что будет дальше. Мои догадки подтвердились: он вскрыл ножом её вену, с которой потоком потекла кровь. Дальше, словно сумасшедший, он начал бить ножом уже мёртвое тело, превращая верхнюю часть тела девушки в кровавое месиво. Это продолжалось около пяти минут. Закончив, он выкинул нож и заговорил:

–Ну что, Максим, понравилось зрелище? Как себя чувствуешь? Можешь идти. –сказал человек и исчез.

После его слов, я проснулся. Открыв глаза, я понял, что была ночь. Я был в своей квартире. “Слава богу, это сон. ”-думал я у себя в голове. Но, вспомнив картины событий, мне стало очень плохо. Я встал с кровати и ушёл на кухню. Мне было страшно. Рвота подступила к горлу, когда я вспомнил о том, как он кромсал тело Маши. До утра я просидел на кухне, скулив все свои сигареты, выпив, примерно, семь чашек кофе. Когда наступил рассвет, я расслабился. Чувство страха отступило, когда первые лучи солнца попали в мою квартиру. Я был счастлив, что пережил ночь. Но мое счастье было кратковременным...

Как только наступило восемь утра, раздался стук в входную дверь. Я подошёл, посмотрел в глазок-никого. “Опять дети играют. ”-думал я у себя в голове. Я открыл дверь, собираясь прогнать детей, но, на мое удивление, на пороге квартиры стояла коробка. Небольшая картонная коробка, с бумажкой, на которой было написано мое имя. “Вроде, я

ничего не заказывал. ”-прозвучало у меня в голове. Я занёс коробку в дом, закрыв за собой дверь. “Очень лёгкая. ”-проносилось в моих мыслях, когда я ставил коробку. Я, долго не думая, открыл коробку. Я пожалел об этом...Внутри коробки лежал пакетик с кровью, а рядом с ним пять пальцев, глаз и записка. Я достал записку дрожащими руками, надеясь, что это шутка, и развернул её. На маленьком листке бумаги было написано кровью: “Это мой подарок тебе, Максим. Она принесла мне много наслаждения своими криками. Я её запомнил. Наслаждайся. ”. Я, выронив листок бумаги из рук, пнул коробку, которая ударилась об стену. Страх вернулся. Спустя пару минут, я пришёл в себя и закрыл коробку, оставив её в коридоре. “Чёрт...Кто это был? Что ему надо? Неужели, это всё было правдой? ”-проносилось у меня в голове, а слёзы сами начали вытекать из глаз. Я вернулся на кухню и заварил себе кофе, прикурив сигарету. Прошло около часа перед тем, как у меня зазвонил телефон. Звонил Сергей. Я поднял:

–Привет, Максим. Извини, что беспокою, но это важно. Мне звонил Андрей. Сегодня утром он нашёл Машу мёртвой во дворе. Это горе для Андрея, моей сестры и меня. Прошу, если не трудно, составь компанию и давай съездим в деревню. -говорил очень тихо Сергей. -Нет, если ты откажешь, я всё пойму. Просто, я боюсь ехать один.

–Привет, Серёг. Мне очень жаль. Извини, я не смогу поехать с тобой. Я обязательно буду на похоронах, обещаю. -

говорил я, осознавая в каком состоянии её нашли. -Не знаешь, кто с ней так мог поступить?

-Ничего, понимаю. Нет, не знаю. Андрей сказал, что его находка была очень ужасной. Я не знаю, что там произошло, но я обязательно найду ту сволочь, которая посмела убить мою дорогую племянницу. Ладно, когда будут похороны позвоню. Пока, Максим.

-Тот, кто убил её, будет страдать. -говорил я, осознавая, что, скорее всего, её убил не человек. -Ладно, пока Сергей. -сказал я, положив трубку.

В голову пришли образы, которые я видел во сне. Моментально я вспомнил, как неизвестный издевался над бедной девушкой. Потом, я осознал, что кровь, один глаз и пальцы Маши находятся в той коробке, которую я оставил в коридоре. От этого стало ещё страшнее. Не желая оставаться в квартире, я забрал коробку и ушёл из дома. Пешком я добрался до выезда из города, где выкинул коробку. Остаток дня я бродил по городу, в котором кипела жизнь. Мне было страшно осознавать то, что я видел убийство Маши во сне, когда спал в своей кровати. Я вернулся домой, когда наступил десятый час ночи. Я, боясь увидеть сон, отправился спать...

Утром, очнувшись, я был рад: мне ничего не приснилось этой ночью. Спустя пару часов, мне позвонил Сергей и рассказал, что похороны будут через неделю. Я не стал спрашивать в каком состоянии нашли тело Маши. Через неделю

я приехал на похороны. Машу хоронили в закрытом гробу, не подпуская никого. Как говорили некоторые люди, от нее остались только ноги. Когда я смотрел на то, как опускали гроб в яму, мне показалось, что я услышал тихий смех того существа. Я уехал сразу, как только закопали гроб.

В течении следующей недели, после похорон, я жил спокойно. Я уже начал забывать о том существе, которое приходило ко мне во сне. Я радовался недолго: оно напомнило о себе, когда вернулось ночью, рассуждая о смысле жизни и моих друзьях. На следующее утро мне сообщили о смерти Сергея. Он разбился на машине по дороге в деревню. Мне было его очень жаль. Я понимал, что это неизвестное существо приложило свою руку к смерти моего друга. Ночью, стоило мне закрыть глаза, я услышал этот мерзкий, тихий, монотонный голос. Это существо рассказывало, как оно издевалось над моим другом. Ему было весело: мой друг страдал и молил о пощаде. Когда существу надоело, Сергея настигла смерть. Наверное, моему другу повезло-он умер быстро. Я понял, что страдать мне, как и говорило существо, придётся долго, теряя каждый раз близкого мне человека...

Спустя пару дней погибла Алиса-сестра Сергея. Её тело обнаружили в лесу, неподалёку от деревни. Тогда я уже догадывался, что следующим станет Андрей-муж Алисы. Так и случилось: не прошло и трёх дней, как Андрея нашли мёртвым. Он повесился в своем доме. Можно было списать всё на нервы, которые не выдержали потери дочери и жены. Так

бы и сделали, если бы не две детали, которые были скрыты под плотной одеждой: вскрытые вены и вырезанное сердце. Крови в доме не было, а значит, что Андрея убили где-то в другом месте, а потом просто принесли домой и повесили. Это теория подтвердилась, когда в лесу нашли окровавленный нож и много застывшей крови. Улик, кроме ножа и крови, не было. Поиски убийцы закончились спустя пару дней, а дело закрыли. Никого не нашли. Люди даже не могли предположить, кто так поступил с бедным человеком. Вот только я знал, кто это сделал...

С того момента моя жизнь изменилась. Существо стало приходить частенько. Оно, перед каждым убийством, приводило в мой сон свою жертву, над которой издевалось на моих глазах. Я страдал от того, что не мог ничего сделать для бедолаг. Каждый раз люди просили помочь, кричали от боли, умирали, а я стоял, скованный страхом, и смотрел на то, как они страдают... Но больше всего становилось больно от того, что я знал всех этих людей... Среди них были мои друзья, коллеги, родные... Так, например, я увидел смерть моей младшей сестры. Боже... Я никогда не смогу забыть то, как она кричала и молила о пощаде, пока существо издевалось над ней... Никогда не смогу забыть её большие глаза, налитые слезами... На моих глазах погибло множество людей...

С недавних пор я слышу во сне множество голосов, которые просят спасти их. В этих голосах я слышу просьбы Сергея, Маши, моей сестры и многих других людей. Они прихо-

дят и начинают говорить: “Максим... Помоги... Спаси нас отсюда...”. В конце каждого сна приходит это существо. Оно, словно те голоса, начинает говорить: “Иди сюда... Помоги им... Ты хочешь, чтобы кошмар кончился? Я тебя жду... Приходи...”.

Место, которое я видел во сне множество раз, существует. Я нашёл его. Оказывается, неподалёку от деревушки, где жила сестра Сергея, есть дорога, которую закрыли в начале двадцать первого века. Её положили в пятидесятых годах, как главную дорогу в одну из промышленных зон, которую должны были построить. Только строительство той зоны так и не началось. Говорят, что главный инженер, который должен был заняться планировкой промышленной зоны, исчез, когда ехал по той дороге. Вместе с ним исчезло около сотни человек. Проводили многочисленные поиски, но никого не нашли. Идейку строительства выкинули из головы, а неподалёку от дороги построили деревню. Что там случилось, до сих пор загадка. В начале двадцать первого века дорогу закрыли, но перед этим на некотором участке были установлены фонари. Зачем их установили, если дорогу собирались закрыть? На этот вопрос ответа у меня нет. Говорят, люди забыли, что дорога ведёт в пустые поля, а когда вспомнили, то фонари решили оставить. Дорога хранит множество загадок. Некоторые говорят, что те места прокляты. Завтра я узнаю, какие тайны хранит дорога прошлого столетия. Завтра, впервые, я столкнусь с этим существом лицом к лицу.

Если мне повезёт, то я выживу, убив этого монстра. В противном случае-я никогда не вернусь в эту квартиру, исчезнув из этого мира. Но, в любом случае, завтра этот кошмар закончится. Я дождался конца... Пора заканчивать видео. Прощайте, ребят...

Открыть глаза так сложно, дайте выпить.

На вокзалах вы увидите больше любви, чем в любых бледных российских телесериалах. В самых пыльных и переполненных отчаянием складах больше жизни, чем в любой сонете Шекспира. Тот молодой юноша с фанерной гитарой в переходе расскажет вам больше, чем любая пластмассовая звезда, имеющая сомнительный контракт в лучшем лейбле страны. Таким ненужным. Таким пустым. Пустым, как мой холодильник в любой из семи дней недели. Господи Иисусе, вас не тошнит? Нет? Тогда где это чертово ведро, стоявшее возле подлой, скрипучей кровати?

Я вышел из отеля где-то около одиннадцати утра. Безумно живой, прекрасный, солнечный и не щадящий всех поголовно четверг. Ему плевать, кто вы: богобоязненный, полноватый коммерсант лет 32 или объебошенный дешевыми спидами, депрессивный подросток. Лучи солнца проникали вам прямо в голову и сжигали все ваши чудесные мысли. Настоящее месиво из раскаленных асфальтных дорог, перебитых общественных транспортов и нелепых физиономий местных политиков на бигбордах. Я знал одного безумца, стоявшего всю свою жизнь под палящей звездой. По-моему, он еще не скончался.

На мне был сероватый пиджак, накинутый на белую футболку, потрепанные джинсы и самые убитые Converse во всей округе. Черт побери, я был молод и восхитителен. Выходя из отеля и пройдя около небольшого газона, я завернул налево и направился в сторону проспекта. Нечаянным движением правой ноги я развязал шнурок на левой, негромко выматерился и стал завязывать по новой. На втором этаже отеля одно из окон было приоткрыто, и мне повезло услышать громкий диалог одной пары, захавшей сюда неделю назад. Возможно, они любили друг друга.

– Проклятая стерва, я не собираюсь слушать твои бредни по пятому кругу, закрой свой ебальник! Ты рехнулась, как и твоя мамаша!

– Сволочь, не смей так говорить о ней! Я в последний раз спрашиваю: где тебя, мразь, носило всю ночь?! Где твой кошелек? Сколько ты слил на свою шалаву?!

– Та заткнись ты, блять! Не беспокойся, я оставил тебе на лечение, дорогая.

– Сука, ты еще смеешь смеяться надо мной?! Иди нахуй отсюда, скотина! Забирай свои вонючие шмотки, и не возвращайся! Гори в аду, блять!!

Я наконец-то закончил со своим шнурком и продолжил свой путь, напевая старые, блюзовые мотивы в полголоса. Из окна продолжался поток любви и словесной грязи. А я шел, совсем не торопясь. И вдруг случилось то, что является классикой. Это должно было случиться.

Раздался пронизывающий звук разбитого стекла, сотни осколков хаотично разлетелись по газону. Я повернул голову назад и увидел лежащий, только что вылетевший телик на зеленой траве газона. Часть окна была открыта настежь, а вторая приняла на себя всю горечь той безумной женщины. Оставшиеся осколки на раме ехидно игрались с бликами солнца, тем самым уменьшая нагнетенную обстановку. Бедняжка. По-моему, она хотела выбросить этот злобучий телевизор через открытую сторону окна, но что-то пошло не так. Мне было искренне жаль их всех, жаль телевизор, он был совсем неплохой, у меня в номере находился такой же. Конечно, можно помочь всем несчастным и затерянными в этом чудном зверинце, но в финале жди такой участи: ты открываешь глаза, как можно медленней, потому что все тело пиздец как болит, словно тебя распяли, яркое солнце бьет в полузаплывшие кровью твои глаза, ты оглядываешься — и вуаля! Ты на Лысой горе, висишь на деревянном кресте, прибитый гвоздями, слева и справа от тебя такие же обреченные, как и ты, один из легионеров тычет тебе в лицо губкой, от нее неприятно несет уксусом, ты смотришь сверху вниз на толпу, собравшуюся вокруг, эти ублюдки открыто насмеваются над тобой, а ты в полнейшем ахуе от безысходства и тоски, а солнце давно зашло, и Иуда не вспоминает о тебе уже, сидит себе где-нибудь в обшарпанном кабаке и пропивает свои 30 честно заработанных серебряников.

— Что за шум, что за крики, мальчик мой? — лениво про-

звучал из за угла здания знакомый голос — Даня, ты что-ли опять хулиганишь, окаянный?

Это была Валерия, администратор отеля. Обворожительная брюнетка 29 лет, со спокойными глазами, прекрасными формами и красивыми длинными ногами. Ногами, способными завести вас в могилу или разбиться в автокатастрофе. Мне кажется, в Преисподней она сможет свести всех апостолов с ума без малейших усилий, даже в своем прокуренном халате и не сказав ни слова. Ее ноги скажут все за нее.

Она стояла на углу здания, облокотившись спиной к стене и как всегда курила свои любимые синие "Next". Я подошел к ней поближе и поздоровался:

– Здравствуйте, Валерия.

– Здравствуй, что там такое? Третья мировая?

– Почти. Немного повздорили, вроде с 216 номера, если не ошибаюсь.

Валерия затушила сигарету об стену и направила взгляд на газон и лежащий там телевизор с немного треснувшим экраном. Я восхищался ею. Никаких стервозных криков и воплей, глядя на это варварство. Лишь спокойное, уставшее лицо. Она умела говорить без слов, и это было величайшее искусство, самое непризнанное и недооцененное.

– О Боже, ну как я заселила таких несносных ебанатов? На вид — ведь вполне цивилизованные люди, не правда ли?

– Ага.

– А ты куда собрался в жару такую, малыш?

– За пособием. Сегодня же 22 число.

– Нашел бы работу уже наконец, бездельник. Скоро и кости твои похудеют.

– Я каждый день работаю.

– Писать рассказы, которые никто не печатает? Сомнительная работа, голубь ясный. Ты за ум то берись, не зли меня.

– Ну, Рим тоже не сразу строился.

– Ладно, беги. Допоздна не задерживайся, я на ночь закрываю вход.

– Во мне вся интеллигенция мира, вы же знаете. Скоро буду, не грустите.

Пособие по безработице. Почти как Вэлфер у Лимонова. То есть, хватает лишь на малость пожрать и аренду в самой грязной дыре. Рай для творцов без амбиций. Но все не так уж серо и ужасно, вы там Лимонова особо не слушайте. Хотя бы по той причине, что он — писатель.

Я прошел пару кварталов, пересек улицу Авантюристов и с успехом вышел на проспект. Допотопный, убогейший из троллейбусов города N, который был мне по пути, подползал к остановке с намеком, что лучше не стоит, даже не пытайся, чертов ты идиот, куда ты лезешь? Ты так молод, тебя ждет Революция с бокалом шампанского в ванной, только попроси, и ветер направит тебя в самые злачные места, и валютой твоей станут любовь и затыжной смех молодости, и Махно покраснеет то ли от зависти, то ли от гордости, хлопнет тебя

по плечу, так ничего и не сказав на прощанье. Даже сидящие на остановке пожилые товарищи перекрестились и дожидаясь следующего, устало принялись глядеть в пол. А я зашел. Солнце уже начало поедать и без того мой крохотный мозг.

Я зашел на среднюю площадку, кондуктор сразу же предложила оплатить проезд, сказав: "Молодой человек, вы случайно не свинья?", на что я благородно улыбнулся, и, протянув ей за билет ответил: "О нет, только не сегодня".

Я окинул беглым взглядом полупустой троллейбус. Сотни бессмысленных граффити и нарисованных хуев черным маркером по всему салону, стертые поручни, грязные стекла. Напротив меня сидела женщина около 35 лет, довольно полноватая. "Боже, это же абсурд во плоти, — подумал я, — люди ноют на каждой встрече или пьянке о нищете, но при этом едят каждый день, и судя по "несчастным", едят весьма недурно". Ужасные, черные штаны чуть ниже колена, в руках пара пакетов, небольшая сумочка болтается на правом плече, крашенные волосы темно-оранжевого цвета и синяя, просторная футболка с тошнотворными, разноцветными узорами. "Perfect Life" — мерзким шрифтом написано на футболке этой прекрасной женщины. И снова абсурд! Гражданка, вас тотально наебали продавцы секунд-хенда, а вы снова слепой притворяетесь?! "Perfect Life"?! Какого черта Хемингуэй тогда взял в руки ружье тем спокойным и летним вечером?! Только не говорите, что из за бухла. Уже не канает. Я серьезно. Это как пальцем в небо.

Я вышел на нужной остановке и направился в офис по центру занятости, вниз по бульвару. Я снова шел, не спеша. Вдруг кто-то толкнул меня в плечо, не сильно, но весьма неожиданно. Я обернулся. Это был Евгений, знакомый из давних времен университета. Опасный черт, вечный зануда и нытик, но его добру и желанию помочь не было границ. Я был искренне рад его видеть, если вам, конечно же знакомо такое чувство.

– Ни хуя себе, здравствуй, Женька.

– Эй, здорово. Как ты, старый? Куда топаешь?

– За пособием, куда ж еще.

– Ну ты даешь. Слушай, погнали ко мне, у меня там в холодильнике упаковка "Бада" со вчера лежит, прохлаждается. Мне экспресс как раз на сегодня нужно составить, поможешь. Англия в самом разгаре. Погнали, а?

– Англия, говоришь? Ну пошли, дружище.

Мы поднялись в съемную однушку Евгения, довольно уютную и с прекрасным видом на бульвар. Я упал на диван, и банка пива моментально прилетела мне в руки. Гостеприимство на высшем уровне. На кухне негромко играло радио. Я начал просматривать сегодняшние матчи английской премьер-лиги. Подводные камни везде, даже когда твоя ставка заходит. Гляди в оба.

– Ну что, маэстро? Каков ваш вердикт? — веселым тоном спросил мой друг, возвращаясь в гостиную.

– К черту экспресс, ставь нулевую фору на Вест Хэм и ин-

дивидуальный тотал Тоттенхэма больше 1. 5. — спонтанно сказал я, допивая первую банку.

Женя внимательно начал смотреть на коэффициенты. Не согласен, судя по лицу.

— Так Вест Хэм — аутсайдер в матче, и разрыв довольно приличный. Думаешь, стоит?

— Все мы — аутсайдеры. Не волнуйся, я позвоню и договорюсь за их победу. Лучше принеси ка мне еще баночку. Отличное пойло.

— Ага, бля... договоришься.

Я открыл вторую, осуществил небольшой глоток и продолжил смотреть расписание матчей. Женя посмотрел на меня разочарованным взглядом:

— Ты гонишь, бредовый прогноз какой то. Лажа.

— Не забуй, это английская лига. Даже ясновидящему не под силу. Лучшая мысль — первая мысль.

Мы взяли еще по третьей, соскребли всякой всячины из холодильника, вернулись в гостиную и завели дискуссии на счет религии, ставок, рок-Н-ролле и пользе сельдерея. Мне стало скучно, я поблагодарил за редчайшую доброту и щедрость старого друга, попрощался и продолжил свой путь к офису.

Дойдя до огромного здания на правой стороне бульвара, я поднялся на четвертый этаж и зашел в офис под номером 404. Невероятно, никакой чертовой очереди, и я дождался пока закончит единственный посетитель, мужчина лет 50.

Освободившись, я сразу же подошел к работнице, жгучей блондинке в очках, начал заполнять анкету и расписываться в указанных ею местах.

Вот уже 8 месяцев мы общаемся с ней с помощью взглядов, передаем мысли через невидимый поток в воздухе. И каждый раз она спрашивает одно и то же: "Юноша, вы слишком наглы и ленивы, не обманывайте хотя бы меня, что вы ищете работу, мы общаемся с вами глазами, и я вижу абсолютно все. Это крайне некрасиво с вашей стороны, попробуйте стать взрослым, я вас умоляю. И хватит пялиться на мою грудь". И как всегда, получив свое крошечное, смехотворное пособие, я по детски машу ей на прощание рукой и мысленно говорю: "Мой милый ангел, я возьмусь за ум только когда прыгну с тобой в постель, а твоего мужа отправлю жить на это ебанное пособие. Вся наша жизнь будет сплошным праздником, мы будем танцевать на костях у всего мира и пить вино. И однажды тебе все это надоест, и возможно, что ты захочешь убить меня, но будет поздно, и я сбегу от тебя рано утром, пока ты еще будешь видеть цветные сны, потому что мы читаем друг друга, а не говорим слова. Но ты не жалея ни о чем, не грусти. Я вернусь ровно через месяц. Целую".

Я вышел на улицу и посмотрел на часы. Боже, 19:51. Время летит быстрее, чем я предполагал. Я подошел к остановке и сел на ближайшую лавочку, дожидаясь транспорта. Справа от меня находилось весьма дешевое кафе, музыка играла на

всю и пьяные голоса перебивали друг друга безостановочно. Спустя пару минут из кафе вышло странное существо, мужик лет 40, у него в руках был картонный стаканчик с кофе, его нехило шатало и он старался не пролить ни капли. Но все же, когда он сел возле меня, в его стаканчике уже нихрена не было, а из входа кафе и до остановки тянулась цепочка разлитого кофе. Пока он уселся, до него только дошло осознание всей его неудачи. От него несло острым запахом водки и чего то еще. Он глянул на меня, и в самом мерзком тоне обратился ко мне, дыша своим ебанным перегаром мне в лицо:

– Блять, что же такое, а?! Дружок, будь добр, возьми мне кофе, только быстрее, блять! Вот там, в кафешке. Давай-давай, шевелись, студент!

– Мужик, а я не хочу. Пиздуй сам.

Немного находясь в ступоре, он все же пошел за вторым стаканчиком, и вернулся с феноменальной победой: ни одной капельки не было разлито во время его тернистого пути. Он сидел, попивая крошечными глотками свое дешевое кофе и ни на секунду не умолкал:

– Братка, а почему мы в таком дерьмище живем то? Ведь страна то какая: все есть, все мы работаем как негры, семьи чтоб не голодали, чтоб все четко было... а те суки сверху обдирают нас и обдирают. Я бы их повесил собственноручно, этих пидорасов жирных! Ей богу, повесил бы! А ты сидишь и молчишь, ни слова. Чо, фашист, а, мелкий?!

– Я бы сначала тебя повесил, а потом и их, рядышком. И

никаких проблем, одним выстрелом двух зайцев. Как тебе такая формулировка, дядь?

– Ты не выебуйся, не сердчай, малой. Пошли выпьем. Я угощаю.

– Не хочется, спасибо.

– Я кстати, Олег. Давай знакомиться.

– Данил.

– Ты вот что запомни, Данила: это сегодня мы с голой жопой стоим, а завтра будем на коне, все в руках своих держать, понял?

– Ага.

– Все, бля, мой автобус походу!

Мужик подорвался и побежал навстречу только что приехавшему желтому автобусу. Он выбросил почти полный стаканчик кофе прямо на проезжую часть. Горячий дым поднялся на том месте, где это все разлилось. Это было самым сучьим поступком, который мне удавалось лицезреть. Иисус проспорил, проиграл или пропил нас всех, бросил одних. Мы словно юнги, находящиеся на корабле во время кораблекрушения. Выбирайся как хочешь. Они затопчут тебя, будут обгрызать твои собственные кости в то время, как ты будешь еще жив. Отбивайся деревянным мечом, становись эмигрантом, беги, пей, пой. В детстве я должен был разбиться о скалы, плывя по сильному течению в небольшой шлюпке. Не вышло. И у этих ебанных упырей тем более ничего не выйдет. Укусите меня за сердце — и вы отравитесь. Поздравляю.

Я успел вернуться в отель до закрытия главного входа. Поднявшись на свой этаж, я направился к номеру. В коридоре пахло смертью и попкорном. С правой стороны доносились стоны и скрип кровати, с левой — негромкие разговоры о далеких странах.

Я открыл свою дверь и вошел. Скинул пиджак, умылся под раковиной и решил найти что то съедобное в холодильнике. Соевый соус, около десятка яиц, куча самой разной зелени, немного мидий и немного копченой колбасы. Я перевел свой взгляд на нижнюю полку и увидел его. Наконец мы встретились с ним один на один. Однако, мне было неловко, что я нарушил его сон.

Таракан спал, соорудив себе неплохой ночлег из листа шпината в качестве одеяла, и кусочка сыра в качестве подушки, при этом лежа на нескольких листьях салата. Весьма недурно. У него явно больше мозга, чем у того мужика на остановке. Я восхищен.

— Я дико извиняюсь, что разбудил тебя, дружище, — вымолвил я виновато — я не знал, что ты здесь спишь. Тебе разве не холодно?

— Ты тупой? Холодильник не работает даже на половину, а в комнате суший ад.

— Я понял. Слушай, если ты замерзнешь, — зови, я открою, и ты можешь переместиться на подоконник. Там тоже чудное местечко.

— Закрой дверь с той стороны.

– О'кей.

Я закрыл дверь холодильника, выпил воды с крана и потер свое лицо. Кровь в висках стучалась ритмом на три четверти. Я закрыл глаза. Неважный денек. Но могло быть и хуже. Гляди веселей на все, старый кретин. Сейчас я готов сдохнуть под «Led Zeppelin», держа в руке бутылку "Бада". Мне плевать. Я выдержал все капканы.

Очарование детства.

Тёплая южная река несла свои воды также медленно, как тянулись дни моего детства. Вдоль противоположного берега двигалось немыслимое, по своей конструкции, судно, которое углубляло дно. На нашей стороне было мелко, насыпан песок, сооружена детская купальня.

Из северного города с непредсказуемой погодой, тяжёлыми свинцовыми волнами, сердито толкавшими неприступный гранит, и сырыми ветрами меня вывезли греться и поправлять здоровье в село, где алыча валялась под ногами, черешня была такой сладкой, что склеивала пальцы ребёнка, плоды сливы достигали размеров яблока.

Утром мама шла за молоком от красно-коричневой коровы, пугавшей меня торчащими вперёд рогами, и за яйцами, собранными в курятнике, где хозяйничал петух, оперение которого превосходило лучшие изображения иллюстраторов сказок, потому что переливалось на солнце.

На реке, с перерывом на обед, мы проводили весь день. Из сырого песка я строила замки, как подсказывала фантазия и позволяло умение. Могла бы основать целый город, но ближе к полдню на пляж приводили Вовочку, мальчика приблизительно моего возраста, худенького, с тонкой шеей, отчего голова его, казалось, заваливается на одну сторону, и раскоординированными движениями. Раскачиваясь из сто-

роны в сторону, он вёз за собой на верёвочке игрушечный пластмассовый грузовичок, довольно, большого размера.

– Здесь будет дорога, – произносил Вовочка, ступая пятками по вылепленным башням и стенам, а вслед за ним проезжал грузовичок, сметая, остатки строений.

Если кто-то возражал или возмущался, он принимался визжать и топтать ногами.

Мама его, грустно шлёпающая по мокрому песку, беспомощно вытирала слёзы, не из-за разрушенных замков, а потому, что её сын был не такой, как остальные дети.

Это продолжалось до тех пор, пока на пляже не появилось новое лицо: наш ровесник Никита.

Он заинтересовался моими «шедеврами», и, как-то само собой получилось, что мы начали строить вместе. У него были крепкие и сильные руки, у меня – маленькие, но искусные. Его придумки сочетались с моими, как будто мы давно знали друг друга, читали одинаковые сказки, ни споров, ни противоречий. Тут на горизонте замаячила знакомая фигурка, ловящая растопыренными пальцами воздух, будто Вовочка недавно научился ходить, а может быть, так оно и было.

– Здесь будет моя дорога, – повторилась ежедневная песня.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть, как уничтожит он совместное «творенье».

– Нет, не здесь, – услышала голос нового друга, твёрдый,

убедительный, не предполагающий возражений.

Он встал перед Вовочкой, значительно выше его, широкоплечий, с большой головой и непроходимой чашей чёрных волос, сильный здоровый богатырь, против существа, похожего на кривой сучок с тонкими неровными веточками.

– А где? – спросил оторопевший разрушитель пляжных построек.

Ни одной капризной нотки, только, интерес.

– Там, – Никита кивнул в сторону кустов, окружавших песок.

– Пошли, – продолжил он, – по краю пляжа ты проложишь дорогу со светофором и пешеходным переходом.

Вовочка, как заколдованный, раскачиваясь пошёл за Никитой, за ними спешила взволнованная мама.

– А что ещё мне построить? – нелепый мальчик был готов повиноваться незнакомцу.

– Гараж для машины, из веточек.

– Хорошо, – дисциплинированно ответил Вовочка, – мама, где построим гараж?

Больше он не мешал. Мы возводили замки, подземные укрытия, ров вдоль стен. Вокруг собирались ребята, продолжали наши постройки, которые разрастались до размеров пляжа, взрослые перешагивали через них.

Вовочка, замерев, со стороны кустов наблюдал за нами.

– Я на ней женюсь, – кивнул Никита в мою сторону.

– Мама, мама, а мне на ком жениться? – закричал особен-

ный ребёнок, ему так хотелось походить на нового знакомого.

Вместе с Никитой мы купались в реке, потом я танцевала на песке, чтобы обсохнуть.

– Перестань, – говорила моя мама, – у меня рябит в глазах от твоего мелькания.

Никита хмурился.

– Я построю дом для нас двоих, ты сможешь танцевать там, сколько захочешь.

В согласии моём он не сомневался и был прав.

Мы плакали, когда наступило время расставания.

«Очарованья ранние прекрасны, очарованья ранами опасны», – услышала я позднее строчки Евтушенко.

Мать Никиты попробовала его успокоить.

– Стой там, молчи, ничего не говори, – приказал сын, размазывая по лицу крупным кулачком грязные слёзы, она замерла, не посмела вмешиваться в его личную жизнь.

Позднее я узнала, что это был внук крупного военачальника и открылась для меня истина: чтобы стать генералом, сначала им нужно родиться.

Эта первая любовь подарила мне не только привязанность и лучшие воспоминания, но и новое чувство: как много я могу значить для мальчика.

Второй раз влюбилась в третьем классе, в студии танцев. Объектом стал Артурчик с синими глазами, пышной шапкой волос дымчатого оттенка, одетый в изумительный серо-го-

лубой костюмчик.

Несколько месяцев я «выдывалась» перед ним, выбирая платьице для каждого занятия, придумывая, как уложить волосы, «разрабатывая» темы для разговора.

Наша пара была лучшей в группе. Я летала по залу вместе с партнёром, лёгким сиреневатым облачком, всегда попадавшим в такт, в отличие от других мальчишек.

Однажды, за мной заехал папа с нашей собакой, овчаркой, домашним другом, которого он выгуливал по вечерам.

– Я знаю этого дядю, – сказал Артурчик, – он раньше часто разговаривал с моей мамой на скамейке в парке, когда гулял с этим дурацким псом, по имени Мальчик.

– Почему дурацким?

Я была ошарашена. Оскорбили члена нашей семьи, любимого друга, глаза которого без слов говорили о том, что он понимает всё, что творится вокруг.

– Мне было четыре года, – продолжил партнёр по танцам, – мама достала пирожное из коробки, а пёс подошёл и съел его.

– Нужно было сказать «фу», он думал, что его хотят угостить, люди не едят пирожные на улице, а делают это дома за столом с чаем.

Когда мы с папой ехали домой, я, трясущимися губами, рассказала эту историю.

– Ребёнок ошибся, я никогда не видел их прежде, не рассказывай это при маме, понимаешь меня? – строго сказал

папа.

Я поняла: произошло что-то важное, сделала вид, что поверила и согласилась.

На самом деле пса нашего звали Бой, и, только, папа называл его Мальчик.

Вечером у меня поднялась температура. После двух недель гриппа обнаружила, что у Артурчика новая партнёрша и не стала настаивать на продолжении совместного «проекта».

Через много лет мы, повзрослевшие, оказались в соседних креслах самолёта.

– Помню, как твоя собака съела моё пирожное, – сказал он.

Видимо это событие так и осталось самым значительным в его жизни.

– Сочувствую.

– Я скоро женюсь.

– Кто же счастливица? – мой саркастический вопрос.

– Дочь знакомого нашего президента, – ответ.

«Она очень бедная, эта богатая девушка», – подумала я.

Даже, имя «Артур», с тех пор, ассоциируется у меня с чем-то неприятным.

Третьей любовью стал Санёк, симпатичный парень из параллельного класса. Учительница музыки поручила нам к новогоднему вечеру готовить номер: «Заклинание змеи». Я должна была исполнять танец кобры, а Санёк – стать заклин-

нателем, он единственный из двух шестых классов, умел играть на дудочке.

Чтобы продолжить общение после репетиции, я нарочно погнула молнию на новых сапожках и попросила Санька в гардеробе помочь застегнуть её. Он, худенький и очень длинный, сел на корточки, взял мою ногу в свои руки, повозился с молнией, а потом поднял глаза, помедлил, сказал:

– Готово.

С тех пор после репетиции спускался со мной в гардероб, стоял рядом покорно, как раб, ждал момента, когда я не смогу застегнуть молнию на сапоге, любовь растаяла.

К этому времени стало очевидным, что папа обманывает маму. Меня удивляло, как могли вступить в брак такие разные люди: прямолинейная, со скучной правотой по любому вопросу, женщина и мужчина, уклоняющийся от серьёзных разговоров, переводящий их в шутку. На него обращали внимание дамы, и он, насмешливо или многозначительно улыбаясь, смотрел на них.

На субботу и воскресенье мама уезжала ухаживать за больной бабушкой. Папа возвращался в такие дни домой поздно, от него пахло спиртным. Я выливали суп в унитаз или отдавала Бою, мама не должна была заметить, что отец не обедал дома.

Однажды, он пришёл с букетом роз и преподнёс их мне.

– Ты хотел подарить их тётё Марго? – спросила я.

Маргарита Валериевна была близкой маминой подругой.

Только такой правильный и наивный человек, как мама, не замечала, как папа и она смотрят друг на друга.

– Нет, – ответил он, – тебе, – закрыл на секунду глаза и в лице его появился оскал, то ли от боли, то ли от желания сдержать какие-то эмоции.

Мы с папой понимали и очень любили друг друга, он покупал мне одежду, я выбирала её тщательно. Если что-то в ней не устраивало, приходилось пришивать другие пуговицы, менять пояс, украшать воротничком или манжетами. Часами я могла стоять перед зеркалом, подбирая кофту к брюкам, свитер к юбке, сумочку к туфелькам. Папа смеялся и говорил, что сошёл бы с ума, если бы ему встретилась в юности такая изящная девочка.

Санёк после школы стал провожать меня домой, однажды, рассказал, что у него есть любимое занятие, ради него он, даже, забросил флейту.

А я-то считала, что, только, учёба на отлично и моя персона – два его любимых занятия.

Оказалось, он посещает кружок любителей нашего города в доме творчества, где педагог, сотрудник исторического факультета университета, очень интересно ведёт занятия.

Я обрадовала Санька тем, что согласилась сходить с ним, «пожертвовав» занятиями по танцам.

Андрей Александрович, человек лет двадцати пяти, талантом рассказчика обладал необыкновенным, вместе с отблесками линз сверкали его глаза, подсмеиваясь над нами,

увлекая в Петербург Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Достоевского, Блока, Довлатова, а иногда мы «пускались в путешествия» по итальянским или греческим городам времён античности.

В памяти его, в неисчислимом количестве, теснились стихи или цитаты, он удачно пользовался ими, придавая рассказу особый блеск. Дома я начала читать классиков, отыскивая в книгах то, о чём он рассказывал, и что в школе казалось неинтересным. На экскурсиях он научил нас смотреть из определённых окон дворцов или домов, замечать детали. Убеждал, что произведения великих мастеров нужно читать в оригинале, я попросила папу пригласить мне учителей французского и немецкого языков.

Вместе с Андреем Александровичем ребята выходили после занятий из дома творчества, шли, продолжая беседу, потом компания «рассасывалась», кто куда.

Мы с преподавателем жили на соседних улицах, рядом шагал Санёк, которому всегда было в ту сторону, куда мне.

Учитель носил с собой дорогой фотоаппарат, мы останавливались, чтобы запечатлеть, именно, сегодняшней день, сиюминутный дождь, свежесть в воздухе, зелёные, желтые, красные листья клёнов или снег на фоне чёрного неба.

«Мне холодно. Прозрачная весна в зеленый пух Петрополь одевает...», – слушали отрывки из Мандельштама в начале мая или Ахматовское: «Смуглый отрок бродил по аллеям...», если гуляли, шурша жёлтой листвой, по паркам Цар-

ского села.

«Всё, что минутно, всё, что бренно,

Похоронила ты в веках.

Ты, как младенец, спишь, Равенна,

У сонной вечности в руках», – звучали строчки Блока, когда обсуждали историю Римской империи.

Я «заразилась» кружком, забросила танцы, училась смотреть на дома, улицы, интерьеры по-своему, как на платье, которое можно изменить до неузнаваемости, если пришить другие пуговицы или поменять пряжку на поясе. На третьем году посещения занятий новые фантазии стали тревожить меня.

Однажды, пройдя половину пути из кружка домой, сказал Саньку, что забыла перчатки в гардеробе, сделала это специально, попросила сбегать за ними. Пока мы ждали его, предложила педагогу сфотографировать город так, как покажу я. Он согласился.

Был апрель. Свинцовое небо застыло в лужах среди пористого потемневшего снега. Город в серой мгле казался загадочным, замершим в предчувствии весны.

Мы встретились во второй половине дня и снимали до вечера. Он напечатал снимки, посмотрел на меня, как на открытие, и предложил продолжить совместное творчество. Под интереснейшие разговоры об искусстве мы «открывали» неожиданные места или ракурс для съёмки. Улицы, дворы, старые решётки садов, реки и каналы выглядели по-дру-

гому. В день встречи, с самого утра я нетерпеливо ждала минуту, когда увижу учителя.

Впоследствии оказалось, что это были самые увлекательное, и счастливое время моей жизни.

Андрей Александрович решил оформить выставку, отобрал лучшие фотографии, предложил мне прийти в дом творчества за час до начала работы кружка, чтобы расположить их и удивить ребят.

Я прикрепляла один снимок, подбирая ко второму, он третий, и, именно, в том месте, куда бы повесила его я. Когда композиция была готова, мы увидели другой город, наш с ним. Одновременно протянули друг другу руки, обнялись. Поцелуй этот я не забуду никогда.

Женатый человек, старше меня на одиннадцать лет, имеющий сына, оказался моим и только моим, никого другого мне не нужно и не потребуется никогда.

Вырвавшемуся из нас потоку чувств надлежало остаться тайной.

Когда ребята увидели изображения города, нам уже было, что скрывать. Санёк спросил меня:

– Разве это не ты снимала?

– Как ты узнал?

– Андрей Александрович – умный, интересный человек, потрясающий эрудит, но так придумывать умеешь только ты.

А я-то считала, что испорченная молния на сапоге лежала в основе его преданности.

Счастье открытия родного человека, себя, своих способностей и желаний дурманило. Я училась в элитной школе, тем не менее, некоторые девочки из нашего класса имели опыт близкого общения с мужчинами. Отличница Катя, даже, пыталась отравиться, когда в ванной под действием таблеток, вместо того, чтобы словить кайф, ушёл в другой мир её близкий друг, сын проректора солидного учебного заведения.

Вопрос перехода в другую «ипостась», во взрослое состояние, назрел или навис надо мной. Вторым участником этой сцены должен стать учитель. Наличие жены, обыкновенной женщины, вкусно готовившей и чисто убирающей квартиру, не волновало. Ему, с лёгкостью «слонявшемуся» между веками и странами, читавшему старинные рукописи, и представлявшему, каким был Колизей, когда его только построили, раздумывающему над философией великих: от Конфуция до Канта, нужна я.

О ребёнке не думала, вообще, как и о разнице в возрасте. Теперь я понимаю: одиннадцать лет не очень заметны, если одному партнёру тридцать, а другому – сорок один. Между моими шестнадцатью и его, двадцати семью, лежала дистанция, длинной в жизненный опыт, к постижению которого я, только, готовилась.

Примером поступков, свободных от обязательств, служил для меня папа, он всегда делал, что хотел, несмотря на нас с мамой. В последнее время имя дамы, с которой говорил по

телефону, с Марго сменилось на Лидию.

Для торжественного расставания с девственностью я придумала время – суббота, место – наш дом, (папы и мамы не было), и короткое чёрное платье с молнией на спине от шеи до «ниже некуда». Разрез или декольте меня устроили бы больше, но такого одеяния папа не купил бы. Пришлось «раскрутить» его на вариант с молнией, предчувствуя, фантазируя, какой трепет испытает Андрей Александрович, растёгивая эту самую металлическую дорожку.

В очередную пятницу я сказала папе, что завтра у нас дома собирается кружок любителей города, чтобы он позвонил домой перед тем, как возвращаться.

Платье надела заранее. После прогулки по городу и фантастических поцелуев в тени сада, я попросила учителя подняться к себе, чтобы открыть дверь, сказала, что заедает замок. Нас потряхивало от близости друг к другу.

– Проходите, я покажу вам альбом Джотто, – это был его любимый художник.

Он сделал несколько шагов в квартиру.

– Расстегните, пожалуйста, молнию, – сбросив плащ, я повернулась к нему спиной.

Замочек поехал по спине, лаская её, предваряя самое захватывающее приключение моей жизни. Я повернулась к нему, платье поползло вниз.

– Что ты делаешь, девочка? Это невозможно. Я виноват перед тобой, всего этого не должно было быть.

Он стал бледен, едва сдерживал себя.

– Ну, почему? – я упёрлась лбом в его грудь, он стоял, твёрдый, как памятник, опустив руки, не дотрагиваясь до меня.

– Нельзя.

Ушёл.

Бешенство, слёзы, обида.

«Вечер испорчен, как и вся последующая жизнь», – твердила я себе, оскорблённая.

Но допустить пропасть платью, имеющему особое предназначение, не могла.

Валера, сосед с верхнего этажа, хорошо мне знакомый, потому что родители наши дружили, занимался футболом и, даже, имел некоторую известность в этой области.

Он остановился около меня на своей машине, когда шла из школы.

– Привет, хочешь покатаю.

– Спасибо, я занята.

– Освободишься, позвони.

Не прошло и недели после трагедии с педагогом, я отыскала его в мобильнике.

– Освободилась? Соскучилась?

– Да, приходи.

– Что мне за это будет?

– Разрешу расстегнуть молнию на платье.

– Лечу.

И он взлетел, вернее упал с седьмого этажа на третий.
Расстегнул.

Ему – двадцать два, мне – шестнадцать. Не такой уж юный возраст по сегодняшним меркам.

Некоторое время я не появлялась в кружке. Мы занимались сексом, исследовали свои возможности, копируя позы из Камасутры и других «учебных» пособий. Встречались у меня дома по выходным дням или у него, пока не вернулись с работы родители.

Мама, проверяя карманы моего платья перед стиркой, нашла презерватив.

– Что это?!

– От этого ещё никто не умер, – ничего другого придумать не смогла, чтобы оправдаться.

– А СПИД?

– Ты же нашла презерватив.

– Какой ужас!

Вечером папа зашёл в мою комнату.

– Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь? – красивый, умный, не только наш с мамой, но ещё чей-то.

– А ты?

– Я не такой подлец, как тебе кажется. Мама не сделала мне ничего плохого, а, главное, не могу оставить тебя, моего нежного бесёнка.

– Всё ОК, папа, не волнуйся.

Через некоторое время меня потянуло в кружок. Дума-

да, что изменится отношение к «детским» занятиям, оказалось – нет. Вышли вместе, как всегда, пройдя треть дороги, я осталась с педагогом один на один. Саньку в школе было оказано особое доверие: учительница по физике велела принимать зачёт у двоечников.

– Как дела? – спросил учитель.

– Превосходно, у меня есть любовник, – я хотела, чтобы ему было больно, как мне.

– Рад за тебя.

Через некоторое время, поупражнявшись с Валерой, я села на край ванной, именно там проходили испытания в этот день, и, как ребёнок, объевшийся любимыми конфетами, поняла, что больше ничего не хочу, что он пустой и неинтересный человек, мой секс-спортсмен.

– Когда позвонить? – спросил он.

– Не знаю, – скучный ответ.

По дороге из кружка, когда мы с учителем остались вдвоём, я сказала:

– Андрей Александрович, третий дом от угла имеет замечательный второй дворик, пожалуйста, пойдёмте, я вам покажу.

– Знаю, это бывший доходный дом купца К...ва. Что ты придумала?

Но повиновался, мы оказались в изумительном маленьком садике среди стен, и только одна из них имела окна.

– Тот человек, с которым я Он мне не нравится боль-

ше, совсем не нравится. Что делать?

– Я должен тебя утешать?

– Да, – уверенно ответила я, ведь, учитель сам от меня отказался.

– Бедная, бедная Кристина.

– Зачем вы издеваетесь?

Никогда, даже в минуты самых горячих поцелуев, мне не приходило в голову обратиться к нему на «ты», так велико было уважение и, даже, почтение.

Я упёрла лоб в его плечо.

– Всё будет хорошо, ты не пропадёшь, – сказал Андрей Александрович и отстранился.

Слабина или боль мелькнули в лице, он едва сдерживал себя.

– А вы? Вы не пропадёте?

– Не знаю.

Через несколько месяцев услышала от Санька, что он разводится с женой.

Причина мне была неизвестна, он не изменял ей, но и не любил больше, это я знала точно.

Потом переживания эти затмило страшное несчастье: умер папа. Ушёл от меня навсегда большой грешник, который оказался святым. Ни я, ни мама не представляли, что на ногах он перенёс два инфаркта и погиб от третьего. Никогда не жаловался на сердце и ни разу не обращался к врачу.

В последнее время дела в его фирме шли плохо, оказа-

лось, он купил квартиру на моё имя. Среди документов была записка, отец просил свою дочь после совершеннолетия жить отдельно от матери.

Ах, папа, как же я любила и понимала тебя!

На поминках вдова говорила о том, что их семейная жизнь была безупречной. За столом сидела её подруга, Маргарита Валериевна.

Какое счастье иметь отца и как страшно его потерять!

Позвонила Андрею Александровичу, попросила прийти в закрытый дворик, рыдала, уткнувшись в плечо единственного человека, с которым меня связывало искреннее чувство и понимание.

Советы или нравоучения мамы были против моего естества. Перед выпускным классом она советовала готовиться поступать в технический институт на специальность, связанную с медицинскими приборами, папа занимался ими.

Я записалась на подготовительные занятия в филиал московского ВУЗа на специальность «дизайн».

Наш преподаватель пригласил в Москву поступать в университет трёх девочек с курсов, я попала в их число.

Сначала предстояло пройти ритуал: постельную сцену с мэтром, которому – под шестьдесят.

Я, разумеется, согласилась. Ничего пред рассудительного или страшного не вижу в том, что моё упругое тело трогал старик, крупный специалист в дизайне, это было всё равно, что прикоснуться к святым мощам или будто они ко мне

прикоснулись. Слова богу, что он не оказался геем. Нас зачислили на «бюджет».

В столице жизнь не дешёвая, я подрабатывала в дизайнерских фирмах на компьютерах со второго курса. Домой не стремилась: с мамой скучно, Андрей Александрович женился вторично.

Сколько бы не старалась и во время учёбы и после неё, зарплата не могла удовлетворить мои амбиции.

Тогда я сняла потрёпанные джинсы, обтягивающую блузу и пиджак – рабочую одежду, и пошла искать в бутиках «прикид», подходящий для встреч с богатым мужчиной, который обеспечит меня.

Два с лишним года общалась с кандидатами из интернета.

Если не заниматься этим вплотную, трудно вообразить, сколько в «сети» придурков.

Наконец, нашла. Муж мой, бизнесмен, старше меня на двенадцать лет, у нас двое детей и дом в европейской стране. Он считает, что «делать бабки» нужно в России, а жить – в Европе. В работе он жёсткий, грубый, по телефону ругается по-русски, по-английски и матом.

Я рада, когда в промежутках между работой и разъездами, он заглядывает домой, как, впрочем, и тому, что уезжает. Он дорожит нашим браком, ему удобно, что при встрече с партнёрами, у меня нет проблем с языками, могу смягчить его хамство, разбираюсь в книгах или произведениях искусства, о которых они спорят.

Между нами негласный договор: он зарабатывает, на мне – семья. Подразумевается, что я не буду заводить романы, да и нет вокруг человека, которым могла бы заинтересоваться.

Супруг же возвращается из России потрёпанный и не чистый. В зависимости от «тяжести» вины или опасности приключений, я получаю в подарок бриллиантовое кольцо, браслет, серьги, колье или диадему.

Мальчиков наших он любит, и это главное, я не нуждаюсь в сильных чувствах этой «деловой колбасы», его привязанность была бы обременительной.

В моём браке нет ничего таинственного или очаровывающего, как и во всей окружающей жизни.

Ежегодно, в дни Рождества, я с сыновьями навещаю маму.

Прошлым летом Санёк разместил в соцсетях репост, собирали деньги на операцию бывшей нашей учительнице физики, не хватало пяти тысяч евро, я послала эту сумму.

Когда зимой появилась в Питере, двухметровый красивый мужчина Санёк пришёл поблагодарить меня, поцеловать руку и пригласить в ресторан на встречу с фанатами бывшего кружка любителей города.

Отдельный зал, большой круглый стол, пятнадцать человек. Андрей Александрович, среднего роста, худенький, в очках, светлые волосы поредели, приобрели белый оттенок, глаза, как прежде, сверкают и смеются под стёклами очков, – любимый преподаватель, лица четырнадцати обращены к нему.

«В Петербурге мы сойдёмся снова, словно солнце мы похоронили в нём...».

Прав Манделштам насчёт декабрьского Питера, но нам было тепло и светло вместе.

Говорили долго, только одной встречи на людях для меня недостаточно.

Когда была ребёнком, мама и учителя рассказывали, что готовят нас к взрослой жизни, оказалось, жили мы по-настоящему в детстве: эмоции не придуманы, чувства естественны, привязанности искренни.

Я пригласила педагога продолжить встречу наедине в квартире, купленной когда-то папой, муж использовал её для деловых встреч в Петербурге, а, возможно, не только деловых.

Второй раз в жизни «нарывалась» на отказ, но Андрей Александрович согласился.

Открыла дверь, он успел только расстегнуть пальто. Стояли на пороге, обнявшись.

– Теперь я не кажусь вам слишком маленькой? – спросила я.

– А я тебе – стареньким? – печально пошутил он.

Отключили телефоны. Ночь, день, ночь. Волшебство не может длиться долго.

О чём думаю, живя в другой стране? О Питере, Саньке, постаревших ребятах из кружка, объединённых личностью преподавателя и любовью к городу, истории, искусству.

Для меня Андрей Александрович – самый понятный человек, вместе с тем, загадочный и, незабываемо, нежный. Представляю его, с недавнего времени, профессора, в аудитории перед студентами со сверкающими от внутреннего огня глазами, увлекающего и увлекающегося.

Страх сжимает сердце от мысли, сколько студенток окружает его.

Вспоминаю нереальную картину: учитель в элитном махровом халате моего мужа, сидит, нога на ногу, в кожаном кресле, я, напротив, на диване, вокруг туловища обёрнуто полотенце. Руки в перстнях и браслетах что-то объясняют ему, доказывают, оправдываются.

В дорогих глазах – насмешливая грусть.

«Но власть над ближними её так грозно съела...», – слышу неизвестные прежде строки.

Я запомнила их и нашла в интернете.

Стихотворение поэта Луговского начинается словами:

«Нет, та, которую я знал, не существует».

Ими же и заканчивается.

Означает ли это, что встреча наша было последней?

Толпятся в моей голове «взрослые» мысли о достойнейшем мужчине, ни разу, не осквернившем язык матерным словом, но, в то же время, полностью подчинившем близких своим интересам. Не так просто семье существовать на зарплату преподавателя российского ВУЗа, а отпуск проводить в археологических экспедициях. У него, должно быть, хоро-

шая жена. Как объяснил он ей выпадение из жизни на две ночи и один день?

Можно «напрячь» Санька, ребят из кружка, собраться ещё раз, но имею ли я право испытывать чувства дорогого человека, если, конечно, он сам не поставил уже на них точку?

Где ты, моё беззаботное детство? Кто я сейчас? Скучная старая женщина тридцати пяти лет?

Сюрреалисты плакали.

Я первый раз в этом заброшенном месте. Сегодня выпало много снега, и я стою на дороге в детских сапожках с бантиками тугой шнуровки.

Передо мной в десяти метрах стоят две женщины. Обе по колено уже провалились в снег. Одна из них, очень высокая и скрюченная, как рыболовный крючок. Её голос сильно хрипит, как из старого репродуктора. На ней рыжая меховая шапка, закрывающая половину лица. С болотного цвета хари* она совсем не сочетается. На тонких губах тонкая полоска красной помады.

– Дурной день. Нечего не скажешь. Никак не могу привыкнуть, что здесь уже всё по-другому – прошипела она в очередной раз.

Другая дама стоит под ней и выглядит старше. Небольшого роста, с крупной шеей и массивными пальцами на руках. У этой женщины странный взгляд. Живой. Глаза пугливыми волчатами смотрят исподлобья. Огромные черные зрачки синхронно бегают в разные стороны и ищут лазейку. Женщина тяжело дышит. По-видимому, она устала уже от их бесконечной суеты, которой уже не была рада. После очередного неподъемного вдоха она произносила:

– В этом году всё совсем не так. Не так. Где все? Куда все подевались? Что ты всё повторяешь, что ты опять повторя-

ешь одно и то же, одно и то же. Здесь нет, и не было ничего дурного.

– Я не повторяю. Я говорю, что всё дурное вокруг. Посмотри сама. Какое серое небо, какая под снегом грязь.

– Смотрю.

– Видишь?

– Не вижу. Вижу только снег.

Я подошла поближе. От женщин пахло старыми вещами, резкими духами и липкой пылью. Нестерпимо. Когда я начала пробираться к ним через сугробы, мокрые хлопья пролезли в обувь, упали на лицо. Искусали кожу. В руках я несю две огромные металлические кружки без ручек. Сразу появляются ожоги. Одни от снега, другие от кипятка.

– Дамы, не хотите ли по чашечки чая?

– Утром ты видела, какое было дурное солнце? Ты видела? Оно же было чудовищно ленивым. Боже мой, я думала, ему не хватит сил подняться хотя бы до тех гор.

– Нет, не видела.

– Ты хоть что-нибудь видишь, ты видишь своими глупыми глазами хоть что-нибудь?!

– Ну... Не хотите, как хотите.

Я обернулась и пошла назад, по колее своих следов.

– Вам тоже снег надоел? Смотрите, какие на моей шляпе сугробы.

Любимый полковник – старый друг. Он еще в прошлом году вышел из книги Маркеса. Строевым шагом прошел по

страницам, отчитался эпилогу. Аурелиано Буэндиа. Армейская выправка, начищенные новые ботинки, добрый мудрый взгляд. Он был сегодня в шляпе. На широкие фетровые поля падал снег, создавая сугробы. Шляпа медленно опускалась к бровям.

– Немного... Чай будете? – я протянула ему чашку.

– Посмотрите. Сейчас они закончат спорить, и вот увидите, снег растает. Придется нам всем делать лодки. Та дама, что пониже, наверняка, утонет. Вы когда-нибудь строили лодки?

– Еще в детстве делала бумажные кораблики.

– Нет, это не подойдет. Но не беда. Что-нибудь непременно придумаем. А всё-таки она утонет... Приглядитесь... Видите её бегающие глаза? Они не дадут ей спастись. Спасется тот, кто смотрит вперед... Прямо. Остальные, к сожалению, не смогут. У Вас, кажется, был чай?

– Он уже остыл.

– Не беда. Давайте устроим обмен? Вы мне остывший чай, а я Вам тюльпаны. Вот, держите. – Полковник вытащил из внутреннего кармана небольшой букет. Это были три закрытых бутона. Маленькие алые плоды. Они дрожали на тонких зеленых ножках. Обе дамы, заметив цветы, чихнули. Ещё раз и еще.

– Будьте здоровы!

И еще раз.

Полковник цокнул языком. Тюльпаны скрипнули от вет-

ра. Это были те самые молодые тюльпаны, которые касаясь друг друга, ласково поскрипывают. Заскрипели и новые ботинки полковника, и мокрый снег под ногами. Буэндия ушел собирать влажный сахар со дна кружки. Немного хромал. Он здесь с нами с самого начала. Разговаривает всегда тихо. Почти нелюдим. Опрятен и стар. Любимый полковник – старый друг.

Небо сменило за все это время три оттенка. От последнего сиренево-серого стало холоднее. Я повернулась направо. Двое подростков, что стоят сейчас у единственного дерева, поют. Промерзшая лиственница подпеваёт деревянным глухим эхом. Слов не слышно. Никто из них не старается...

– Эй, вы! – крикнули вдалеке. – Я же говорила, что скоро вернусь! – за оврагом показался черный паровоз с поблескивающими бриллиантами на шее. Сапоги с острыми носками уверенно прорезали сугробы и приближались. Дыхание этой машины было такое густое, такое горячее, что пар так и валит из открытого рта, ноздрей. Будто внутри давно уже затопили все печи. И топили по-черному, закладывая все новые и новые сплетни. Наконец, когда все механизмы остановились, передо мной встала красивая женщина лет сорока с туманным взглядом, полным финансовой независимости, зрелости и азарта.

– Ну, что крошки мои, замерзли?

– Сколько мы здесь еще пробудем?

– Не знаю. Там говорят, что машины не будет из-за снега.

Там все ждут чего-то. Не понятно. Столько людей собралось. Все ругаются. И я им объясняла, что мы здесь тоже ждем и что... В общем, нужно ждать. Все ждут...

– Дурной сон мне всё-таки приснился сегодня. Очень много собак в нём было.

– Да замолчи! Какие собаки? Ну, какие собаки? Посмотри на себя...

В небе закричали птицы. Вороны с криком размешали низкое небо и остались ждать сна. Опустившийся купол убаюкал спрятанное некрещеное солнце. Пустошь затихла и уснула.

– Если бы можно было взлететь, Я бы летела вперед, летела над городом, людьми. Сквозь снег, сквозь этот вакуумный островок последней надежды. Что это за место? А может и правда дурной сон. Принять, отпустить... Я взлетела... Всё стало иначе...

Спасется тот, кто смотрит вперед...

Разговор с дьяволом.

1935 год, Москва, диспансер для неизлечимо больных.

Маленькая комнатка, в которой стоял небольшой шкаф, с парой запачканных и ободранных книг. Небольшая дверца, ведущая в санузел, где находился разбитый унитаз, и такая же разбитая раковина. Посередине комнаты висела лампочка на длинном проводе, освещавшая тусклым светом голые стены, пропитанные печалью и грустью. А в одном из углов стояла кровать, на которой лежал мальчик лет девяти и сильно стонал. На его лице были большие капли пота, которые, казалось, вот-вот побегут ручьем вниз. Он тяжело дышал, будто делал это через силу. Пару раз из его уст выскакивали слова: «Где ты мама?», «Приди пожалуйста». Но в ответ тишина, лишь легкий сквозняк, идущий из-под железной двери камеры. Но неожиданно послышался какой-то звук из туалета. Мальчик хотел было встать и посмотреть, что случилось, но сил у него не хватало даже на то, чтобы сдвинуть с себя толстое одеяло, которое, вдобавок к одышке, давило на грудь. Деревянная дверь туалета распахнулась и за ней показался темный силуэт человека. Мальчик пытался привстать и присмотреться в темноту, но жар не давал этого сделать: все плыло в глазах. Послышались звуки шагов и силуэт постепенно начал приближаться к больничной койке.

– Кто это? – спрашивал мальчик болезненным голосом

Темная фигура остановилась у самого края кровати.

– Я – друг – ответил мужской голос.

– Друг? У меня были друзья, но теперь их нет. Кто вы? Я вас плохо вижу, все расплывается.

Мужской силуэт подошел к мальчику, чтобы тот смог разглядеть его. Когда свет лампочки упал на лицо незнакомца, мальчик взглянул на него.

– Что у вас с глазами? Почему они такие красные?

– Я тоже болею, только моя болезнь куда хуже – легко ответил мужчина и сел на кровать, рядом с еле дышащим телом мальчишки.

– А что у вас за болезнь? У меня менингит, врачи так говорят, поэтому лучше вам не сидеть рядом со мной, а то заразитесь – с небольшой силой в голосе сказал мальчик.

– Не переживай, со мной все будет хорошо. Где твоя мама? Слышал ты звал её – продолжил мужчина.

– Наверное дома, её не пускают, потому что я заразный. Ко мне вообще никто не приходит, лишь раз в день заходят врачи, дают какие-то лекарства и уходят, даже не разговаривают. А когда я спрашиваю скоро ли поправлюсь, лишь смотрят и кивают головой.

– Думаю, ты выздоровеешь – Мужчина ненадолго замолчал

– Я тоже очень надеюсь на это.

– У тебя есть какая-нибудь заветная мечта, то, чего ты очень сильно хочешь?

– Да... Я, конечно, понимаю, что это странно, но мне очень хотелось бы побывать на красивом травянистом лугу. Почувствовать прохладный ветер и запах молодой травы.

– Это хорошая мечта, я уверен, она обязательно сбудется. А знаешь чего я хочу? – спросил незнакомец

– Чего?

– Хочу помогать людям в их тяжёлых ситуациях, однако, редко кто принимает мою помощь.

– А почему? – интересовался мальчик.

– Вероятно, они боятся, не хотят верить в то, что их ждет, думают, что смогут избежать судьбы. Поэтому я прихожу только к тем, кто действительно этого заслуживает.

– Получается, я заслужил?

– Верно, позволь поинтересоваться, что бы ты хотел сделать первым, когда поправишься? – спокойно спросил он.

– Увидеть маму, обнять, сказать, как сильно соскучился по ней. Поиграть с братом в футбол.

Мужчина улыбнулся, встав с койки, он протянул правую руку ко лбу мальчика.

«Молодец, не часто я вижу таких сильных как ты, обещаю ты получишь то, чего хочешь».

После этих слов, в комнате ненадолго погас свет, а когда снова включился, никого уже не было, кроме мальчика, который спал на кровати.

Это был небольшой луг, на котором разливалась душистая, зелёная трава. Её запах разносился на несколько со-

тен метров. Рядом пролежала небольшая журчащая речушка. Мальчик весело играл со своим братом в футбол, радостно пиная мяч в разные стороны. На лице его расцветала улыбка. Недалеко от места игры, лежало большое покрывало, на котором сидела мама ребят и что-то доставала из корзинки. Когда все было выложено, она крикнула: «Витя, Миша идите кушать, я сделала ваши любимые бутерброды». Мальчики весело и радостно побежали на зов матери. Витя, как только прибежал, быстро лег на покрывало и сразу бросился есть, приготовленное лакомство, а Миша аккуратно подошел к маме и обнял её так сильно, как не обнимал никогда. «Мамочка, я очень тебя люблю, спасибо, что ты есть». Когда Миша прижимался к матери, он увидел знакомый силуэт мужчины, стоящего далеко позади. Тот помахал ему рукой, а Миша радостно крикнул ему в ответ: «Спасибо!»

За железной дверью послышался звук отпирания замка. В комнату зашли двое врачей. Один из них подошёл к мальчику. Он нагнулся к нему, чтобы дать лекарства, но обнаружил ужасное, а затем медленно произнес: «Доктор, он не дышит». Другой врач посмотрел на помощника и сказал: «Ещё одна смерть от этой ужасной болезни, сообщите об этом его матери, скажите, что мы не справились...».

В тот день мать мальчика рыдала без остановки, она молила Бога о помощи, кричала, за что ей все это. Закончилось все, когда она уснула. Лишь во сне она получила то умиротворение, которое хотела получить днем. Ей приснился сон,

в котором она и её двое маленьких сыновей на каком-то лугу счастливо проводят время и где её умерший сын говорит о том, как он её любит...

Про воробьев.

Болезнь – это всегда плохо. А зимой болеть – последнее дело. И так-то холодно, а тут ещё из носа течёт, и настроение противное.

Илья сидел в толстом свитере за столом и смотрел в окно. Вообще-то он должен был лежать в постели и пить чай, но контролировать, как Илюша болеет, было некому. Родители ушли на работу, а бабушка была в больнице, у неё своих болезней хватало и без илюхиных.

Нет, сначала он, как и обещал, валялся в кровати, читал книжку и сморкался в платок. Но потом насморк закончился, и книжка тоже. Илья смотрел некоторое время в потолок и решил попить чай с малиновым вареньем. Он оделся, натянул на себя папин свитер, чтобы пропотеть. Налил чай, наложил варенье в блюдце, сел за стол и стал смотреть в окно, ожидая, пока чай остынет.

За окном красовался зимний город. С крыш свисали сосульки и языки снега. Деревья тоже были в снегу. А внизу по серым тротуарам спешили по своим делам люди: кто на работу, кто домой. Напротив окна висели провода, на которых в несколько рядов сидели воробьи и смотрели на Илью. Или ему казалось, что смотрели.

Илья подвинул к себе кружку с чаем и блюдце с вареньем. Попробовал чай: горячий, но пить уже можно не обжигаясь.

Илья зачерпнул ложкой варенье и положил его в рот. Посмотрел в окно. Воробьёв на проводах уже не было. Они носились между деревьев и столбов, шарахаясь из стороны в сторону живым облаком.

– Дерутся что ли, – пробормотал Илья, проглотив чай с вареньем.

В животе стало тепло. И болевшее до этого горло успокоилось.

И тут Илья увидел, что воробьи гоняют какую-то жёлтую птицу.

«Синица», – догадался Илья.

Она по размерам была раза в полтора-два больше любого из воробьёв, но те нападали стаей, и синичке приходилось несладко.

– Нечестно! – закричал Илья, вскочив со стула и чуть не пролив остывающий чай. – Группой на одного – это нечестно.

Синичка, словно услышав крики мальчика, внезапно увернулась от нападавших, сделав крутой вираж, и приземлилась на карнизе окна Ильи.

Перья у неё были растрёпаны, жёлтое маленькое тело дрожало то ли от холода, то ли от страха, а взгляд маленьких глаз-бусинок казался загнанным.

Воробьи внезапно успокоились и вновь расселись на проводах напротив окна Ильи.

Синичка обернулась, постучала клювом в стекло. Воро-

бы все так же сидели на проводах и смотрели на окно. Они даже не чирикали. Это было необычно и странно.

Илье было запрещено открывать окно. Шестой этаж. Родители строго-настрого запретили даже дотрагиваться до оконных ручек. Но за стеклом дрожала синичка.

– Я только открою немного и тут же закрою, – сказал сам себе Илья. – На десять сантиметров. Только чтобы птицу выпустить. Выглядывать и свешиваться с подоконника не буду. Я же не маленький какой-нибудь.

Илья залез на стул, повернул ручку, и окно открылось. От сквозняка створка отворилась резко и не на 10 сантиметров, а чуть ли не на целый метр. Илья пошатнулся, но удержался. Присел и захлопнул коварное окно. Повернул ручку.

Выглянул на улицу. На карнизе никого не было. Лишь напротив сидели воробьи и смотрела на окно.

Илья оглянулся. Синичка сидела на краешке стола и как ни в чём не бывало чистила перья.

– Шустрая, – похвалил её Илья, – быстро залетела.

– Спасибо за комплимент, – ответила синичка, – и спасибо, что спас от воробьёв.

– Пожалуйста, – ответил Илья на автомате, и вдруг спохватился. – Стоп. Я с птицей разговариваю? Этого не может быть. У меня, наверное, температура поднялась.

– Болеешь? – поинтересовалась синичка.

– Грипп, – ответил Илья. – Вот, вареньем лечусь и горячим чаем.

– При гриппе не бывает галлюцинаций, – авторитетно заявила синичка, – только температура и головная боль.

– А почему ты тогда разговариваешь со мной? – удивился Илья. – Если мне это не мерещится, это значит ты умеешь разговаривать на человеческом языке. Разве такое бывает?

– Бывает, – синичка приблизилась к блюдцу и попробовала варенье. – Я раньше была человеком, девочкой. А сейчас вот синичкой стала. А варенье у тебя отличное.

– Бабушка делала, – пробормотал ошарашенный Илья. – А как же ты в синицу-то превратилась?

– А вот так, – синичка ещё раз клюнула бабушкиного варенья. – Погляди в окно. Что ты там видишь?

Илья посмотрел сквозь прозрачное стекло. За ним всё было то же самое: снег на крышах, спешащие люди внизу и воробы, сидящие ровными рядками на проводах.

– Ты как будто в другом мире живёшь, – продолжила синичка. – Весь город увешан объявлениями о пропаже детей. На каждом столбе висят бумажки с фотографиями.

– Да, – сказал Илья, – видел я эти бумажки. И у нас в классе два мальчика пропали. И в параллельном классе девочка исчезла. Не могут найти. Родители их приходили в школу. И полицейские тоже. Спрашивали у нас, где последний раз их видели, и были ли у них неприятности. И в лесу около города их искали. На автобусах приезжали и ходили по лесу. Никого не нашли.

– Не там ищут, – вздохнула Синичка. – Все дети в городе,

а не в лесу. Все тут.

– Где тут? – почему-то шёпотом спросил Илья.

– В окно выгляни, – посоветовала Синичка. – Кого там видишь?

– Воробьёв, – выглянув в окно, ответил Илья. – Сидят и на нас смотрят.

И тут до него дошло.

– То есть эти воробьи и есть пропавшие дети?! – воскликнул Илья.

– А ты догадливый, – усмехнулась Синичка. – Не прошло и получаса, как догадался.

– Но как же так? – помотал головой Илья. – Это же невозможно. Такого не бывает.

– То, что я превратилась в синицу, тебя не удивило, – опять усмехнулась синичка. – А то, что детей в воробьёв Вокрус превратил, это тебя удивляет? Ты бы штору задвинул, чтобы эти воробушки на нас не пялились и чай бы новый заварил, а то твой остыл уже.

– Кто такой Вокрус? – спросил Илья.

– Чай заваривай, – распорядилась синичка, – и лимон в него брось. Есть лимон в доме?

– Есть, в холодильнике, – отрапортовал Илья.

– Действуй, – сказала синичка, – в лимоне полно витамина С. Он при гриппе в первую очередь нужен. А я тебе пока расскажу то, что знаю.

Илья залез в холодильник. Нашёл желто-зеленый лимон и

отрезал от него ломтик. Затем вскипятил воду, налил себе в кружку чай и, прихлёбывая горячий напиток, принялся слушать синичку.

А та, прохаживаясь по столу на своих тонких лапках, поведала Илье совсем не обычные вещи.

Дети в городе не пропадали. Их превращали в воробьёв. И делал это простой и безобидный на первый взгляд старичок, который целыми днями сидел на центральной площади. Он жил неподалеку, в угловой квартире на последнем этаже сталинского дома, располагавшегося напротив памятника. Этот монумент стоял в городе уже очень давно. Он был покрашен в белый цвет и изображал мужчину с небольшой бородкой и в пиджаке. Мужчина протягивал правую руку вдаль, показывая указательным пальцем прямо на окна старичка.

– Я знаю его, – перебил синичку Илья. – Он на скамейке сидит постоянно и кормит птиц крошками. У него всегда с собой пакет с засохшими белыми булками. На него дворник ругался, что он из-за птиц антисанитарию разводит.

– Да, – кивнула своей жёлтой головкой синичка. – А ты обратил внимание, каких птиц он кормит?

– Нет, – ответил Илья, – не обратил. Хотя, мне показалось странным, что вокруг него нет голубей. Обычно голуби на дармовщинку слетаются.

– Вооооот, – синичка аж подпрыгнула от волнения, – он кормит только воробьёв. Одних воробьёв. Ни голубей, ни перепёлок. Только воробьёв.

– А почему? – задал очередной вопрос Илья.

– Потому что это его армия, – понизив голос, ответила Синичка. – Потому что все воробьи в городе подчиняются этому на первый взгляд безобидному старичку.

– А зачем воробьиная армия? – опять спросил Илья.

– Как зачем? – опять повысила голос синичка. – Он хочет напасть на другую воробьиную армию.

– А у нас сколько воробьиных армий? – поинтересовался Илья.

– У нас одна, – терпеливо начала объяснять синичка, – и принадлежит она Вокрусу. Так этого старичка зовут. Но в других городах тоже живут вот такие старики, и у каждого своя армия. В соседнем городе – Феннел. Чуть дальше, в большом городе – Джов. Далеко-далеко, за горами – Чин Ян, у него самая большая армия. Это только те, про которых я знаю.

– С ума сойти, – покачал головой Илья. – И что, никто про этих злых волшебников ничего не знает и сделать ничего не может?

– Знают, – вздохнула синичка, – но боятся. Воробьиная армия хоть и воробьиная, но армия. Заключают, если против Вокруса пойдёшь.

– Всё, я чай попил, – заявил Илья, – и начал потеть.

– В постель, – скомандовала синичка, – лежать и лечиться.

Ты мне нужен сильный и здоровый.

– Зачем это я тебе нужен здоровый? – спросил Илья, за-

лезая под одеяло.

– Как зачем? – удивилась синичка. – По преданию Вокрусса может победить мальчик, который понимает птичий язык. А ты понимаешь птичий язык. Значит именно ты тот, кто победит Вокрусса.

– А может просто полицию вызвать? – предложил Илья, засыпая. – Пусть они арестуют этого Вокрусса, и всё. Им за это зарплату платят.

– Да за что его арестовывать? – возмутилась Синичка. – Он же с виду обычный старик, который сидит на скамейке. Ничего криминального нет. Он даже правила дорожного движения ни разу не нарушал.

Но Илья уже не слышал Синичку. Он спал. Ему снился огромный туннель, как в метро. Наверху горели лампочки. Вдоль стен туннеля висели провода, а на них сидели воробьи. Много воробьёв. Они смотрели на Илью. А он шёл по тоннелю и думал: «Надо их как-то отсюда выводить на свежий воздух. В туннеле сыро и летать негде».

Проснулся Илья лишь на следующее утро и обнаружил, что лежит под новым, чистым одеялом и чувствует себя совсем выздоровевшим.

Рядом с кроватью сидела бабушка.

– Как ты? – спросила она внука. – Мама сказала, что ты всю ночь потел. Мокрый был. Сейчас вроде температура нормальная.

– Я чай с вареньем и лимоном пил, – сознался Илья, –

вот и выздоровел. Хорошо себя чувствую. Только пить очень хочется.

– Вот тебе морс из клюквы, – бабушка протянула Илье кружку с тёплым напитком, – попей. Но не вставай. Ты ещё слабенький. А выздоровел или нет, это доктор скажет. Так что лежи, я тебе пока завтрак сделаю.

И бабушка ушла на кухню.

Илья встал с кровати и осмотрелся по сторонам. Синички нигде не было.

– Приснилась, – сам себе сказал Илья.

Он сходил в туалет. Почистил зубы. Позавтракал. После этого бабушка уложила Илью обратно в постель.

– За один день не выздоравливают, – сказала она. – У тебя ещё вчера температура была. Лежи и набирайся сил. Ты должен быть здоровым и сильным.

– Где-то я это уже слышал, – проворчал Илья, залезая под одеяло. – Книжку-то можно почитать?

– Можно, – разрешила бабушка, – и даже нужно. А я пока пойду сериал посмотрю. Если что надо будет, зови.

И бабушка ушла к телевизору.

Илья развернул книжку, но не успел прочитать и пары строк, как кто-то маленький и пушистый приземлился на спинку его кровати.

– Ой, – сказал Илья, – а я думал, что ты мне приснилась.

– Нет, – ответила синичка, – не приснилась. У тебя что-нибудь покушать есть? И попить. Я чуть в голодный обморок

не свалилась, пока ты спал.

– Попить есть, морс, – сказал Илья. – А поесть я могу из кухни принести. Хлебушка. Пока бабушка сериал смотрит.

– Давай, неси, – чирикнула синичка и принялась глотать морс из илюшиного стакана.

Мальчик прокрался на кухню, отрезал ломоть хлеба. Подумал немного и залез в холодильник, из которого извлёк кусок колбасы. Отрезал от нее ломоть и сделал вполне симпатичный бутерброд.

Бутерброд Илье пришлось съесть самому. Синичка поклевала хлебушек с края и сказала, что наелась.

– Что будем делать? – спросил её Илья, доев бутерброд. – Температуры у меня уже нет. Осталось набраться сил.

– Вот и будешь набираться сил, – скомандовала синичка. – Дня два-три на это уйдёт. А я пока у тебя на шкафу посижу. Ты, главное, про воду и хлеб для меня не забывай. И это... Грязновато у тебя на шкафу. Ты потом там вытри.

– Хорошо, – вздохнул Илья вернулся в кровать, чтобы набраться сил.

Три дня и две ночи мальчик восстанавливался. Температура больше не возвращалась, а силы прибывали. И наконец родители вынесли вердикт – здоров.

Всё это время синичка жила у Ильи в комнате, на шкафу. Туда он ей закидывал хлеб и ставил воду в блюдечке, а потом убирал оставшиеся крошки и небольшие комочки помёта. Синичка в это время смотрела куда-то в сторону и молчала.

«Стесняется», – догадался Илья.

В день, когда Илью признали окончательно выздоровевшим, к нему опять пришла бабушка.

– Я хочу на свежий воздух, – заявил Илья, – я уже выздоровел. А для здоровых людей нужны прогулки на свежем воздухе.

– Пускай прогуляется, – разрешил папа, – а то залежался. Проветриться надо.

– Но только в дворе, – добавила мама.

– И одеться надо тепло, – вставила своё слово бабушка.

Илья вздохнул и пошёл одеваться. Долго думал, куда спрятать синичку, но она сама ему помогла: юркнула в карман зимнего пальто, поворочалась там и замерла.

– Дальше двора не выходить, – строго сказала мама.

– И недолго, минут двадцать максимум, – добавил папа.

– Хорошо, – ответил Илья и вышел из квартиры.

В лифте он вытащил синичку из кармана.

– Поехали во двор, – сказал он ей.

– Нет, – ответила синичка, устраиваясь у Ильи на плече, – нажимай на последний этаж. Нам чердак нужен.

Илья послушно нажал на последнюю кнопку. Лифт заурчал и медленно поехал вверх.

На последнем этаже было тихо и пыльно. Илья увидел перед собой две одинаковые двери с огромными глазками, похожими на глаза сторожевого пса. За углом лифта располагалась лестница, которая вела наверх и заканчивалась желез-

ной дверью без глазка.

– Ключ вон в том закутке, на гвоздике, – подсказала синичка. – Открывай.

Илья просунул руку за какую-то балку около двери, нащупал висящий на гвозде ключ, снял его и вставил в замок. Дверь открылась на удивление легко и беззвучно. Мальчик шагнул внутрь.

Технический этаж был низким: расстояние между полом и полотком было от силы метра полтора. Здесь пахло пылью и сыростью и было так же холодно, как на улице.

Синичка взмахнула крыльями и скрылась в полумраке этажа. Оглядевшись, Илья заметил на стене выключатель и щёлкнул им. На стенах зажглись несколько лампочек.

– Сюда, сюда, – позвала синичка откуда-то из другого конца этажа, – тебя тут уже ждут.

Илья прошёл вперёд несколько десятков шагов и очутился на небольшой площадке. Со всех сторон висели бельевые верёвки. Судя по всему, кто-то летом тут сушил бельё.

На верёвках сидели воробьи. Два или три десятка. А между ними расположилась синичка.

– Здравствуйте, – сказал Илья.

– Здравствуй, – вразнобой прочирикали воробьи.

И замолчали, глядя своими глазами-бусинками на Илью.

– Да, это он, – нарушил молчание один из воробьёв, сидящий по правое крыло от синички, – тот, кто понимает наш язык, и кто может свергнуть Вокруса.

– Расколдовать детей, – скромно поправила воробья синичка.

– Это как получится, – почему-то рассердился воробей. – Главное – это свергнуть тирана. Ты вообще в курсе, чем он своих воробьёв кормит? Не обращал внимания?

– Хлебом, по-моему, – несмело ответил Илья. – Я видел, что он из пакета что-то достаёт и кидает птичкам.

– «Что-то достаёт», – передразнил Илью воробей. – Это «что-то» – плесневелые и засохшие крошки. И мусор разный. Это есть невозможно. Не то что у нас в городе. У нас всегда свежий хлеб, горячий, прям из печи. И каждый воробей получает в день по 200 грамм. А по праздникам ещё и орехи с семечками дают. Вот.

– Так вы не из нашего города? – удивился Илья.

– Не из вашего, – ответил воробей. – Синичка, ты ему разве не сказала?

– Не успела, – ответила синичка, – за мной гнались. А потом я у Ильи в комнате пряталась. А у него, между прочим, родители и бабушка.

– Подождите, – поднял руку Илья, – а в вашем городе разве нет своего Вокруса? Ведь если есть воробьи, то обязательно есть тот, кто у них главный.

– Вокруса у нас нет, – ответил воробей, – у нас Джов. Он когда-то был братом Вокруса, но потом они поругались по идеологическим причинам. Джов умный и милосердный. Он кормит своих воробьёв тёплыми булками и отборным зер-

ном, а по выходным семечки даёт.

– Про булки и семечки я слышал, – перебил воробья Илья. – Раз так у вас хорошо, почему вы в наш город прилетели? И почему именно ко мне?

– Так мы же хотим, чтобы всем воробьям во всём мире хорошо было, как и нам, – закричал воробей. – Мы хотим, чтобы все воробьи радовались жизни, а не только из нашего города.

– А превратить воробьёв обратно в детей вы не хотите? – опять вмешалась в разговор синичка.

– Обратно? – засмеялся воробей. – Да кто же захочет обратно? Пожив воробьём, обратно мало кто захочет. У свободных людей тяжёлая жизнь: надо отвечать за свои поступки, зарабатывать деньги, учиться, заботиться о других. А у воробьёв спокойная жизнь: ничего не делай, только поддерживай своего хозяина, он за тебя всё решает. Нет, обратно мало кто захочет стать.

– Понятно, – вздохнул Илья, – но вы не ответили на мой вопрос. Почему именно я? Почему вы прилетели в наш город?

– Потому что ты понимаешь язык птиц, – сказал воробей. – А по преданию тот, кто понимает наш язык, может победить любого волшебника. Когда волшебник произносит заклинание, у тебя есть минута или несколько секунд, чтобы запомнить его и тут же повторить. И тогда своим заклинанием ты разрушишь чары волшебника.

– А попроще можно? – попросил Илья. – Что мне надо сделать?

– Тебе надо подойти к волшебнику, – вздохнул воробей, – и когда тот будет превращать тебя в воробья, произнести заклинание и превратить волшебника в воробья. Или в ворону.

– И всё? – удивился Илья.

– И всё, – подтвердил воробей.

– Ну тогда я пошёл, – сказал Илья и повернулся, чтобы уйти.

– Куда? – встрепенулась синичка.

– С Вокрусом сражаться, – пожал плечами Илья. – А чего ждать?

– Преврати его в ворону, – воробей начал летать кругами вокруг Ильи, рискуя врезаться в стены, – или в мышку. Во что-то противное его преврати. А наш милосердный Джов за это разрешит тебе быть главным в этом городе. Главным над воробьями. Ох мы и заживём: булки с маком на завтрак, на обед булки с изюмом – красота.

– Погоди, – вместе с воробьём закружилась в тесном помещении синичка, – прям так сразу? Может надо подготовиться: переждать, разработать план? Ты же не на прогулку идёшь, а подвиг совершать.

– А чего готовиться? – пожал плечами Илья. – Я и так три дня набирался сил. К подвигам не готовятся, их просто совершают.

– Правильно, правильно, – воробей наконец-то нашёл се-

бе место, усевшись на выступе у двери, – пойди и преврати его в муху. И станешь главным, а я буду твоим помощником. Заместителем твоим буду.

– А может я не хочу быть главным, – Илья остановился на пороге, глядя на сидящего перед ним воробья. – Зачем мне быть главным? У нас папа в семье главный.

– Как? – воробей аж поперхнулся от неожиданности. – Все хотят быть главными. Все хотят ничего не делать, и чтобы их все слушались.

– Пряма все-все-все? – с ехидцей спросил Илья.

– Все, – чирикнул воробей и насупился. – Дети же сами к Вокрусу приходят. Никто их насильно к нему не ведёт.

– Я тебя одного никуда не пушу, – завила синичка, усевшись рядом с воробьём, – вместе с тобой полечу сражаться.

– Нет, ты останешься тут, в безопасности, – сказал Илья, – а потом прилетишь.

– Нет, – повторила синичка, – я с тобой. Я тебя одного не пушу.

– Хорошо, – вздохнул Илья, – тогда у тебя будет простое задание: когда я начну говорить с Вокрусом, ты должна летать вокруг меня и кричать, что я предатель.

Синичка кивнула и перелетела Илье на плечо.

– А мне что делать? – спросил воробей.

– А ты лети в свой город, – подумав, сказал Илья. – Там тебя булочки с маком ждут. А с Вокрусом мы свои внутренние дела сами решим. Вас они не касаются.

Илья вышел из чердака, оставив воробья сидеть с открытым клювом.

Мальчик спустился во двор. На улице ярко светило солнце, и было как-то нарядно и весело. Прохожие всё также спешили куда-то. На горке катались дети. Синичка вспорхнула с плеча Ильи и скрылась за ветками деревьев.

Илье внезапно захотелось домой. Его тянуло подняться обратно в свою квартиру, к маме, папе и бабушке. Но он вздохнул и пошёл в сторону площади.

У памятника Илья оказался через десять минут. За монументом на скамейке сидел старик. Рядом с ним стоял пакет с корками хлеба. Чуть поодаль на спинках других скамеек ровными рядками сидели воробьи.

– Здравствуйте, господин Вокрус, – сказал Илья.

– Здравствуй, Илюша, здравствуй, – рассмеялся Вокрус. – А я тебя всё жду и жду. Думаю, когда наш герой придёт со мной сражаться?

Голос у Вокруса был мягкий, обволакивающий. Почти детский.

– Я не сражаться пришёл, – ответил Илья. – У меня к вам деловое предложение.

– Ох ты, – удивился старик, – такой маленький, а такие умные слова знает. И какое у тебя предложение?

– Понимаете, – продолжил Илья, – мне про Вас всё рассказали. И про меня всё рассказали. То есть я всё знаю. И мне не нравится, что надо с Вами сражаться и жить по зако-

нам другого волшебника.

– От Джова кто-то прилетал? – перебил Илью Вокрус.

– Да, был тут один воробей, – ответил Илья, – предлагал булки с маком и орешки по праздникам.

– И ты согласился? – прищурил глаза Вокрус.

– Нет, – сказал Илья, – я и так булки с маком получу. Но не от него, а от Вас. Зачем мне быть предателем, когда Вы мне то же самое можете дать. Просто Вы назначьте меня своим заместителем, и всё. Я не буду ничего делать и жить в своё удовольствие.

– Предатель, предатель, – над Ильёй закружила синичка.

Илья отмахнулся от неё, попав варежкой прямо по маленькой птичке. Синичка от удара отлетела в сугроб и затихла.

– А вот она где, – закричал старик, – сейчас мы с ней разберёмся.

– Потом, – твёрдо сказал Илья, – потом с этим куском жёлтых перьев разбираться будете. Сейчас я хочу стать Вашим замом. Превратите меня в главного воробья или в сокола, чтобы меня все боялись.

– Ты не хочешь быть ребёнком? – спросил Вокрус. – Не хочешь быть маленьким мальчиком?

– Не хочу, – ответил Илья. – Мальчику надо постоянно учить уроки, убираться у себя в комнате, слушать старших. Надоело мне всё это. Хочу быть главным и ничего не делать.

Вокрус встал, подошёл к Илье и не мигая впился своими

маленькими чёрными глазами в глаза мальчика. Илья с трудом выдержал взгляд волшебника.

– Говоришь, хочешь быть главным и ничего не делать? – почти шёпотом спросил Вокрус.

– Да, – сглотнув, ответил Илья.

– Тогда становись главным воробьём и моим заместителем, – улыбнулся Вокрус, – фокус-покус.

– Фокус-покус – это и есть заклинание? – удивился Илья.

– Всё гениальное просто, – засмеялся Вокрус. – Сейчас ты превратишься в самого важного воробья, который был в этом городе. Сейчас.

– Нет, – вдруг твёрдо сказал Илья, – я не буду ни в кого превращаться. Я отменяю твоё колдовство. А вместо него все дети вернуться в свои семьи. Все те, кого ты превратил в воробьёв. Фокус-покус.

Вокрус покраснел и закашлялся.

– Ты обманул меня, мерзкий мальчишка, – зашипел он, – ты обманул меня.

На мгновение все звуки в городе замерли. Стало тихо-тихо. Не было слышно даже машин.

– Леночка, – вдруг раздался женский крик, – Леночка, девочка моя.

И сразу же мир вокруг зашумел. Взрослые бегали по площади в поисках своих детей, а дети бежали навстречу родителям. Вся площадь оказалась заполненной детьми и их родственниками.

Илья отвернулся от Вокруса и сделал шаг к сугробу, в котором сидела и улыбалась девочка в жёлтой зимней куртке. Илья протянул ей руку и помог выбраться из сугроба.

– Никогда бы не подумала, что хорошие дела можно делать при помощи обмана, – весело сказала она. – Ты просто герой.

– Да какой я герой? – засмутился Илья. – Просто проявил хитрость. И ты мне помогла.

– Герой, герой, – девочка обняла Илью и даже хотела поцеловать в щёку, но в последний момент передумала. – Проводишь меня домой? Мама, наверное, с ума сходит. Я недалеко от тебя живу, на соседней улице.

И дети пошли через площадь, полную счастливых людей. Уже перейдя улицу, Илья оглянулся. Вокрус сгорбившись сидел на своей скамейке и кормил нескольких воробьёв крошками из своего пакета.

– Мне кажется, он опять набирает себе армию, – сказал Илья.

– Надо было его в муху превратить, – ответила девочка. – Он не успокоится. И всегда найдутся дети, которые будут согласны стать серыми воробьями Вокруса.

– Не надо, – махнул рукой Илья, – мы теперь знаем, что кто он, и сможем помешать ему. Пошли лучше домой. Тебя мама ждёт.

И они побежали наискосок через двор, взявшись за руки.

Лагерь страданий.

31. 05. 1956 г. Город Архангельск. В детстве, когда мне было лет 8, я всегда думал, что летний лагерь-это сказка. Там всегда весело, много новых людей, с которыми можно подружиться. Я не бывал в лагерях до своего 12-тилетия. Я помню, как сейчас, как будто это было вчера. Июнь, на улице так жарко, словно солнце приблизилось к земле, да так, что листва на деревьях вот-вот начнёт загораться. Я сидел дома, дожидаясь прихода мамы с работы и радуясь, что отдохну от мной так ненавистной школы, ведь впереди целое лето. Мама с работы пришла рано, где-то в 2 или 3 часа дня. Я, как только слышал поворот ключа в замке входной двери, всегда бежал встречать маму с работы, помогал с пакетами, расспрашивал о том, как прошёл день, ведь больше некому было. Папы у меня не было, он умер ещё до моего рождения, покончив жизнь самоубийством, как рассказывала мне мама. Братьев и сестёр у меня не было. Всё внимание и забота от мамы получал я, ведь ей на тот момент было уже около 40 лет, некогда было уже искать мужа, да и работа была трудная, времени не хватало ни на что. В тот день она отпросилась уйти с работы пораньше, чтобы успеть собрать меня в детский летний лагерь. Как только мама зашла домой я, как всегда взял у неё из руки пакеты с покупками. Они были такими тяжёлыми, что я даже не смог дотащить их до кухни. "Мама, а

почему они такие тяжёлые? Как ты их сама дотащила, ты что супермен? " – с недоумеванием и восхищением спросил я. "Нет, Виталик, я не супермен. В пакетах много еды, а так же вещи тебе в дорогу, ведь завтра ты отправляешься в летний лагерь, аж до июля месяца"-радостно ответила мама. "Правда? Я никогда не был в лагере, а вдруг там страшно? Вдруг я там кому-нибудь не понравлюсь? Я не хочу туда ехать, мама, мне страшно", "Не бойся, сынок, тебя никто там не обидит. Там будут такие же детки, как и ты". Я был очень рад, ведь мама не часто водила меня куда-либо, да оно и понятно, ведь все дела по дому и я были всегда на ней. "Хорошо, мамочка, я поеду, но обещай мне, что будешь меня навещать, договорились? ", " Конечно буду, солнышко. Я буду по выходным к тебе приезжать и привозить вкусности, хорошо? ". "Хорошо, а что мне нужно в этот лагерь? "-с недоумением спросил я. "Ничего, Виталик, я уже всё собрала и купила, завтра в 8 утра нам надо быть на остановке, откуда тебя заберёт автобус и привезёт в лагерь"-спокойным голосом ответила мама. Утром мы приехали на остановку, где и правда стоял автобус, который был полностью забит детьми разных возрастов, и я чувствовал себя в нём... уютно. Когда он начал трогаться, мама начала махать мне ручкой. Она махала и махала, а я, чуть-чуть помахая, перестал, так как боялся опозориться перед сверстниками, мол "Посмотрите, ему уже 12, а он всё с мамкой носится и махает, стыдоба-то какая". Эх... За тот момент мне всю оставшуюся жизнь было и будет стыдно,

ведь кто знал, чем это всё закончится...

01. 06. 1956 г. Пригород Архангельска. Дорога была долгой. Казалось, будто мы уехали за 1000 километров, а вдалеке всё так же виднелись одни деревья и дорога. Наконец-то мы приехали. Я был вне себя от счастья, когда увидел всю прелесть природы вокруг себя. Там было так красиво, не описать словами. Выйдя из автобуса, я увидел простоту и красоту в одном флаконе. На земле стояли обычные палатки, которые были украшены листиками самых разных цветов, а на каждой палатке вожатых были навешаны кресты. Мне тогда не показалось это ни сколочко странным, а даже наоборот, красивым и живописным. Вокруг этих палаток был непроглядный лес, в котором очень сладко пели птицы. Не знаю, почему мне так там понравилось. Наверное, для 12-ти летнего ребёнка, который ни разу не был за городом, это всё казалось... необыкновенным, странным и в тоже время привлекающим, манящим к себе своей красотой. Меня поселили в палатку с краю от лагеря. Со мной был ещё 1 ребёнок в этой палатке, но он был каким-то странным. Он не хотел ни с кем разговаривать, вещи свои сложил отдельно ото всех, к тому же у него в кармане всегда был откидной ножик, про который не знали вожатые.

Пока мы все заселялись в палатки, раскладывали свои вещи и знакомились, вожатые строили планы на то, как будет проходить наш отдых. Так незаметно для всех пролетел первый день в лагере.

День второй, время-6:00. Меня разбудил мой вожатый, Кондратьев Константин Сергеевич. В лагерях, как известно, очень много детей, поэтому вожатые набирают группы детей, так называемые "отряды". В отряде Константина Сергеевича было всего лишь 20 человек, включая меня. Он не особо любил сюсюкаться и церемониться с детьми, считая, что везде, даже на отдыхе должна присутствовать дисциплина. Наш день начался с зарядки, которую лично я никогда не делал, потому что любил по – больше поспать. Мы сделали около 12 упражнений, после чего Константин Сергеевич повёл нас на завтрак, который был, мягко говоря, не очень. Первое, в виде горохового супа, второе в виде картошки с сарделькой и странный на вкус компот, который я никогда не пробовал и не смог допить из-за специфического вкуса. После завтрака мы, под предводительством нашего вожатого, пошли в лес на экскурсию. Она была тоже достаточно странная. Он всегда спрашивал "А что если вы останетесь одни в такой ситуации, что вы будите делать? ". Тех, кто отвечал или хотя бы пытался, он записывал в свой блокнот. Я же не очень понимал, что от меня хотят и в итоге всегда молчал, ожидая и слушая, что скажут другие. Константину Сергеевичу это явно не нравилось. Больше всех любил отвечать Витя, мой сосед по палате. Его было, словно не заткнуть, как будто он готов ко всему, чтобы не случилось. Прошло 3 часа, как мы пошли на экскурсию. Биже к 12 мы только вернулись. С 12 и до 20:00 у нас были всякие игры и викторины, которые мне

были вообще не интересны, потому что они были из разряда "а что если на вас нападёт то, или иное животное? А что если вы окажитесь в той или иной ситуации?" и тому подобное. "Я приехал сюда отдохнуть, расслабиться, а они ещё заставляют меня придумывать всякие выходы? Зачем оно мне надо?" – подумал я. Так пролетел ещё 1 день, который мне не очень понравился.

День третий, время-02:30. Я проснулся, услышав какой-то хруст и приглушённый, еле слышный плач. Всё вокруг было темно, да и к тому же в платке совсем не было дырок, поэтому казалось ещё страшнее. Я, будучи дико напуганным, еле слышно и почти не дыша попытался расстегнуть молнию на входе в палатку. Как только я расстегнул её на половину, меня окутал животный страх, я замер в оцепенении. Перед моими глазами открылась по-настоящему жуткая и в тоже время мерзкая картина: прямо перед палаткой лежала мёртвая туша дикого кабана, которого жадно, и в тоже время со слезами на глазах пожирал мой сосед по палате – Витя. "Что... что происходит? Это... это кабан? В... Витя?" – еле-еле сказал я, задыхаясь и забывая слова на ходу от животного страха. Я смотрел на всё это действие, как он жадно обглаживал лапу вместе с копытом этого бедного животного, и в один момент заметил, что голова этого кабана была прямо напротив входа в нашу палатку. Спросите, почему я так заострил на этом внимание? Из глаза этого кабана виднелся торчащий откидной нож, изредка отблескивающий свет луны от своего

еле видного лезвия. Я медленно переводил взгляд то на Витю, то на нож, и в один "прекрасный" момент понял, что глаза Вити смотрят не в темноту... а на меня. Он перестал жевать, обглаживать кости животного, и просто смотрел на меня, а в его глазах читалась жалость и сострадание, особенно, когда из них текли слёзы. Но вдруг, спустя всего мгновение, слёзы на его глазах пропали, а его взгляд стал пустым. Я понял, что он не хотел убивать этого кабана, что он не владеет собой, и в тот самый момент я понял, что следующим в его меню стану я. И тут-пустота. Я очнулся уже после случившегося... В моей руке был тот откидной ножик, весь в крови, а рядом лежало тело мёртвого Вити, у которого было 5 или 6 ножевых, в грудь. Голова стала дико болеть, и, когда я попытался схватиться за неё, увидел множество укусов на своей правой руке, а так же она была перевязана. Я понял, что кровь на ноже была не только Витина, но и моя. В голове как будто произошёл щелчок, и я всё вспомнил... Когда я понял, что следующим блюдом для Вити стану именно я, наверное, инстинкт самосохранения взял верх над страхом, и я понял, что мне нужно делать. Я резко открыл до конца молнию на палатке и почти дотянулся до ножа, но Витя меня опередил. Он почти было воткнул мне ножик в глаз, но я успел прикрыть его левой рукой, и он проткнул её насквозь, и когда понял, что не убил меня, попытался перегрызть мне шею. Я закрыл её правой рукой, и он начал прогрызать себе путь к моей глотке. Я быстро перевернул руку обратной стороной

ладони в сторону Вити и ударил его что есть мочи в грудь, но у меня сложилось ощущение, что он этого даже не почувствовал. Кровь хлестала с завидной силой и скоростью, и я уже не мог отличить, где его, а где моя. Я повторил свои удары 5 раз, после чего его мёртвое тело упало рядом со мной на землю. Мои раны очень сильно кровоточили, я испугался и стал кричать, звать на помощь, но никого не было... Весь лагерь как будто пропал. После 2 минут непрерывного крика, мой слабенький детский голос просто пропал, сорвался. Я не мог больше издать и звука, только еле слышный хрип. У меня было всего 2 варианта: либо умереть от потери крови, либо разрезать палатку и сделать из неё жгуты и перевязки, так как она была резиновая. Я, ни медля не секунды, стал разрезать её на полоски.

Время-3:12. Я остался совсем один... Из моих ран уже почти не шла кровь. Из лопухов и лоскутов палатки я сделал множество перевязок, чем смог остановить кровотечение. Но теперь... я остался один по – середине леса, без места, чтобы укрыться, а главное-без еды и воды. Знаете, что самое странное во всей этой бредовой истории? Так это то, что наш лагерь находился чуть ли не у самой дороги, а теперь... "Где я? Далеко ли мне до дома? Где вообще теперь мой дом? Неужели я здесь умру?" – уже отчаявшись, подумал я. "Нет! У меня есть нож, полу обглоданный труп кабана и, что самое странное, топор." – подумал я, заметив этот древний инструмент труда прямо в животе кабана. "Что? Быть этого

не может, я же смотрел на Витю прямо через этого кабана, там не мог быть топор! " – меня будто переключило. "Ладно, может я из-за страха его просто не заметил" – я даже немного успокоился. Я сел думать, что же мне делать дальше, и пришёл к выводу, что сначала следует разжечь костёр, так как ночью дико холодно. Но вот беда, ничего не видно, я даже не знаю, сколько сейчас времени. "Ладно, пока что попробую уснуть, а с первыми лучами солнца пойду за дровами" – подумал я, отойдя метров на 10 от трупов Вити и кабана.

Время-08:22. "Господи, да что же так глаза-то светит? Уже утро?" – подумал я, ещё даже не проснувшись. "Что? Почему так сильно болит левая рука?". Я развязал повязку и увидел очень и очень много следов от челюстей, человеческих челюстей, но не мог понять, откуда они. И опять он... щелчок. "Точно, Витя!" – резко вспомнил я. Но когда я повернулся на то место, где лежал Витя и кабан, там было пусто... совсем. Не было ни крови, ни тел, даже вмятин на траве не оказалось. "Что? Но как же так, это не может быть галлюцинацией, ведь следы у меня остались!" – трезво рассудил я. "Ладно, не важно, нужно найти еду, я так голоден". Я встал, отряхнулся от земли и травы и увидел его. Топор, который лежал на земле в 2-ух метрах от меня. Только вот дело в том, что я не доставал его из живота кабана. "Так не бывает... Значит, это точно всё было реально, но где же тогда тела? Неужели их съели дикие животные, а меня даже не тронули? Да ну, бред какой-то" – очень сильно нервничая, думал я.

"Стоп, я уже был здесь! Мы были здесь! Когда мы были на экскурсии вместе с Константином Сергеевичем, мы тут проходили. Боже, тогда я точно знаю, где наш лагерь! Ура" – радостно подумал я, схватил топор и побежал в сторону лагеря.

Время-09:35. Я увидел дым от костра, значит, лагерь был уже близко. Пройдя примерно сто метров, я увидел их. Множество палаток, на некоторых из которых были кресты. "Без сомнения, это он" – чуть ли не слёзно сказал я про себя, радуясь тому, что сейчас мне помогут и всё объяснят. Я подошёл к палаткам, но там было пусто... совсем, никаких признаков того, что в них вообще хоть что-то когда-то было. "Да что здесь происходит!" – с хрипом и еле слышно прошептал я, падая на колени от безысходности. Ладно, надо думать, что теперь делать...

Время-11:01. Спустя некоторое время я стал искать и рубить сухие ветки деревьев, так как знал, что следующую ночь нужно будет развести костёр, иначе я могу замёрзнуть даже в палатке, ведь на мне всего лишь шорты и футболка. Я нарубил хвороста на 5-6 дней вперёд и потихоньку начал носить их в лагерь.

Время-14:06. "Надо что-нибудь поесть, господи, я сейчас умру с голоду" – подумал я под очередной рык моего живота.

Время-14:41. Пройдя не больше расстояние, я увидел маленького волчонка. "А если есть волчонок, значит где-то рядом мама – подумал" – я, осматриваясь по сторонам. Мои догадки подтвердились, через некоторое время к волчонку

прибежала его мама, и они вместе уснули. Я разрывался на части. С одной стороны – маленький волчонок и его мама, семья, которая живёт в этом лесу уже, наверное, довольно давно. А с другой я, 12-летний мальчик, который даже не может понять, что происходит, но просто умирающий от голода. Делать было нечего, всё то время, пока я просто шёл и не наткнулся на эту "семью", другой еды я не видел вообще. "Ладно, ты справишься. Они спят, всё случится быстро и безболезненно" – думал я, подбираясь со спины к взрослой, спящей волчице с топором в руках. Подобравшись на достаточное расстояние, я поднял руку с топором прямо над головой волчицы. "Господи, прости меня" – подумал я, начиная резко опускать руку. Моя рука остановилась... прямо над головой спящей волчицы, когда я увидел, что маленький волчонок очень жалобно смотрит на меня, понимая, что я хочу сделать. У меня как на корню отпало всё желание, что-либо есть, я убрал топор и начал уходить, но, ветка, которую я не заметил, хрустнула у меня под ногой. Я замер в оцепенении, мне даже не хватало смелости повернуться, чтобы посмотреть, проснулась ли волчица или нет. Но этого не понадобилось... Через мгновение я почувствовал резкую и ужасную боль в правой ноге, и не задумываясь, чуть ли не рефлекторно со всего маху ударил туда топором не глядя. Когда я посмотрел, что произошло, было уже поздно. Из головы волчицы торчал мой топор, а волчонок, ставший свидетелем всего этого, даже не мог пошевелиться. Он лишь пристально

смотрел мне в глаза, от чего мне стало по-настоящему жутко. Живот в очередной раз проурчал. Я слёзно умолял о прощении у этого волчонка, уже потянулся руками, чтобы взять его, но он... убежал. Мне ничего не оставалось, как взять труп волчицы в лагерь, чтобы пожарить на костре и съесть. Но идти я практически не мог, так как в ноге была жуткая боль и всюду сочилась кровь. Я, зная, что может произойти что-то подобное, взял с собой несколько бинтов из лопуха и кусков палатки. Всё перерезав и хорошенько затянув, я начал путь обратно в лагерь, вместе с добытой едой.

Время-18:00. "Господи, какая же это дрянь, но... это лучше, чем ничего" – подумал я, еле проглатывая очередной кусочек подгоревшей волчатины. "У меня много хвороста, еды хватит дня на 2. Нужно отдохнуть, сегодня был очень тяжёлый день. Может, завтра смогу сделать удочки и ловить рыбу, жареная она такая вкусная!" – подумал я, засыпая в открытой палатке возле костра.

День 4, время-02:30..Я проснулся, услышав какой-то хруст и приглушённый, еле слышимый плач. "Что? Не может быть!" – подумал я, увидев страшную и одновременно жуткую картину. Напротив моего лица, рядом с костром, сидел Витя и поедал, точнее, обгладывал ногу кабана. "Я... я же убил тебя. Вон, даже... что? Но как?" – я снял самодельный бинт с левой руки. На ней совершенно не было следов от множества укусов. Витя смотрел на меня голодным взглядом. "О нет, я уже видел этот взгляд" – подумал я, схва-

тившись за топор, который оставил рядом на случай визита хищников. Бой был не долгим, всего лишь пару секунд. Так как я знал, что он захочет сделать, я очень быстро контр – атаковал его топором в голову. Витя упал замертво. "Так, что здесь вообще происходит? Странно, я даже не испугался. Не было той дрожи и оцепенения, как вчера. Так, всё, я не буду спать и глаз не спущу с Вити, пока не наступит утро" – подумал я.

Время-05:15. Я наблюдал за самым красивым восходом солнца в своей жизни. На мгновение я даже забыл обо всех проблемах, которые меня окружали. "Ах, какой прекрасный восход, жаль, ты его не видишь, Вить" – подумал я, переведя взгляд на труп Вити. Но его там не было... Там было всё, как обычно: зелёная травка, никаких пятен крови и даже трава не помялась. "Что? Не может быть! Я отвлёкся всего на секунду!" – подумал я. Вдруг я услышал очень громкий свист в ушах и упал, потеряв сознание.

04. 06. 1956г. Город Архангельск. Больница. "Знаете, состояние вашего сына -критическое. Я сделал всё, что мог. Теперь остаётся лишь молиться, чтобы он вышел из комы" – сказал голос в темноте, "Но, доктор, долго ли этого ждать?" – спросила женщина, "Если честно, я понятия не имею. Кома-очень тяжёлое состояние, и из-за пребывания в нём у человека начинают отмирать клетки головного мозга. Если он не очнётся через неделю, мне придётся отключить его от системы искусственного жизнеобеспечения" – с разочарова-

нием сказал голос в темноте.

04. 06. 1956г. Пригород Архангельска. Время-10:02. "Что... Что это было? Я... Я в коме? " – с дрожью в голосе произнёс я. "Что? Мой голос! Он вернулся! " – радостно крикнул я. Встал, но что-то было не так. "Этого не может быть" – произнёс я, снимая самодельный бинт с ноги. На месте раны ничего не было. Как – будто там никогда не кусали. "Чёрт, неужели я и вправду в коме? Но почему? " – подумал я, и тут... щелчок. "Господи, я вспомнил... " – вслух сказал я. Это было 4 дня назад, в самую первую ночь в лагере... Витя... Витя поднёс мне нож к горлу и сказал "знаешь, я всегда хотел посмотреть, как такие ничтожные черви, как ты, подышают в муках". Он... Он начал вести мне ножом по горлу, но я... я вырвался! И смог его зарезать, но... было уже слишком поздно. Я отключился, а когда проснулся, увидел Витю, жующего и обгладывающего ногу кабана... "Значит, я всё-таки в коме" – с тоской произнёс Виталик. "Надо кое-что проверить! " – крикнул он, подскочив с места, оставив свой топор на земле у костра.

Время-11:00. "Так я и думал" – с грустью в голосе произнёс Виталик. Он сидел, замерев в кустах, наблюдая перед собой маленького волчонка, который спит в обнимку со своей мамой-волчицей. "Получается, я не могу здесь умереть? " – подумал он. Виталик вышел из кустов, прохрустев каждой веткой, что смог найти по пути. Волчица повернулась к нему и посмотрела ему прямо в глаза. В его глазах не было страха,

лишь отчаянье. Она со скоростью пули вгрызлась в глотку мальчика.

Время-11:01. "Чёрт! Так и знал..." – сказал Виталик, проснувшись у себя в палатке возле потухшего костра.

03. 08. 1956г.

Время-02:30. "Чёрт, из раза в раз... Изо дня в день всё повторяется сначала." – с грустью подумал Виталик, увидев перед собой в очередной раз Витю, обгладывающего в очередной раз ногу кабана. "Ладно, я уже знаю всё, что случится" – подумал Виталик и, не медля ни секунды, быстрыми, но в тоже время плавными движениями левой руки открыл палатку до конца, а правой – выхватил нож и воткнул Вите в глаз.

"Господи, сынок, прошу тебя... Я не знаю, слышишь ли ты меня, но... я никуда не уходила, я всё жду, пока мой маленький Виталик откроет глазки и мы... мы сможем уйти домой. Сынок, если ты меня слышишь – подай хоть какой-нибудь знак. Ты лежишь в коме уже почти 2 недели, и, если ты не найдёшь в себе силы проснуться, врачи отключат тебя от системы жизнеобеспечения. Прошу, сынок, не покидай меня!" – прозвучал еле слышно голос в голове Виталика. "Что? Почти 2 недели? Я здесь уже минимум 2 месяца... Что-то здесь не так. Ладно, я умирал от каждого живого существа в этом лесу, но... Что, если убить самого себя?" – подумал Виталик, покрывшись мурашками. "Я смогу... Всё будет быстро и безболезненно" – сказал он, после чего перерезал себе

горло.

03. 09. 1956 г.

Время – 3:00 . "Ма... Мама" – еле слышно сказал он, открывая глаза. "Господи, позовите врача, срочно! Он очнулся!" – с непомерной радостью прокричала мать Виталика. Врач пришёл спустя всего пару минут, но за это время Мама с сыном успели так много друг другу сказать, что не хватит и целой книги, чтобы всё это вместить. "Как ты себя чувствуешь, Виталик?" – спросил доктор. "Хо... хорошо, долго я спал?" – с удивлением спросил мальчик. "Да, почти 2 недели" – ответил доктор. "Понятно... а... скоро вы меня выпишите? Я полон сил" – уверенно сказал мальчик. "Ну, если только под ответственность твоей мамы – можем хоть сегодня" – с улыбкой на лице сказал доктор. "Ура!!! Мама, мамочка, давай уйдём отсюда домой?" – сказал мальчик. "Ну конечно, милый, мы скоро отсюда уйдём." – с улыбкой на лице ответила мама.

Время – 12:09. Мальчик вместе с мамой под ручку ушли домой. Через 3 часа к ним в дом вломиться полиция и будет ошарашена и поражена увиденным. Мальчик будет сидеть возле своей мёртвой мамы, весь в крови, поедая её ногу. Когда он увидит полицейских, с заплаканными глазами кинется на них, а в руках у него будет откидной нож.

"В суде меня признали не вменяемым... Даже забавно, Виталик так хотел от меня избавиться, убивал меня день за

днём... Ну ничего, я доказал ему, что он – всего лишь слабак, который сдался, самое слабое звено в пищевой цепи, а я – хищник" – сказал Витя, сидя в смиренной рубашке, в комнате, покрытой белым пенопластом. Настоящий Виталик умер там, в коме, в своём разуме.

Петля.

Дорни плелся по дороге в сторону леса, прочь из родной деревни. Его пушистый длинный хвост волочился в пыли, оставляя за собой размазанный, извилистый след. Остальные шесть, заплетенные в замысловатый узел, были плотно прижаты к спине, прикрывая его от ударов, согревая и защищая. Собственно, седьмой хвост тоже был частью этого своеобразного доспеха, но сейчас, после проигранного им поединка, жалко болтался позади,

Дорни вытер навернувшуюся на глаза слезу, шмыгнул носом и прибавил шаг. Вон он, Лес, осталось лишь перейти мосток над неширокой речушкой, да пересечь небольшое поле, а там уже и рукой подать до заповедного места. Вернее, заповедным оно было лишь для него, Дорни, остальные жители деревни предпочитали туда не соваться и вообще сторонились Леса. Поговаривали, что там водится всякая нечисть, но Дорни никогда не замечал ничего подобного. Наоборот, только там он чувствовал себя уютно, словно в объятиях мамы, но матушка умерла, когда ему исполнилось десять вёсен, и Лес остался единственным заступником и утешителем. Кажалось, он обнимал осиротевшего, одинокого малыша, успокаивал. И учил. Учил быть ловким, сильным, внимательным. Именно здесь Дорни научился слушать легкое, едва-заметное дыхание ветра и слышать в нем одному ему понятные

слова. Именно здесь он научился читать в танце теней и переплетенных ветвей подсказки, на которые так щедра природа, надо лишь уметь увидеть.

Очувтившись под сводами Леса, Дорни глубоко вдохнул пряный, пахнущий нагретой смолой и багульником воздух. На душе сразу стало легче, будто кто-то невидимый ласково прикоснулся к его сердцу, убирая оттуда грустные мысли. Он радостно улыбнулся Лесу и быстро шагнул на одному ему заметную тропу, петлявшую меж деревьев и уводившую в самую чащу. Еще немного, и Дорни очутился на залитом закатным солнцем пригорке, посреди которого возвышался старый, толстый дуб. Немного полюбовавшись этим красавцем, Дорни поклонился величественному дереву и легко взобрался по склонившейся к самой земле узловатой ветке.

Прислонившись спиной к толстому, шершавому стволу, он, наконец, с облегчением вздохнул и, распустив шесть белоснежных хвостов, позволил себе расслабиться. Однако, его спокойствие длилось недолго. Дорни встрепенулся и хлопал себя по карманам плотного кожаного жилета. Великий Шоарри! Как же он мог забыть! Он же покинул деревню сразу после Битвы охотников и все его пожитки остались там, дома. Ладно, не беда. Вечером, когда стемнеет, он вернется в деревню. В конце-концов, его никто не прогонял, он всего лишь проиграл поединок. Первый в своей жизни серьезный поединок.

По традиции клана, раз в три весны каждый юноша, до-

стигший двадцати весен, имел право участвовать в битвах за титул Старшего охотника. В бою можно было пользоваться любым оружием и любыми приемами, но было одно непреложное правило – бой должен быть честным. За этим следили старейшины.

Рыжий Макур, был старше прочих претендентов и уже трижды принимал участие в поединках, но каждый раз находился кто-то более сильный и ловкий, укладывавший рыжего бойца на обе лопатки, что неизменно раздражало его. Наверное, ему до чертиков надоело проигрывать тем, кто был младше, и в этот раз он решил подстраховаться. Уж как он этого добился, – подговорил ли шпану, или приятелей, или еще как, – неизвестно, но заготовленный к вечернему празднику цветной огонь вырвался в небо как раз в тот момент, когда Дорни уже готов был отправить рыжего в нокаут. Взгляды всей деревни поднялись к расцветченному разноцветными огнями небу. Даже старейшины отвлеклись от ринга и уставились на неуместное светопредставление. Всего несколько мгновений, но Макуру их хватило с лихвой, чтобы бросить в лицо зазевавшемуся противнику пригоршню пыли и, пока тот протирал глаза, повалить его на землю. Когда старейшины вновь повернулись к поединщикам, все было уже кончено. Макур крепко прижимал поверженного противника к земле, а его семь хвостов победно вздымались в вечернее небо.

Естественно, победу присудили рыжему, и доказывать,

что заработал он ее нечестным путем, было бессмысленно. Никто бы не поверил. Поэтому Дорни просто ушел с праздника и, как и всегда, когда его что-то огорчало, направился в Лес. Единственное, о чем он сейчас жалел, так это об оставленной дома поясной сумке. Хотелось привести себя в порядок, а без маленького зеркальца это было трудно. Прежде оно принадлежало его матери, но, после ее смерти он всегда носил его с собой как напоминание, как талисман и теперь чувствовал себя очень неуютно.

Внизу что-то блеснуло, привлекая внимание Дорни. Не меняя позы, он чуть скосил глаза. Легкая улыбка тронула губы парня. Один из последних лучиков солнца подобрался к маленькому бочажку и теперь плескался в воде, многократно отражаясь и разбрасывая повсюду яркие блики. Дорни протянул ладонь, словно желая погладить прохладную, сверкающую поверхность, но вдруг одернул руку и широко распахнул глаза. Ему показалось, что спокойная всегда вода неожиданно поднялась вверх, навстречу ему. Даже почудился легкий холодок, будто что-то влажное коснулось незащищённой мехом кожи. Он поднес руку к глазам.

Точно. В самом центре ладони виднеется влажный след, словно лизнул кто-то. Дорни попытался стереть непонятно каким образом появившуюся влагу, но она лишь еще сильнее размазалась по коже, застывая, и приобретая зеркальный блеск. Сердце парня учащенно забилося, стало немного страшно. Никогда прежде он не сталкивался ни с чем по-

добным. Тем более в таком знакомом, исхоженном вдоль и поперек Лесу.

Дорни сосредоточенно рассматривал ладошку. Вернее, то, во что она превратилась. Из зеркальной глади на него смотрел, настороженно поводя аккуратными ушками, белый лис. Дорни дернулся, было, но потом сообразил, что это он сам, его отражение, выглядывает из невесть откуда взявшегося зеркала. Что ж, раз уж выдалась возможность, надо привести себя в порядок. Он принялся разглядывать отражение.

Да уж, белым его сейчас можно было назвать с большой натяжкой. Под глазами темные круги и грязные серые разводы, – последствия попавшей в глаза и растертой в тщетной попытке избавиться от нее, пыли. Поперек морды тянется большая багровая полоса, – след от когтя Макура. Хорошо, что не распорол шкуру, иначе остался бы уродливый шрам, а так, через пару недель все безследно исчезнет.

Дорни фыркнул и мягко соскользнул на землю. Опустился на колени около того самого бочажка. Припал к самой воде и настороженно повел носом. Обычная болотная вода, никаких странных или посторонних запахов. Он осторожно коснулся пальцем спокойной темной поверхности и тут же отдернул руку. Однако, ничего не произошло, и Дорни уже спокойно зачерпнул в пригоршню воды и принялся сосредоточенно тереть морду, смывая с нее пыль и кровь. Не забывал он и поглядывать в импровизированное зеркальце, в которое превратилась его собственная ладонь. Через некото-

рое время он удовлетворенно хмыкнул, взглядываясь в свое посвежевшее отражение. Шерсть его снова была белоснежной и лишь багровая полоса, так и оставшаяся на его морде, напоминала о минувшем дне.

Теперь предстояло понять, что делать с рукой. Ему вдруг снова стало страшно. А что, если он вот так и останется? Его ж засмеют в деревне! Виданное ли дело, – охотник с зеркалом вместо ладони?

Он снова уставился на свою конечность. В сгущавшихся сумерках блестящая поверхность выглядела жутковато. Он вертел ладонь и так и этак, в попытке понять, можно ли за что-нибудь зацепиться и сорвать эту блестящую пленку.

– Ну? – услышал он вдруг до боли знакомый голос. – И долго ты собираешься махать руками и тарашиться так, будто привидение увидал?

Отражение в зеркале подмигнуло застывшему в удивлении лису и растянуло губы в приветливой улыбке. Дорни яростно помотал головой. Хорошо же Макур его приложил, мерещится всякое.

– Да, не тряси ты башкой! – смеясь, сказала отражение. – Совсем мозги растрясешь.

Послушавшись совета, головой он трясти перестал, но принялся ожесточенно тереть ладонь о жесткую, покрытую перепревшей листвой и мелким сором, землю, но сколь ни старался, на блестящей поверхности не появилось ни единой царапинки. Отражение разразилось заливистым смехом.

– Ну, все, все, хватит, щекотно же! Да, успокойся же ты! – резкий окрик привел Дорни в чувство. Он прекратил дергаться и хмуρο воззрился на собственное отражение.

Немного помолчал, и сердито поинтересовался:

– Ну? И кто ты такой?

Отражение хитро прищурилось.

– А ты так до сих пор и не понял?

Дорни поморщился.

– Мало ли, чего я там понял. Кто ты такой? – повторил он свой вопрос.

Лис по ту сторону ладони закатил глаза.

– Хорошо, – со вздохом, словно учитель, уставший объяснять непонятливому ученику прописные истины, произнес он. – Я, – это ты.

– Угу, конечно, – недоверчиво проворчал молодой лис. – С каких это пор отражения разговаривают со своими хозяевами?

– А с каких пор лисьи лапы превращаются в зеркала? – вопросом на вопрос ответило отражение.

Дорни насупился еще сильнее.

– У меня, вообще-то, не лапы, а руки. – он повертел перед зеркалом свободной рукой, растопырил длинные, совсем не лисьи, пальцы, пошевелил ими, а потом резко сжал в кулак и сунул под нос отражению. – Это видел? – угрожающе проворчал он.

– Видел-видел, – снисходительно ответил Дорни-из-зазер-

калья и, в свою очередь помахал ему рукой. – У меня такие же. Только это дела не меняет. Впрочем, называй, как хочешь.

Зазеркалец повернулся к Дорни спиной, всем своим видом показывая, что ему стало скучно.

– Захочешь узнать, что делать дальше, дашь знать, – устало сказал он, махнул хвостами и... С поверхности зеркала на Дорни смотрела его собственная физиономия. Растерянная, испуганная и немного потрепанная.

Дорни снова помотал головой, – примерещится же всякое, – и вновь принялся тереть ладонь о землю. Он даже попытался поддеть зеркальную пленку когтем, но у него ничего не вышло. Казалось, он скорее сотрет кожу, чем эта непонятная штука слезет. Притомившись от бесплодных усилий, он прислонился спиной к теплому, шероховатому стволу и жалобно, по-щенячьи, заскулил. Несколько раз со злостью хлопнул раскрытой ладонью по стволу, взвыл уже от боли и опять поднес злополучную конечность к лицу. Некоторое время с сомнением смотрел на свое отражение. Как он там сказал? Дашь знать? Интересно, и что я должен сделать?

– Эй, ты, – тихонько позвал он, поднеся ладонь к губам, – который я. Или, как там тебя? – он немного помолчал, вглядываясь в собственное изображение. – Что я должен сделать?

Однако, с ладони на него смотрела лишь его собственная нынешняя морда на фоне быстро темнеющего неба. Дорни глубоко вздохнул и отвел глаза, но неясное движение в зер-

кале заставило вернуться к созерцанию. Ему показалось, что там, в темной блестящей глубине, мелькнуло девять размытых молний. Он попытался разглядеть, понять, что это было, но сосредоточиться на этой мысли ему не удалось. Знакомый голос насмешливо произнес:

– Все? Успокоился? Готов к диалогу? – Дорни кивнул, а лис в зеркале удовлетворенно хмыкнул. – Вот и чудненько. Для начала, давай определимся, чего ты хочешь.

– Скажи, как избавиться от этой штуки! – выпалил Дорни.

– И это все? – разочарованно протянул его собеседник.

– А чего я еще могу хотеть в такой ситуации? – молодой лис насупился.

– Ну-у-у... – произнес зазеркальщик, – я бы на твоём месте поинтересовался, почему это произошло и как можно использовать, но, как хочешь. – Лис в зеркале пожал плечами. – Просто ополосни руку в той луже и можешь спокойно возвращаться в то место, которое зовешь домом.

Дорни удивленно вытаращил зелёные глаза.

– Так просто?

– Да. А ты что думал?

– Ну, не знаю, – смутился он. – А что потом?

– Что – потом? – не понял собеседник. Видимо, разочарованный ответом, он потерял к парню всякий интерес.

Он повернулся боком и принялся сосредоточенно изучать когти на правой руке.

– Ну, я буду прежним?

Лис чуть повернул голову, сверкнув глазом.

– А ты этого хочешь? – в его голосе сквозила легкая ирония.

Дорни задумался. До этого вопроса ему и в голову не пришло посмотреть на ситуацию с другой стороны. Может, от того, что он рано остался сиротой, а из-за цвета его шерсти, одногодки постоянно дразнили его и не принимали в игры, он всегда хотел быть таким же, ничем не выделяться. Хотя нет. Решение участвовать в поединке он принял потому, что хотел доказать деревне, что он не хуже, а, может, в чем-то и лучше других. И вот теперь этот странный случай. А так ли уж важно быть таким, как все? Да и пес с ним, зеркалом на ладони. Зато можно не беспокоиться, что забудешь или разобьешь. Дорни прищурился и усмехнулся.

– Нет, пожалуй не хочу.

Собеседник тут же вновь повернулся к нему лицом.

– Что ж, это совсем другой разговор, – совершенно серьезно сказал он. Отступил на шаг, покачал головой, будто присматриваясь к чему-то, потом довольно кивнул и изрек:

– Дай мне руку.

– Чего? – не понял Дорни.

– Протяни мне свою руку, – повторил Лис.

– Как я могу это сделать, если ты и так сидишь в моей руке?

Лис закатил глаза.

– Во-первых, я не сижу, как ты выразился, в твоей руке.

Я... – он оглянулся, – я нахожусь, скажем так, у себя дома. Просто, благодаря определенным обстоятельствам, я могу общаться с тобой. Во-вторых, у меня не очень много времени. Не так просто удержать временной портал, дабы иметь сомнительное удовольствие пообщаться с самим собой, так что будь умницей, и просто накрой одну руку другой.

Дорни послушался и почти сразу ощутил волну жара и сильный толчок. Меж неплотно сомкнутых пальцев за клубился легкий туман. Подчиняясь безотчетному желанию, парень отвел руку в сторону. Туман стал гуще, а зеркальная пленка вдруг стекла с его ладони, обретая четкие очертания. Пара мгновений и посреди поляны стоял еще один серебристо-белый лис. Едва ступив на землю, он резко развернулся, отчего полы его длинного, безрукавого плаща распахнулись, выпуская на волю девять пушистых хвостов, которые тут же сплелись в замысловатую фигуру.

Лис остановился, придирчиво оглядел себя.

– М-да. Немного просвечиваю... Ну, да ладно. – Он подошёл к вжавшемуся в ствол дуба Дорни. – Ну, здравствуй, я.

Прошло уже больше года, как он поселился в Ханамидолле. После беседы с самим собой, он вернулся в деревню лишь под утро и то только затем, чтобы забрать из дома свою сумку, да несколько дорогих сердцу вещей. Он быстро собрался, и ушел, ни с кем не попрощавшись. Да и не с кем было

прощаться. Друзей у него не было, а остальные быстро забудут о нем.

Сейчас он был даже благодарен Макуру за его подлость. Если бы не это, ходил бы он в чине Старшего охотника, учил подростков разным премудростям. Дело, конечно, нужное и почетное, но, сейчас он отчетливо это понимал, совсем для него не интересное. Так что пусть уж им занимается Макур, а он будет здесь, постигать азы великой лисьей премудрости.

В этом городе, он впервые столкнулся с большим количеством народа, жившего в огромных и, по его мнению, неудобных каменных коробках, которые здесь называли домами. По-началу ему казалось, что это самые настоящие ловушки, из которых, – не приведи Великий Шоарри! – случись чего, не выберешься, но теперь он пообвык и находил эти монументальные постройки вполне комфортными. Он нашел себе недорогое жилье на окраине города. Небольшой домик, окруженный вишнёвым садом, комнату в котором сдавала пожилая семейная пара, привлек его внимание тем, что немного напоминал о родной деревне, в которой больших домов отродясь не видывали.

Но больше всего ему нравилась библиотека. Высокая башня из белого камня, острый шпиль которой, казалось, пронзал облака. Внутреннее же убранство библиотеки отличалось скромностью и простотой. Нескончаемые ряды книг вдоль стен, несколько письменных столов для удобства посетителей, пара учебных комнат, которые почти всегда пустовали.

Были тут и несколько помещений, о которых обычные горожане даже не подозревали. Святая святых. Архив, где находились древние книги по истории и магическому искусству и лаборатории. Именно там Дорни проводил почти все свое время и именно там он чувствовал себя по настоящему счастливым.

Здесь он познакомился с Араной, молодым лисом, таким же белым, как и он сам. Арана был на несколько весен старше и всю свою жизнь провел в Ханамидолле. Родители его, весьма зажиточные и уважаемые граждане, посвятили себя алхимии и достигли немалых высот. Им, как, пожалуй, всем родителям, очень хотелось, чтобы сын пошел по их стопам, и Арана был отправлен на обучение. Однако, сам Арана не сильно стремился постигать различные науки. Единственное, чего хотел избалованный отпрыск, это развлекаться в компании таких же молодых повес.

Когда появился Дорни, Арана сначала подшучивал над простодушным деревенским парнем, потом попытался привлечь на свою сторону, но, поняв что того интересует лишь учеба, махнул рукой и отстал, однако продолжал из-под тишка следить за ним. Даже стал посещать уроки старого, седого Намэки и постепенно сам настолько проникся, что забросил прежних приятелей. Учитель же, глядя на это лишь посмеивался. Уж он-то прекрасно знал, какая сила прячется под этими белоснежными шкурами и со своей стороны старался одинаково развивать таланты каждого, но Дорни иногда ка-

залось, что ему старый Намэки уделяет гораздо больше внимания.

Еще ему казалось, что учитель порой слишком сильно придирается к нему. К ним обоим. Каждый неверно начерченный в воздухе знак вызывал у Намэки бурю негодования.

– Что вы творите! – неизменно восклицал он. – Угробить всех нас всех хотите? Ну ладно, Арана, это не его призвание, но ты, Дорни! Ты же Начертатель! Тот, кто с помощью начерченных знаков и своей внутренней силы способен изменить мир вокруг себя. Ты должен быть более внимательным. Неверно начерченный знак может привести к печальным последствиям, даже если ты чертишь его только рукой.

Дорни послушно кивал и принимался за дело снова и снова, пока старый учитель не оставался доволен своим подопечным. Со временем он научился воспроизводить то, что ему показывал Намэки с первого раза и однажды старый Мастер объявил, что теперь его обучение переходит на новую ступень.

– Если ты думаешь, что Создатель наградил тебя хвостами исключительно для красоты, то ты глубоко заблуждаешься. Пора бы тебе, – он ткнул когтистым пальцем в грудь замершего перед ним парня, – научиться использовать их по назначению.

С этого дня он почти не виделся с Араной, к которому успел привязаться. Теперь каждый из них начал проходить свою собственную подготовку. Встречались они лишь в ко-

роткие перерывы, да и то почти не разговаривали.

Примерно в это же время, он начал ощущать неприятный зуд чуть пониже спины.

Прямо в том месте, откуда росли семь его шикарных хвостов. Сначала он испугался и даже обратился за помощью к учителю. Смущаясь и запинаясь на каждом слове, стора от стыда, он поведал Намэки о том, что его так сильно беспокоило. Выслушав длинную, сбивчивую речь своего ученика, старый Мастер глянул на него поверх очков и расхохотался. Смеялся он долго, чем смутил молодого лиса еще сильнее. Умей Дорни краснеть, он был бы сейчас пунцовым от смущения и неловкости. Отсмеявшись, Намэки дернул незадачливого ученика за один из хвостов и очень серьезно сказал:

– Ты становишься сильным, мой мальчик. Совсем скоро ты превзойдешь меня в своем мастерстве.

Дорни непонимающе посмотрел в смеющиеся глаза учителя, весь вид которого выдавал полнейшее удовлетворение.

– Но... как быть с моей проблемой?

– А, никак, – Намэки махнул рукой. – Позудит и перестанет. Зато у тебя появится еще парочка роскошных хвостов.

– Хвостов? – удивленно протянул молодой лис.

– Да, хвостов. А что тебя так удивляет? – старый учитель снял очки и принялся протирать их платком.

Дорни пожал плечами.

– Это... несколько неожиданно.

Учитель, закончив протирать стекла, вновь водрузил очки

на нос и внимательно уставился на парня.

– Ну, почему же. Как раз-таки, вполне ожидаемо. Ты растешь и твоя сила тоже растет. Следовательно, и хвостов становится больше. Все закономерно, мой мальчик.

Дорни немного подумал и согласно кивнул. То, что сейчас говорил учитель, полностью совпадало с услышанным им давным-давно от самого себя. Тот, более взрослый и опытный Дорни, тоже сказа, что однажды, когда его сила возрастет, хвостов у него станет больше. Видимо, это время пришло.

Дорни до сих пор хорошо помнил тот день, будто это было только вчера и каждый вечер, отправляясь спать, воспроизводил в памяти все мельчайшие подробности их разговора.... – Ну, здравствуй, я, – произнес серебристо-белый лис и протянул ему руку. Дорни отшатнулся, было, но тут же пересилил испуг и ответил на рукопожатие.

Серебристо-белый присел рядом.

– Ну, что, поговорим? – и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Ты не догадываешься, как такое могло произойти?

Дорни молча помотал головой.

– Я вообще не понимаю, что происходит, – хмуро произнес он. – Что это за штуковина, – он поднял руку, на которой уже не было зеркальной пленки, – кто ты такой и почему, если ты, это я, у тебя девять хвостов?

Серебристо-белый широко улыбнулся, продемонстрировав два ряда острых мелких зубов.

– Отличные вопросы, парень, – лис кивнул. – А теперь немножечко подумай своей головой, может, сможешь найти ответ хотя бы на один из них?

Дорни насупился и принялся думать, но никакого мало-мальски логического объяснения в голову не приходило.

– Не знаю, – пробормотал он, – магия какая-то.

– Что ты сказал? – Лис подался вперёд, будто не слышал только что произнесенных слов.

– Магия, говорю, какая-то, – громче повторил Дорни.

– Во-от! – собеседник наставительно поднял вверх указательный палец. – Вот. Ты сам ответил на все свои вопросы. Ты особенный, Дорни. Ты ведь всегда отличался от сверстников, правда?

Дорни кивнул.

– Мне всегда доставалось за цвет моего меха. Даже дразнили белой вороной. – Он усмехнулся, вспомнив, как обижался на такие слова, будучи совсем маленьким.

– Да, ты белый, но это не все, чем ты отличаешься от других. Подумай, что ты умеешь? Может, есть что-то, что ты можешь делать лучше односельчан?

– Конечно. Я лучший охотник... – он осекся, вспомнив, как его обошел рыжий Макур, и поправился, – ну, один из лучших.

Лис кивнул.

– А еще?

Дорни пожал плечами. Поднял с земли веточку, повертел

в пальцах и щелчком отбросил ее подальше.

– Я могу разговаривать с ветром, могу различать шепот деревьев. Иногда мне кажется, что стоит мне захотеть, и я смогу управлять стихиями... – задумчиво протянул он, но тут же встряхнулся. – Но это все ерунда. Так ведь многие могут, верно?

Серебристо-белый лис чуть склонил голову.

– Нет. Так теперь могут далеко не все. Более того, и раньше не все умели то, что умеешь ты. Только такие же белые, как мы с тобой могли творить магию, но давным давно на нас объявили настоящую охоту и многих перебили, и теперь с каждым годом нас все меньше.

– Таких, как я было много? – в глазах молодого лиса вспыхнул огонек любопытства. – А... Почему их всех перебили?

Собеседник вздохнул и опустил голову.

– Понимаешь, Дорни, люди никогда не любили тех, кто чем-либо отличается от них. Косой, хромой, слишком умный или слишком глупый, это совсем не важно. А уж если кто-то обладал сверхъестественными способностями, то это совсем беда. Их объявляли опасными для общества и при любом удобном случае истребляли.

– Так... Это сделали люди?

Гость из будущего покачал головой.

– Нет. Не только. Эльфы, гномы, тролли, даже наши соплеменники приложили к этому руку. Впрочем, сейчас это

уже не важно. Сейчас нас очень мало и мало кто из нас помнит свое прошлое и еще меньше тех, кто может полностью овладеть своим искусством в полной мере. Тебе в этом плане повезло.

Дорни недоверчиво фыркнул.

– Интересно, в чем же?

– Тебе повезло в том, что у тебя-то как раз есть возможность обрести себя.

Молодой лис развеселился, вскочил на ноги и, похлопав себя по груди, по плечам, по бедрам, со смехом заявил:

– Да, я и так вот он. И даже, вроде бы, и так целый. Руки-ноги на месте, хвосты тоже. – Он снова опустился на землю рядом с гостем, но тот поспешно поднялся и отошел на пару шагов. Дорни немного удивило такое поведение, но задал он совсем другой вопрос:

– Кстати, о хвостах. Если ты, это я, то почему у тебя их девять, тогда как у меня всего семь? – он чуть отодвинулся от ствола, расправил свои хвосты и, мазнув ими воздух, свернул в замысловатый узел. Дуб за спиной содрогнулся, как от хорошего толчка, и на голову Дорни посыпался целый дождь желудей. Один желудь, самый крупный, больно щелкнул его по носу. Парень поморщился и потер ушибленное место. – Больно же, – простонал он.

Однако, серебристо-белый лис даже ухом не повел. Он тоже потирал кончик носа, будто сам получил увесистый щелчок, но глаза его смеялись.

– Да, именно так все и было, – тихо пробормотал он.

Дорни тут же насторожился и перестал тереть нос.

– Что было?

Гость повел рукой.

– Все это. Я, ты, желуды. Или ты думаешь, я по-другому узнал о своем даре?

– Я? Нет, не думаю... Не знаю... – смутился парень.

Старый лис вздохнул.

– Нет, друг мой. Все происходит именно так, как уже происходило двадцать лет назад. Когда-то давно я, то есть ты, создал эту временную петлю лишь для того, чтобы сподвигнуть свое молодое "я" к развитию. Вот, собственно и все.

– Вот так вот просто? "Временная петля", "сподвигнуть", и никаких других объяснений? – неожиданно рассердился Дорни. – Хорошо. Допустим, ты, то есть я, нашел способ вернуться в прошлое, чтобы заставить самого себя заниматься сомнительным делом, но где доказательства?

– Каких доказательств тебе еще надо? – в том же тоне ответил гость. Он подошел поближе и Дорни вдруг показалось, что он стал выше, грудная клетка раздалась в ширь, по серебристо-белому меху пробежали голубые огоньки. Пахнуло озоном, как перед грозой, хвосты гостя прочертили в воздухе непонятный знак, пальцы рук сплелись в похожую комбинацию, поляну трянуло, и перед ошарашенным парнем по земле зазмеилась широкая трещина. Еще одно движение хвостами, новый знак и трещина с громким стуком схлоп-

нулась, не осталось даже и следа. Гость сразу как-то сник и вернулся на прежнее место. – Надеюсь, этого тебе достаточно? – севшим голосом произнес он.

Дорни судорожно сглотнул.

– Ты же знаешь мой ответ, зачем спрашиваешь?

– Уффф... – собеседник провел рукой по лбу, точно сквозь густой мех могли проступить капли пота. – Я, естественно, знаю, но ты должен мне ответить. Итак, достаточно или нет?

– Достаточно, – проворчал Дорни, поднимаясь с земли. Отряхнул штаны от пыли, прошелся пальцами по хвостам, вычесывая из густой шерсти налипший сор и не решаясь, как обычно, стряхнуть его, и вдруг обиженно протянул, – а про хвосты так ничего и не рассказал...

Его оппонент запустил пальцы в шерсть на затылке, поднял голову к ночному небу, где сквозь прорехи в ветвях проглядывала полная белая луна, и совсем по-волчьи завыл.

– Я тебе серьезные вещи рассказываю, а ты все про хвосты... – простонал он. Глубоко вздохнул и уже спокойным голосом произнес. – У таких, как мы, количество хвостов является показателем личной магической силы и могущества. Я намного старше и опытнее тебя теперешнего, соответственно, и хвостов у меня больше. – Заметив удивленный взгляд парня, он усмехнулся. – Не переживай, отрастут. Главное, прилежно занимайся и не манкируй тренировками, понял?

Дорни кивнул.

– Очень хорошо, – обрадовался гость из будущего. – Тогда слушай внимательно. Я расскажу что тебе следует сделать...

Яркая лиловая молния с треском рассекла свинцово-серое небо и шипя вонзилась в огромный валун, оставив на его месте лишь черное выжженное пятно. Дорни бросил косой взгляд на дымящуюся землю и благодарно кивнул своему напарнику. Если бы Арана не успел вовремя поставить щит, от них сейчас мокрого места не осталось. Будь это обычная гроза, умения Араны не пригодились бы, но не теперь, когда слова старого Намэки начали сбываться. Дорни невесело усмехнулся. Вот ведь как бывает. Самого наставника уже лет десять нет среди живых, а его пророчество обрело силу и стало воплощаться в реальность.

"... Когда взойдет зеленая зеленая луна,

Придет и та, что словно ночь черна..."

– память услужливо подкинула первые строчки. Дорни фыркнул и, выбросив не вовремя вспомнившийся стишок из головы, продолжил сосредоточенно выплетать сложный узор заклятья. Если очень повезет, это даст им еще один день для поисков, если нет, отсрочит появление Чернобурки лишь на пару часов. Что тоже, впрочем, не плохо, учитывая, что противник по силам равен ему самому.

Первый, второй и пятый хвосты прочертили в воздухе три

горизонтальные черты, которые тут же перечеркнул косой взмах четвертого и шестого хвостов. Линии горели в теплом вечернем воздухе мягким желтоватым светом, принимая в себя закрученные спирали от третьего, седьмого и восьмого. Девятый же хвост, обведя всю композицию двойным кругом, поставил в самом центре большую точку. Одновременно с этим пальцы Начертателя порхали в воздухе, дублируя тот же узор, и, едва он был завершен, окружающее пространство дрогнуло, воздух подернулся рябью, а тонкий, натренированный слух лиса уловил еле слышный удивленный возглас, который тут же стих.

Дорни вздохнул, и опустился прямо на землю, устало закрыв глаза. Слишком сложное заклинание даже для него. Вернув противника в исходную точку, оно лишило сил самого Начертателя. Ладно, ничего. Сейчас он немного полежит здесь, на травке, попьет родниковой водички и можно будет двигаться дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.